

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (141) • 2021

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Урал-Пресс»**

Цена для подписчиков — 572 руб., в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 25.08.2021 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 22,4. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 950 экз. Заказ 274.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
А.Н. Варыгин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.И. Грачев	доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Т.В. Заметина	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
Л.В. Логинова	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России))
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (141) • 2021

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of Sciences should be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya, 1.

E-version is located on the official site of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" (<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2021

EDITORIAL BOARD

I.N. Senyakin	doctor of law, Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I. Grachev	doctor of law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T.V. Zametina	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
L.V. Loginova	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 15 **Решев А.Г.**
Забота о человеке в контексте социальной функции права и государства:
доктрина, практика, техника
- 25 **Стребкова Е.Г.**
Судебная защита прав и свобод в эпоху Индустрии 4.0
- 34 **Привалов С.А.**
Технологии искусственного интеллекта в сфере обеспечения права на охрану
здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь: перспективы
и проблемы регулирования
- 44 **Ибрагимов О.А.**
Программа основных направлений деятельности правительства как средство
усиления роли Федерального Собрания в назначении Председателя Правительства
Российской Федерации
- 53 **Фролов А.А.**
К проблеме определения понятия «жилище» в российском конституционном
праве

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 59 **Соколов А.Ю., Солдаткина О.Л.**
К вопросу о нормативном сопровождении порядка проведения заседаний
диссертационных советов в удаленном интерактивном режиме
- 67 **Джамирзе Б.Ю.**
Лицензионный контроль в условиях реформы контрольно-надзорной
деятельности

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 74 **Агашев Д.В.**
Факторы системности права социального обеспечения: целеполагание
- 88 **Афанасьевская А.В.**
Правовой статус искусственного интеллекта

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- 93 **Потапенко Е.Г.**
Пределы нормативной унификации цивилистического процессуального права
- 104 **Стражева А.С.**
Фальсификация судебных доказательств как особое проявление недостоверности
доказательств в гражданском процессе

- 112 Ткачева Н.Н.**
К вопросу о предмете защиты в исковом производстве

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 121 Голикова А.В., Ковлагина Д.А., Пономаренко Е.В.**
Пандемический кризис и уголовная политика: экспертная оценка законодательных инноваций
- 130 Григорьева Л.В.**
Критический обзор положений ст. 128.1 УК РФ
- 137 Климкина Е.И.**
Клевета в современном уголовном праве
- 145 Смирнов И.А.**
Письменные обязательства с положительно характеризующимися осужденными к лишению свободы как элемент их ресоциализации
- 153 Удалов М.И., Шибалова М.А.**
Актуальные схемы мошенничества при получении налогового вычета и способы противодействия им

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР. КРИМИНАЛИСТИКА

- 160 Аширбекова М.Т., Овчинникова Н.О.**
Использование решений ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве в свете результатов конституционной реформы
- 171 Малыгина Н.И.**
Качества человека как объект криминалистического исследования
- 176 Седова Г.И., Федонин А.Е., Перетягко Н.М.**
Некоторые вопросы превентивности уголовного процесса в информационном пространстве
- 186 Григорян В.Л., Лавнов М.А., Францифоров Ю.В.**
Проблемы эффективности реализации норм, базирующихся на дозволительном способе уголовно-процессуального регулирования
- 194 Ефремов Д.А.**
Факторы личностного и информационного характера и их влияние на принятие решения о производстве очной ставки
- 201 Королева Е.В.**
Правовой статус председателя суда в российском и международном праве

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 207 Васильев А.А., Аничкин Е.С., Канакова А.Е.**
Концептуальная модель правового регулирования международного научно-технологического сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества
- 223 Шугуров М.В.**
Правовая модель научно-технологического сотрудничества государств — членов ЕАЭС в агропромышленной сфере

- 238 Липкина Н.Н.**
Развитие концепции контроля как критерия присвоения государству поведения в киберпространстве
- 246 Ситкова О.Ю.**
Превенция в системе правозащитных мер, обеспечивающих безопасность несовершеннолетних в сети Интернет

ПЕРСОНАЛИИ

- 253** К 80-летию со дня рождения профессора Николая Петровича Хайдукова

CONTENTS

CONSTITUTIONAL LAW

- 16 Repyev A.G.**
Care for a Person in the Context of the Social Function of Law and the State: Doctrine, Practice, Technique
- 26 Strebkova E.G.**
Judicial Protection of Rights and Freedoms in the Era of “Industry 4.0”
- 35 Privalov S.A.**
Artificial Intelligence Technologies in the Field of Ensuring the Right to Health Protection, Affordable and High-Quality Medical Care: Prospects and Problems of Regulation
- 44 Ibragimov O.A.**
The Program of the Core Focus of the Government’s Activities as a Means of Strengthening the Role of the Federal Assembly in the Appointment of the Prime Minister of the Russian Federation
- 53 Frolov A.A.**
On the Problem of Defining the Concept of “Housing” in the Russian Constitutional Law

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 60 Sokolov A.Yu., Soldatkina O.L.**
On the question of regulatory support for the procedure for holding meetings of dissertation councils in a remote interactive form
- 67 Dzhamirze B.Yu.**
Licensing Control in the Context of the Reform of Control and Supervisory Activities

CIVIL LAW

- 74 Agashev D.V.**
Systemic Factors of Social Security Law: Goal-Setting
- 88 Afanasyevskaya A.V.**
Legal Status of Artificial Intelligence

CIVIL PROCEEDINGS. ARBITRATION PROCEEDINGS

- 94 Potapenko E.G.**
The Limits of the Regulatory Unification of Civil Procedural Law
- 104 Strazheva A.S.**
Falsification of Evidence as a Special Type of Unreliability of Evidence in Civil Proceedings

- 112 **Tkacheva N.N.**
On the Subject of Protection in the Claim Proceedings

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT LAW

- 122 **Golikova A.V., Kovlagina D.A., Ponomarenko E.V.**
The Pandemic Crisis and Criminal Policy: Expert Assessment of Legislative Innovation
- 130 **Grigorieva L.V.**
Critical Review of the Provisions of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation
- 137 **Klimkina E.I.**
Libel in Modern Criminal Law
- 145 **Smirnov I.A.**
Written Obligations with Positively Characterized Prisoners Sentenced to Imprisonment as an Element of Their Reintegration into Society
- 153 **Udalov M.I., Shibalova M.A.**
Current Schemes of Fraud in Obtaining a Tax Deduction and Ways to Counteract Them

CRIMINAL PROCESS. PROSECUTOR'S SUPERVISION. FORENSIC SCIENCE

- 161 **Ashirbekova M.T., Ovchinnikova N.O.**
The Use of ECHR Decisions in Criminal Proceedings in the Light of the Results of the Constitutional Reform
- 171 **Malykhina N.I.**
Human Qualities as an Object of Forensic Research
- 177 **Sedova G.I., Fedyunin A.E., Peretyatko N.M.**
Some Issues of the Preventive Nature of the Criminal Process in the Information Space
- 187 **Grigoryan V.L., Lavnov M.A., Franciforov Yu.V.**
Problems of the Effectiveness of the Implementation of Norms Based on the Permissible Method of Criminal Procedure Regulation
- 194 **Efremov D.A.**
Personal and Informational Factors and Their Impact on the Decision to Conduct a Face-to-Face Interrogation
- 201 **Koroleva E.V.**
The Legal Status of the Chairman of the Court in Russian and International Law

OTHER BRANCHES OF LAW

- 208 **Vasiliev A.A., Anichkin E.S., Kanakova A.E.**
Conceptual Model of Legal Regulation of International Scientific and Technological Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization Countries
- 223 **Shugurov M.V.**
Legal Model of Scientific and Technological Cooperation of the EAEU Member States in the Agro-Industrial Sphere

- 238 Lipkina N.N.**
Development of the Concept of Control as a Criterion For Attributing to a State
Conduct in Cyberspace
- 246 Sitkova O.Yu.**
Prevention in the System of Human Rights Measures to Ensure the Safety of Minors
on the Internet

PERSONALIA

- 253** To the 80th Anniversary of the Birth of Professor Nikolai Petrovich Haidukov

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-15-24

УДК 340.13; 34.03

А.Г. Репьев

ЗАБОТА О ЧЕЛОВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: ДОКТРИНА, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Введение: на основе положений законодательства, правоприменительной практики и доктрины автором предпринята попытка анализа правового феномена «забота» сквозь призму социальной функции права и государства. Исходя из общетеоретического восприятия конструкции «социальное государство» изучаются различные вариации, служащие формой ее объективации, в том числе с использованием абстрактной морфологической единицы «забота». **Цель:** выявить риски, образующиеся вследствие неопределенного закрепления в нормативных правовых актах и применения субъектами властно-распорядительной деятельности феномена «забота»; предложить варианты унификации положений законодательства относительно лексемы «забота» в аспекте средств и подходов юридической техники для конкретизации правовых норм, приведения к единообразию актов правотворчества. **Методологическая основа:** общенаучные и частные методы исследования, совокупность диалектического и системного методов исследования, формально-юридический подход, метод интерпретации. **Результаты:** выдвигается гипотеза о том, что лексема «забота» со всеми ее производными чаще всего используется в текстах нормативных правовых актов и интерпретационных решениях в двух вариантах значения: оказание помощи; поддержка. Включение феномена «забота» в качестве признака состава преступления, предусмотренного ст. 125 Уголовного кодекса РФ, путем применения законодательной оговорки, без исчерпывающего перечня соответствующих бездействий, представляется неверным. **Выводы:** доказываемся, что эволюционирование форм и способов укрепления российского государства в качестве социального продолжается. Одним из путей реализации данного процесса стало законодательное закрепление феномена «забота» с возложением соответствующих обязанностей на субъектов правоотношений и установлением ответственности за их (обязательств) игнорирование. Для снижения рисков правоприменительных ошибок, злоупотребления усмотрением при интерпретации таких оценочных конструкций, как «отсутствие заботы», «исключительные обстоятельства», необходимы пределы как их законодательного установления, так и механизма реализации.

Ключевые слова: забота, социальное государство, социальная функция права, конкретизация, толкование, оценочное понятие, правовая оговорка, преимущество, государственная услуга.

© Репьев Артем Григорьевич, 2021

Доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Академия управления МВД России); e-mail: repev-artem@yandex.ru

© Repev Artem Grigoryevich, 2021

Doctor of law, Professor, State and legal disciplines department (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

A.G. Repyev

CARE FOR A PERSON IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL
FUNCTION OF LAW AND THE STATE: DOCTRINE, PRACTICE,
TECHNIQUE

Background: the author, based on the provisions of legislation, law enforcement practice and doctrine, attempted to analyze the legal phenomenon of “care” through the lens of the social function of law and state. On the basis of the general theoretical perception of the construction of the “social state,” various variations are studied that serve as a form of its objectification, including using the abstract morphological unit “care.” **Objective:** to identify the risks resulting from the uncertain fixation in regulatory legal acts and the use of the phenomenon of “care” by subjects of administrative and administrative activity; to propose options for unifying the provisions of the law regarding the “care” token in terms of means and approaches of legal technology in order to specify legal norms, bring about uniformity of acts of law-making. **Methodology:** general scientific and private research methods, a set of dialectical and systemic research methods, a formal legal approach, and an interpretation method. **Results:** it is hypothesized that the “care” token, with all its derivatives, is most often used in texts of regulatory legal acts and interpretative decisions in two versions of meaning: assistance; support. The inclusion of the phenomenon of “care” as a sign of the corpus delicti under Art. 125 of the Criminal Code of the Russian Federation, by applying a legislative reservation, without an exhaustive list of relevant inaction, seems incorrect. **Conclusions:** it is proved that the evolution of forms and ways of strengthening the Russian state as a social state continues. One of the ways of implementing this process was the legislative consolidation of the phenomenon of “care” with the assignment of appropriate duties to legal entities and the establishment of responsibility for their disregard. To reduce the risks of law enforcement errors, abuse of discretion in interpreting such assessment constructions as “neglect,” “exceptional circumstances,” limits are needed, both their legislative establishment and the implementation mechanism.

Key-words: care, social state, social function of law, concretization, interpretation, evaluation concept, legal reservation, advantage, public service.

Концепция социального государства, получившая нормативное закрепление в ст. 7 Конституции Российской Федерации, продолжает эволюционировать. Вектор этого развития задается, как правило, Президентом РФ в ходе публичных выступлений. В рамках двух последних посланий Федеральному Собранию РФ глава государства настоятельно озвучивал высший национальный приоритет — «сбережение и приумножение народа России»¹, и это, как думается, не случайная риторическая тавтология.

Реализация данного курса нашла отражение в поправках к Основному закону страны. Текст нормативного правового акта высшей юридической силы дополнен сразу несколькими положениями, закрепившими, например, за детьми статус важнейшего приоритета государственной политики, а также провозгласившими создание условий для всестороннего духовного, нравственного, интеллектуально-

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 янв.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 20 апреля 2021 г. // Российская газета. 2021. 22 апр.

го и физического развития¹. Помимо всего прочего, тенденцией стало проявление социальной функции права и государства посредством лексики «забота» сразу в нескольких вариациях.

Термин «забота», первоначально ассоциируется, как правило, с социально-философским, педагогическим категориальным аппаратом науки. О заботе как основе философии гуманизма, ценностной составляющей педагогики написаны обзорные статьи [1]. Однако усилиями органов отечественного правотворчества это слово было еще и юридизировано — можно сказать, «вшито» в правовую ткань наряду с такими понятиями, как долг, любовь, вера и пр. Такую образную характеристику данному процессу мы дали оттого, что, помимо традиционного морально-этического, нравственного значения, данный термин получил сугубо нормативную окраску.

Между тем понимание этого термина юридическим сообществом и интерпретация его органами правоприменения не только разнятся, но и зачастую вступают в противоречие. Помимо этого, нередки случаи употребления властно-распорядительными субъектами фигуры умолчания относительно сущности, структурного содержания феномена «забота», несмотря на его присутствие в качестве элемента, к примеру, конструкции состава правонарушения. Вследствие этого назрела теоретическая и практико-прикладная необходимость углубления знания о нем с формально-юридических позиций сквозь призму социальной функции права и государства.

Полагаем, что любая доктринальная (и не только) интерпретация изначально отталкивается от филологического восприятия исследуемого феномена. Слово «забота» в разъяснениях толковыми словарями имеет по меньшей мере три варианта значения: во-первых, это радужное беспокойство о ком-либо или о чем-либо, опасения; во-вторых, хлопоты, уход, попечение; в-третьих, задача или неотложное дело [2, с. 570; 3, с. 226]. Анализ отечественного законодательства позволяет предположить, что правотворческие органы использовали преимущественно второй смысловой концепт, хотя и не без определенного синтеза всех трех вариантов понимания.

Получив закрепление в системе российского законодательства, термин «забота» тем не менее до настоящего времени не приобрел качеств формальной определенности и однозначности. Основной Закон государства четыре раза использует его в качестве существительного и глагола. Так, в Конституции РФ установлено, что «забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» (ст. 38). Кроме того, имеют место глагольные формы термина: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия» (ч. 3 ст. 44).

Активно используется данная лексема и на уровне иного федерального законодательства. Пожалуй, более иных нормативных правовых актов термином «забота» насыщен Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ).

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (ст. 38, 67.1, 72 и др. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

Примечательно, что «забота о благосостоянии и развитии детей»¹ провозглашена в качестве принципа регулирования семейных отношений.

Тезисно приведенные выдержки из нормативного материала позволяют предположить, что забота в качестве элемента правоотношений может проявляться как в виде субъективного права лица, так и в виде юридической обязанности. О первом, например, говорит норма, устанавливающая, что «каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу» (ч. 2 ст. 54 СК РФ), а о втором — положение относительно того, что «обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей» (ч. 1 ст. 65 СК РФ). Последнюю интерпретацию термина «забота» подтверждают доктринальные разработки, поскольку в научных трудах он часто синонимизируется с понятием «обязанность» [4, 5].

В других случаях забота не только подразумевает под собой базовое дозволение, основное субъективное право человека (в классическом или, по крайней мере, наиболее распространенном правовом понимании данной категории как возможности действовать в своем интересе) [6, с. 75–76], но и предопределяет законодательное установление потенций более высокого порядка, а точнее — правовых преимуществ. В частности, норма Трудового кодекса РФ гласит: «...не являются дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений <...> которые определяются свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите»².

Приведенные нормативные положения позволяют выдвинуть две гипотезы: во-первых, «забота» ввиду отсутствия норм, конкретизирующих формы ее проявления и виды попечения о нуждах человека, — выступает оценочным понятием российского законодательства. При этом такое качество обусловлено, как минимум, двойственной природой самого термина «оценка» в правоведении. Оценочный характер заботы проявляется, с одной стороны, ввиду потребности установления количественных и качественных характеристик меры заботы одного субъекта о другом, возможно стоимостных величин (несение дополнительных расходов, связанных с уходом за человеком, о чем речь пойдет далее, и пр.). При этом законодатель отчасти усугубляет данную ситуацию, придавая отдельным субъектам правовой статус — «нуждающихся в особой заботе». В частности, Распоряжением Правительства РФ от 9 апреля 2015 г. № 607-р предполагается перечень мероприятий, имеющих целью «обеспечение социальной защиты семей и детей, нуждающихся в особой заботе государства»³. С другой стороны, оценочность проявляется в общечеловеческом, социальном и культурном значении данного явления правовой действительности, то есть в ценности заботы с точки зрения ее морально-этического воздействия на отношения в обществе. В таком понимании «забота» встает в один ряд с категориями «долг», «призыв совести»,

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 4 февраля 2021 г.) (ч. 3 ст. 1) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2021. № 6, ст. 960.

² См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2021 г.) (ст. 3) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; Российская газета. 2021. 9 апр.

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 9 апреля 2015 г. № 607-р «Об утверждении плана мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 28 сентября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 16, ст. 2411.

«моральные обязательства», являясь нравственно-этическим устремлением субъекта, берущего на себя обязанность попечения о ком-либо, что бывает вызвано состраданием, жалостью, человеколюбием. Думается, именно последним обстоятельством обосновано использование правотворческими органами термина «забота» для определения меры устойчивости конкретных семейных отношений, их прочности, достаточности опеки социально сильного члена семьи над слабым.

Во-вторых, забота (с государственно-правовой точки зрения) должна проявляться в двух формах деятельности соответствующих органов и субъектов: помощи и поддержки. На первый взгляд может показаться, что данные составляющие института «забота» синонимичны, однако мы убеждены, что это не так. Поддержка, исходя из своего лексического образования, означает «дружественное участие, одобрительное отношение кого-либо к чему-либо» [7, с. 901]. Подтверждением сказанному служат многочисленные примеры такого подхода государства при определении в законодательстве квот, преференций, субсидий, поощрительных выплат и других форм преимуществ субъектов. Забота в данном случае проявляется посредством поощрительных действий государства в отношении лиц, которые, в свою очередь, также проявили заботу о ком-либо. К примеру, «награждение медалью “Родительская слава” производится при условии, что представленные к награде родители (усыновители) образуют социально ответственную семью, ведут здоровый образ жизни, обеспечивают надлежащий уровень заботы о здоровье, образовании, физическом, духовном и нравственном развитии детей»¹.

Иная сущность и соответственно другое значение свойственны такой составляющей института «забота», как «помощь». Она оказывается субъекту, «оказавшемуся в трудной жизненной ситуации», «нуждающемуся в спасении» [7, с. 945]. Не случайно ряд мер по оказанию заботы со стороны государства характеризуются, по сути, мерами срочной помощи для того, чтобы, к примеру, спасти человека от истощения, смерти. Так, «краевые государственные медицинские организации по месту наблюдения ребенка на основании и на период действия справки органа социальной защиты населения о признании семьи малоимущей и нуждающейся в социальной помощи в течение 3 дней оформляют справку для получения бесплатного детского питания с учетом состояния здоровья и возраста ребенка»².

Однако приведенная интерпретация остается лишь авторской попыткой доктринального толкования. Отсутствие законодательного определения термина «забота», его смешение с юридическими и моральными категориями (обязанность, долг и пр.) обуславливают не только теоретико-правовые риски. Речь идет о переходе нормы-декларации о необходимости заботы в норму-предписание. Принимая во внимание, что государство установило уголовную ответственность за бездействие, отсутствие принимаемых мер по заботе, данный аспект крайне актуален с практико-прикладной стороны. В частности, речь идет о том, что в конструкцию объективной стороны уголовно-наказуемого деяния «оставление

¹ См.: Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (в ред. от 26 октября 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 37, ст. 4643.

² См.: Постановление Администрации Алтайского края от 14 февраля 2011 г. № 67 «Об утверждении Положения об условиях и порядке бесплатного обеспечения детей первого года жизни специальными молочными продуктами детского питания в Алтайском крае» (в ред. от 1 августа 2017 г.) (п. 4) // Сборник законодательства Алтайского края. 2011. № 178. Ч. 1, с. 244.

в опасности» законодатель включил обязанность «иметь заботу» о тех, кто «лишен возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, если субъект преступления имел такую возможность»¹. При этом ни в самом нормативном предписании кодифицированного правового акта, ни в его факультативных элементах (например, в примечании к статье), не разъяснено, — какой смысл вложен в данный термин.

Отсутствуют такого рода интерпретации и со стороны органов судебного толкования в рамках рассмотренных уголовных дел². Между тем характерно, что высшая судебная инстанция для судов общей юрисдикции разъяснила значение другой конструкции, входящей в состав преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ — и обозначенной как «заведомость оставления без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии»³, обойдя при этом вниманием исследуемый нами феномен, изложенный в правовой норме в форме оговорки (на это указывает соответствующая лексема «в случае»).

Аналогичная ситуация наблюдается с привлечением субъектов к материальной ответственности. Так, «при отсутствии заботы совершеннолетних детей о нетрудоспособных родителях и при наличии исключительных обстоятельств (тяжелой болезни, увечья родителя, необходимости оплаты постороннего ухода за ним и др.) совершеннолетние дети могут быть привлечены судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных этими обстоятельствами»⁴. Однако каких-либо официальных разъяснений в виде актов толкования на предмет конкретизации признаков и форм отсутствия заботы, установления исчерпывающего перечня исключительных обстоятельств не имеется.

Складывается парадоксальная ситуация, обусловленная, на наш взгляд, абстрактностью изложения правовой нормы и включением в ее структуру двух оценочных словосочетаний: «отсутствие заботы» и «исключительные обстоятельства». Принимая во внимание, что установление указанных дополнительных расходов осуществляется судом в гражданско-правовом порядке, истцу необходимо будет указать на наличие данных признаков, формы их проявления, приведя соответствующие доказательства. В противном случае с большой долей вероятности в исковых требованиях будет отказано.

Приведем на этот счет некоторые доктринальные позиции. Коллектив авторов комментария к законодательству о семейных отношениях под редакцией П.В. Крашенинникова напрямую связывает заботу о родителях с материальным эквивалентом, т.е. в первую очередь с необходимостью оплаты детьми постороннего ухода за родителями. Авторы пишут: «можно предположить, что даже в том случае, когда размер пенсий родителей или одного из них позволяет им самим оплачивать услуги по постороннему уходу за ними, совершеннолетние дети все

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2021 г.) (ст. 125) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; Российская газета. 2021. 9 апр.

² См., например: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 ноября 2016 г. № 11-АПУ16-30. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в ред. от 24 мая 2016 г.) (п. 19) // Российская газета. 2008. 26 дек.

⁴ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 4 февраля 2021 г.) (ч. 1 ст. 88) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2021. № 6, ст. 960.

равно могут быть привлечены судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных исключительными обстоятельствами» [8, с. 285].

Солидарен с такой позицией и другой коллектив ученых. Авторы научного издания под руководством И.В. Решетниковой к предмету доказывания по иску о взыскании дополнительных расходов с детей на содержание родителей относят, помимо прочего, «нуждаемость родителя в материальной помощи (недостаточность заработка, пенсии, пособия или иного дохода для собственного обеспечения)» [9, с. 202]. Следовательно, можно предположить, что ключевым критерием, включенным субъектами толкования и впоследствии органами правоприменения в смысловое содержание термина «забота», будет оказание финансовой (материальной) помощи.

Полагаем, что подобная трактовка не нова, поскольку опирается на труды юристов, заложивших основы отечественного понимания прав и свобод человека. В частности, П.И. Новгородцев и И.А. Покровский писали, что «сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы: без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически» [10, с. 5–6].

Тем не менее излишняя или тотальная «коммерциализация заботы» вредна, так как сужает ее регулятивный потенциал. Он, как думается, проявляется в сообщении государством фундаментальных ценностных ориентиров, попечении о формировании всесторонне развитой личности (вне зависимости от возраста), гармоничном ее самосовершенствовании, в том числе через предоставление соответствующих услуг населению. К примеру, в 2017 году проект «Цифровое равенство: разный возраст равные возможности» стал победителем президентского гранта на сумму 1 992 860,00 руб. Его организатор — культурно-исторический, исследовательский и образовательный центр «Тарих-XXI век» — реализовал комплекс мероприятий для граждан преклонного возраста, ветеранов, лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, проживающих на территории Северо-Кавказского федерального округа, по повышению их информационно-цифровой грамотности, обучению их способам дистанционной реализации своих основополагающих прав и пр.¹ Примеров подобного рода немало.

В этой связи в целях унификации законодательства, придания нормативного единообразия правовой конструкции «забота» следует закрепить исчерпывающий перечень форм бездействия в виде неисполнения обязанностей по оказанию заботы, указывающих на наличие признаков состава преступления. Задача поистине непростая. Ранее, например, ученые указывали на практическую неразрешимость задачи сформулировать перечень действий, определяющих исполнение гражданином обязанности заботиться о сохранении своего здоровья [10, с. 83].

Однако острота проблемы подталкивает нас к формулированию возможно и дискуссионного, но все же, на наш взгляд, необходимого перечня действий, образующего в итоге социально-полезный результат в виде заботы о человеке (в данном случае мы опираемся на субъектов, отнесенных уголовным законом к группе нуждающихся вследствие отсутствия у них возможности принять меры

¹ См.: Фонд президентских грантов (официальный сайт). URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=7e0fd033-4f81-4d22-9ec8-6d7fcd92d48> (дата обращения: 07.04.2021).

к самосохранению по малолетству, старости, болезни или из-за своей беспомощности). К таким действиям могут быть отнесены следующие:

обеспечение возможностью проживать в условиях, отвечающих требованиям безопасности, санитарно-гигиеническим нормам;

регулярное медицинское наблюдение (периодические профилактические осмотры, при наличии рекомендаций — вакцинирование), выполнение предписанных медицинских процедур;

отказ от действий, приносящих опосредованный вред здоровью (содействие употреблению алкоголя, потреблению табака, наркотических средств и психотропных веществ), пропаганда здорового образа жизни, занятия физкультурой; отведение достаточного времени на отдых и сон;

материальная помощь (обеспечение питанием, одеждой по сезону).

Забота совершеннолетних детей о нетрудоспособных родителях, предусмотренная ч. 1 ст. 88 Семейного кодекса РФ, помимо перечисленных выше аспектов, должна, как думается, выражаться еще и в следующих действиях:

абилитации, то есть предоставлении возможности пройти курс педагогических, психологических и иных мероприятий, направленных на приспособление к жизни в обществе, обеспечении возможностью получения дополнительного образования, переподготовки и повышения квалификации;

юридическом патронировании (содействие при осуществлении обязательных платежей: коммунальных сборов, оплаты налогов, помощь в оформлении государственных и иных услуг, юридическое и иное консультирование);

создании условий для возможности вовлечения в социально активные проекты (сообщество ветеранов, наставничество в кружках и клубах и пр.).

Подведем некоторые итоги. Сегодня в законодательстве наблюдается тенденция внедрения в правовую материю нестандартного, инновационного категориального аппарата. С одной стороны, это должно служить делу укрепления, расширения форм проявления фундаментальных закономерностей государственно-правового строительства. Однако, с другой стороны, практико-прикладная значимость подобных новелл далеко не всегда очевидна. Зачастую это не только влечет за собой трудности толкования и правоприменения, но и по-своему обесценивает ту или иную конструкцию, которая при выверенном использовании могла бы служить скрепой между формально-юридическими и нравственно-этическими посылами нормы права. К сожалению, к числу подобных примеров можно пока отнести и конструкцию «забота».

Доктринальное толкование этого относительно нового, до конца не устоявшегося юридического феномена позволяет предположить лишь то, что деятельность субъектов, уполномоченных государством осуществлять заботу о человеке, проявляется в двух основных формах: помощи и поддержке. В результате первой из них со стороны аппарата власти устанавливаются режимы послаблений в труде, в исполнении налоговых и иных обременений для беременных женщин, инвалидов, престарелых, несовершеннолетних. В рамках семьи помощь проявляется в приобретении продуктов питания, одежды, оплате необходимых медикаментов и пр. Тем самым государство посредством правовых норм выражает фундаментальные ценности человеческого общежития: попечение о старшем и младшем поколениях семьи, человеколюбие, взаимовыручка.

В рамках оказания поддержки юридические нормы государства сообщают ценностные ориентиры будущего развития общества: модернизация произ-

водства, технологический прогресс, экономический рост и пр. Происходит это посредством законодательного установления адресной и целевой (как правило, финансовой) государственной помощи, в том числе в виде субсидий, дотаций отдельным представителям предпринимательской деятельности, финансовым организациям и пр. Применительно к семье поддержка выражается в социальном, юридическом патронировании, создании условий более глубокой социализации личности.

В целях унификации законодательства, приведения к единообразию судебной и иной правоприменительной практики термин «забота» нуждается в легальном дефинировании, а формы бездействия (неоказания заботы), образующие состав преступления, — в исчерпывающем перечне.

Библиографический список

1. *Борисова Л.Г.* Забота: социально-философский смысл и педагогическое значение // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 4. С. 34–51.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого Великорусского языка. 2-е изд., испр. и знач. умноженное по рукописи автора. М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. I: А–З. 812 с.
3. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-Принт», ООО Издательство «ДОМ. XXI век», 2008. 1239 с.
4. *Папроцкая О.* Права детей на жилье: что делать, если родители против // Жилищное право. 2019. № 11. С. 13–22.
5. *Шишков С.Н., Полубинская С.В.* Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. 2020. № 10. С. 81–89.
6. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 294 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель, 2003. 1582 с.
8. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / О.Г. Алексеева, В.В. Андропов, А.А. Бухарбаева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. 654 с.
9. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / С.Л. Дегтярев, В.М. Жуйков, А.В. Закарлюка и др.; под ред. И.В. Решетниковой. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 496 с.
10. *Новгородцев П.И., Покровский И.А.* О праве на существование: социально-философские этюды. СПб.-М.: Издание типографии товарищества М.О. Вольф, 1911. 48 с.

References

1. *Borisova L.G.* Care: Socio-Philosophical Meaning and Pedagogical Significance // Siberian Pedagogical Journal. 2005. No. 4. P. 34–51.
2. *Dal V.I.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 2nd ed., changed and multiplied acc. to the author's manuscript. M.: Publishing house of the bookseller-typographer M. O. Wolf, 1880. T. I: A–Z. 812 p.
3. *Ushakov D.N.* Big Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Moscow: “Alta-Print”, LLC Publishing House “DOM. XXI century”, 2008. 1239 p.
4. *Paprotskaya O.* Children's Rights to Housing: What to Do if Parents Are Against // Housing law. 2019. No. 11. P. 13–22.
5. *Shishkov S.N., Polubinskaya S.V.* Caring For the Preservation of One's Health as a Legal Obligation // State and law. 2020. No. 10. P. 81–89.

6. *Matuzov N.I.* The Legal System and Personality. Saratov: Publishing house of the Saratov University, 1987. 294 p.
7. Explanatory Dictionary of the Russian Language / edited by D.V. Dmitriev. M.: Astrel, 2003. 1582 p.
8. Article-by-Article Commentary on the Family Code of the Russian Federation, the Federal Law “On Guardianship and Guardianship” and the Federal Law “On Acts of Civil Status” / O.G. Alekseeva, V.V. Andropov, A.A. Bukharbayeva, etc.; edited by P.V. Krashennnikov. M.: Statute, 2012. 654 p.
9. Handbook on Proving in Civil Proceedings / S.L. Degtyarev, V.M. Zhuikov, A.V. Zakarlyuka, etc.; edited by I.V. Reshetnikova. 5th ed., add. and reprint. M.: Norma, Infra-M, 2011. 496 p.
10. *Novgorodtsev P.I., Pokrovsky I.A.* On the Right to Exist: Socio-Philosophical Studies. St. Petersburg, Moscow: Publication of the printing house of partnership M.O. Wulf, 1911. 48 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-25-33

УДК 342.722

Е.Г. Стребкова

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД В ЭПОХУ ИНДУСТРИИ 4.0

Введение: новые информационные программы и технологии, являющиеся обязательным компонентом «Индустрии 4.0», упрощают получение юридической помощи, облегчают заинтересованным лицам доступ к правовой информации, что, в свою очередь, не могло не повлиять на реализацию гражданами права на судебную защиту. Прогрессивные изменения в нашей жизни диктуют необходимость современного подхода к пониманию и определению трудностей в реализации права на судебную защиту в эпоху «Индустрии 4.0». **Цель:** на основе комплексного анализа определить проблемы, возникающие в процессе реализации права на судебную защиту в условиях всеобщей цифровизации, определить основные направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики реализации права на судебную защиту в цифровой среде государства. **Методологическая основа:** системный, сравнительно-правовой, системно-структурный методы исследования. **Результаты:** в эпоху «Индустрии 4.0» трансформируется роль суда в процессе осуществления гражданами права на судебную защиту, гарантированного Конституцией РФ. Суд становится не только местом для обращения граждан за защитой своих нарушенных прав, но и сервисом, предоставляющим гражданам наиболее удобный для них способ защиты их нарушенного права. В связи с повсеместным использованием чат-ботов для подачи заявлений в суд автор обращает внимание на необходимость введения в правовое поле термина «чат-бот». **Выводы:** гарантированное Конституцией РФ право на судебную защиту в эпоху «Индустрии 4.0» приобрело новые формы реализации при помощи современных информационных технологий, чат-ботов, искусственного интеллекта. Вместе с тем, несмотря на прогрессивные технологии, в процессуальном законодательстве по-прежнему присутствуют противоречивые положения, заставляющие усомниться в необходимости использования информационных технологий и Интернета при обращении за судебной защитой. Новые информационные технологии необходимы для оптимизации механизма судебной защиты прав граждан, однако нужно помнить о формировании достаточных условий для реализации современного электронного судопроизводства, не забывая о традиционном для большей части общества «бумажном» правосудии. В эпоху «Индустрии 4.0» назрела необходимость проведения полномасштабного исследования о влиянии элементов электронного судопроизводства на самую главную ценность нашего государства — человека, его права и свободы.

Ключевые слова: право на судебную защиту, Индустрия 4.0, чат-боты, искусственный интеллект, электронное правосудие.

E.G. Strebkova

JUDICIAL PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOMS
IN THE ERA OF “INDUSTRY 4.0”

Background: new information programs and technologies, which are an obligatory component of “Industry 4.0”, simplify obtaining legal assistance, facilitate access to legal information for interested persons, which, in turn, could not but affect the realization by citizens of the right to judicial protection. Progressive changes in our lives dictate the need for a modern approach to understanding and identifying difficulties in implementing the right to judicial protection in the era of “Industry 4.0”. **Objective:** on the basis of a comprehensive analysis, to determine the problems arising in the process of realizing the right to judicial protection in the context of universal digitalization, to determine the main directions for improving legislation and law enforcement practice for the implementation of the right to judicial protection in the digital environment of the state. **Methodology:** systemic, comparative legal, systemic and structural research methods. **Results:** in the era of “Industry 4.0”, the role of the court in the process of exercising the right to judicial protection by citizens guaranteed by the Constitution of the Russian Federation is being transformed. The court becomes not only a place for citizens to apply for the protection of their violated rights, but also a service that provides citizens with the most convenient way for them to protect their violated rights. In connection with the widespread use of chat bots for filing applications to the court, the author draws attention to the need to introduce the term “chat bot” into the legal field. **Conclusions:** the constitutionally guaranteed right to judicial protection in the era of “Industry 4.0” has acquired new forms of implementation with the help of modern information technologies, chat bots, and artificial intelligence. However, despite progressive technologies, there are still conflicting provisions in procedural legislation that cast doubt on the need to use information technology and the Internet when applying for judicial protection. New information technologies are necessary to optimize the mechanism of judicial protection of citizens’ rights, however, one should remember about the formation of sufficient conditions for the implementation of modern electronic court proceedings, not forgetting about the traditional “paper” justice for most of society. In the era of “Industry 4.0” there is a need to conduct a full-scale study on the influence of elements of electronic justice on the most important value of our state — a person, his rights and freedom. **Key-words:** the right to judicial protection, Industry 4.0, chat bots, artificial intelligence, e-justice.

Трое составляют сущность
государственного строя — правитель,
судья и частный человек.

Ликург-афинянин,
афинский оратор и государственный деятель

Современные цифровые тенденции развития государства оказывают влияние на реализацию многих конституционных прав и свобод человека и гражданина. Законодательство, регулирующее правоотношения в цифровой сфере, продолжает развиваться. Однако на практике возникает немало проблем, с которыми может столкнуться любой человек, пытающийся реализовать фундамен-

ные права, гарантированные действующей Конституцией РФ. Данная статья является попыткой проанализировать трудности, с которыми сталкиваются граждане в процессе реализации права на судебную защиту в современную эпоху передовых технологий.

Во-первых, следует определиться с понятием «Индустрия 4.0», которое вынесено в заглавие представленной вашему вниманию статьи. Данный термин означает четвертую промышленную революцию, предполагающую автоматизацию абсолютно всех процессов, происходящих в обществе. На первый взгляд, указанное понятие ближе к развитию промышленного производства и не имеет прямого отношения к конституционно закрепленному праву на судебную защиту. Однако это не так. Новые роботизированные технологии, являющиеся обязательным компонентом «Индустрии 4.0», упрощают получение юридической помощи, облегчают заинтересованным лицам доступ к правовой информации, что, в свою очередь, не могло не повлиять на реализацию гражданами права на судебную защиту.

Во-вторых, следует отметить, что гарантированное Конституцией РФ право на судебную защиту является одним из самых востребованных и часто реализуемых гражданами. Об этом свидетельствует статистика. Так, в 2020 году в судах было рассмотрено 38,4 млн дел, что на 11% больше, чем в 2019 году. Это весьма внушительные цифры, учитывая, что 2020 год был годом пандемии и во многих европейских странах суды не работали. В России работа судов была налажена таким образом, что граждане смогли даже в период пандемии защищать свои права в суде. Все это стало возможным благодаря современным технологиям. В 2020 году суды провели четыреста тысяч судебных заседаний по видеоконференцсвязи, три миллиона документов были поданы в суды в электронном виде¹. Это внушительные цифры судебной статистики, позволяющие нам задуматься о том, как прочно технологические новшества вошли в нашу правовую действительность. Еще каких-то пять лет назад возможность подачи документов в суд в электронном виде представлялась нам делом далекого будущего. А сейчас показатели обращений в суд подтверждают, что наши мечты об автоматизации процесса обращения в суд осуществились в полной мере и стали реалиями нашего времени.

Исследования, касающиеся права на судебную защиту, проводились многими учеными-правоведами. В частности, М.Г. Кательников проанализировал конституционное право на судебную защиту в практике Конституционного Суда Российской Федерации [1]. А.Е. Герасимова посвятила свою диссертацию конституционным основам права на судебную защиту в США [2]. Е.А. Адзинова в своей диссертационной работе обратила внимание на реализацию конституционного права на судебную защиту в экономической сфере [3]. С. В. Астратова исследовала общую проблематику конституционного права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в нашем государстве [4]. Представляет интерес работа Аль-Мухамеда Гани Зкаер Атия, в которой он сравнил гарантии эффективной реализации права на судебную защиту в России и в Республике Ирак [5]. Конечно, ученых-конституционалистов, занимавшихся проблематикой конституционного права на судебную защиту, гораздо больше, чем приведено в

¹ См.: Верховный суд подвел итоги работы судов за 2020 год. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29651/ (дата обращения: 10.02.2021).

качестве примера в представленной вашему вниманию статье. Однако следует отметить, что диссертации по проблемам реализации права на судебную защиту были написаны достаточно давно. Одно из последних исследований было опубликовано в 2016 году. Прогрессивные изменения в нашей жизни диктуют необходимость современного подхода к пониманию и определению трудностей в реализации права на судебную защиту в эпоху «Индустрии 4.0». Именно поэтому данная статья представляется особенно актуальной.

Эпоха «Индустрии 4.0» представила нашей судебной системе новые ключевые технологические решения, позволяющие ей двигаться в ногу со временем. В настоящее время трансформируется роль суда в процессе осуществления гражданами права на судебную защиту, гарантированного Конституцией РФ. Суд становится не только местом для обращения граждан за защитой своих нарушенных прав, но и сервисом, предоставляющим гражданам наиболее удобный для них способ защиты их нарушенного права.

Нельзя оставить без внимания такое понятие, как «электронное правосудие». В юридической науке существует множество определений указанного понятия [6, 7, 8, 9]. Наиболее удачным представляется определение, предложенное бывшим председателем Арбитражного суда г. Москвы С.Ю. Чучей [10]. Он понимает под электронным правосудием деятельность судов по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских и иных отнесенных к их компетенции дел с активным использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и различных цифровых технологий.

Следует отметить роль пандемии коронавируса Covid-19 в ускорении процессов внедрения и повсеместного использования современных технологий в судах. Чтобы работа российских судов не была парализована и массовое откладывание судебных разбирательств в масштабах всей страны не привело к коллапсу судебной системы, суды были вынуждены прибегнуть к использованию необычных средств связи с участниками процесса. Несмотря на то, что посещение суда признавалось уважительной причиной для выхода из дома в самый сложный период пандемии, многие граждане предпочитали участие в судебном процессе в дистанционном (безопасном для здоровья) формате. Так, например, адвокат Максим Никонов находился во Владимире, а кассационный суд, где должно было рассматриваться дело его подзащитного, — в Саратове. Адвокат смог принять участие в судебном заседании при помощи Skype, в результате чего его жалоба была удовлетворена и дело было направлено на новое рассмотрение¹.

Искусственный интеллект становится одним из главных достижений в мировой цифровизации. В США использование алгоритмов, оценивающих риски рецидивизма, становится все более распространенным явлением в национальной системе уголовного правосудия. Для этого используются инструменты оценки рисков для предоставления судьям информации о предварительном освобождении под залог, вынесении приговора и условно-досрочном освобождении, а также предложения относительно того, какие лица могут быть освобождены на каждой стадии уголовного разбирательства. Также для улучшения доступности судебной защиты для граждан Верховный суд Лос-Анджелеса использует онлайн-помощника Джину Аватар. Она знает пять языков и за месяц оказывает

¹ См.: В России успешно обжалован обвинительный приговор по Skype. URL: <https://ros-komsvoboda.org/57461/> (дата обращения: 17.05.2020).

помощь более 5000 заявителей. В Лос-Анджелесе ведется работа над проектом чат-бота присяжных на основе искусственного интеллекта. Однако не только США поддерживают системы искусственного интеллекта: европейские страны тоже не остаются в стороне от разработки и внедрения указанных систем в работу судебной власти. В частности, Эстония участвует в процессе разработки робота-судьи для рассмотрения мелких споров на сумму менее 7000 евро¹.

Китай не отстает, а по многим показателям, наоборот, опережает европейские страны и США. 18 августа 2017 года в городе Ханчжоу провинции Чжэцзян был официально открыт интернет-суд Ханчжоу, 9 сентября 2018 года — Пекинский интернет-суд, 28 сентября 2018 года — интернет-суд Гуанчжоу. По состоянию на 31 октября 2019 года интернет-суды Ханчжоу, Пекина и Гуанчжоу приняли в производство 118 764 дел, при этом коэффициент подачи онлайн-исков составляет 98,8% от общего числа; завершено производство по 88 401 делу; полным онлайн-процессуальным циклом было рассмотрено 80819 дел; среднее время онлайн-заседания суда по делу составляет 45 минут, средний срок рассмотрения дела — 38 дней².

Отдельного внимания заслуживают чат-боты. Следует отметить, что легального определения этого понятия на данный момент в российском законодательстве не существует. Есть только отдельные упоминания о нем в подзаконных нормативно-правовых актах. В приказах Федеральной налоговой службы чат-ботом называется виртуальный помощник. В Приказе Федеральной службы государственной статистики от 30 июля 2020 г. № 424 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий» под чат-ботами понимаются технологии, направленные на понимание языка и генерацию текста. Развитие современных технологий в очень скором будущем потребует введения в правовое поле объяснения термина «чат-бот».

В судебных системах зарубежных государств широко используются чат-боты, искусственный интеллект. В США для судов штатов издано «Введение в искусственный интеллект для судов» («Introduction to AI for Courts»). Этот документ посвящен использованию современных информационных технологий в судах. Авторы «Introduction to AI for Courts» выделяют три концепции использования современных технологий в судах: «human-in-the-loop», «human-on-the-loop», «human-out-of-the-loop».

Первая концепция «human-in-the-loop» (буквальный перевод «человек в петле») означает, что искусственный интеллект не принимает решения без участия человека. Вторая концепция «human-on-the-loop» («человек на петле») предусматривает, что человек участвует в принятии решения и может отменить решение, принятое искусственным интеллектом. Третья концепция «human-out-of-the-loop» (буквальный перевод «человек вне петли») определяется отсутствием влияния человека на принятие решения искусственным интеллектом. Последняя

¹ See: *Kumar V.* AI MOVES TO COURT: THE GROWING FOOTPRINTS OF AI IN THE LEGAL INDUSTRY. URL: <https://www.analyticsinsight.net/ai-moves-court-growing-footprint-ai-legal-industry/> (дата обращения: 21.02.2021).

² См.: *Ненейвода Н.* Правосудие на кончиках пальцев: опыт КНР. URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/02/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633 (дата обращения: 10.03.2021).

концепция является новейшим достижением, ставшим возможным благодаря способности искусственного интеллекта обучаться у человека и совершенствовать свои алгоритмы решения проблемных вопросов.

Суды штата Нью-Джерси используют чат-бота JIA для предоставления правовой информации гражданам. Сотрудники суда натренировали чат-бот отвечать на часто задаваемые вопросы, тем самым обеспечив качество и точность информации, предоставляемой общественности.

В 2020 году роботы-юристы подали более 446 тысяч исков в суд из 499 тысяч поданных одним из крупнейших банков в России, то есть 9 из 10 исков. Также при помощи роботизированных технологий было подготовлено более 2,5 млн правовых заключений¹.

Несмотря на технологические достижения эпохи «Индустрии 4.0», граждане продолжают испытывать трудности при обращении за судебной защитой своих нарушенных прав. В соответствии с п. 6. ст. 132 ГПК РФ к исковому заявлению необходимо приложить уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов, в том числе в случае подачи в суд искового заявления и приложенных к нему документов посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте соответствующего суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. На первый взгляд это вполне обоснованное требование гражданско-процессуального законодательства. Однако на практике могут возникнуть проблемы, если истцу неизвестен адрес ответчика для направления ему копии искового заявления. Это препятствует реализации права на судебную защиту, гарантированного Конституцией РФ, так как является основанием для оставления искового заявления без движения, а впоследствии — оставления без рассмотрения.

Интерес представляет позиция Конституционного Суда РФ по п. 6. ст. 132 ГПК РФ. В Определении № 245-О от 26 февраля 2021 года Конституционный Суд РФ указал, что п. 6 ст. 132 ГПК РФ, обязывающий истца приложить к исковому заявлению уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим участвующим в деле лицам отсутствующих у них копий искового заявления и приложенных к нему документов, тем самым способствует реализации принципа состязательности и равноправия сторон при осуществлении правосудия, а потому не может расцениваться как нарушающий конституционные права заявителя. Аналогичной позиции придерживается Конституционный Суд РФ в Определении № 96-О от 28 января 2021 года, а также в Определении № 2300-О от 29 сентября 2020 года.

Требуют научного осмысления вопросы пределов использования технологии искусственного интеллекта в практике разрешения споров в судах. На первый взгляд даже самый продвинутый искусственный интеллект последнего поколения не может полностью заменить персонал суда и самого судью. Однако процессы цифровизации приводят к тому, что на сотрудников судов возлагается много рутинной работы, связанной с оцифровкой судебных дел, работой в специализированном программном обеспечении и т.д. Нередко сотрудникам приходится заполнять одни и те же формы по несколько раз. К сожалению, на

¹ См.: Куликов В. Судится компьютер. Банки стали использовать роботов-юристов для подачи исков. URL: <https://rg.ru/2020/11/19/banki-stali-ispolzovat-robotov-iuristov-dlia-podachi-iskov.html> (дата обращения: 25.12.2020).

данном этапе развития информационных технологий в нашей стране без этого нельзя обойтись, что, в свою очередь, отнимает у человека драгоценное время, которое можно было бы уделить непосредственно правовому анализу судебного дела, исследованию доказательств, представленных сторонами. В этой связи следует обратить внимание на опыт зарубежных государств в этой сфере.

Многие страны уже давно используют новейшее программное обеспечение для работы судебной власти и помощи гражданам в осуществлении их права на судебную защиту. Например, приложение Prometea освободило сотрудников от рутинной административной работы в Аргентине. Сотрудники окружной прокуратуры Буэнос-Айреса были вынуждены заполнять одни и те же формы 111 раз. Благодаря приложению им все еще нужно представлять базовую информацию о людях (возраст, адрес, номер транспортного средства), но лишь один раз. Программа работает на английском и испанском языках при помощи цифровой библиотеки окружной прокуратуры, содержащей 300 тысяч отсканированных судебных документов. Приложение Prometea сопоставляет введенные сотрудниками данные с самыми актуальными решениями в своей библиотеке и предлагает варианты решения суда. На данный момент судьи одобрили 33 из 33 предложенных приложением постановлений¹.

Повсеместное внедрение информационных технологий, чат-ботов, искусственного интеллекта в судебную систему Великобритании привело к объединению судов. Каждый год возрастает количество дел, рассматриваемых в виртуальных онлайн-залах судебных заседаний. Вследствие этого судебная система перестала нуждаться в большом количестве помещений для отправления правосудия. Так, например, в бывшем здании суда в Brentford, на западе Лондона, теперь работают кафе и ресторан Verdict. К марту 2023 года Служба судов и трибуналов Ее Величества планирует нанять на 6500 штатных сотрудников меньше, сократить количество дел, рассматриваемых в режиме офлайн, на 2,4 млн в год. Все эти мероприятия позволят судебной системе Великобритании сэкономить 265 млн фунтов стерлингов².

Таким образом, современные передовые технологии, применяемые для отправления электронного правосудия, призваны обеспечить гражданам доступность судебной защиты. Однако эти же технологии могут способствовать обратному процессу и усложнить доступ к правосудию в случае отсутствия необходимой компьютерной программы или интернета. В судебном процессе между отдельно взятым среднестатистическим человеком и организацией, на которую работают высококвалифицированные юристы, использующие лучшие современные технологии, победа будет за последними.

Еще один важный момент в суде — человеческое общение. Когда в связи с пандемией во всем мире был объявлен всеобщий локдаун, мы по достоинству оценили то, на что в повседневной жизни не обращали внимания. Мы поняли, насколько важно для человека как существа социального реальное общение без помощи современных технологий. Исследования, проведенные в Великобритании, показали, что судьи могут назначать более длительные сроки лишения свободы,

¹ См.: *Самойдук А.* Программа вместо адвоката: как искусственный интеллект помогает прокуратуре. URL: <https://rb.ru/story/app-generates-legal-papers/> (дата обращения: 15.03.2021).

² See: CAIN BURDEAU. Her Majesty's Courts Close and Go Online, Leaving Many Far From Justice. URL: <https://www.courthousenews.com/her-majestys-courts-close-and-go-online-leaving-many-far-from-justice/> (дата обращения: 20.02.2021).

если они контактировали с обвиняемыми лишь посредством видеосвязи. Опросы лиц, участвующих в деле, демонстрируют, что люди имели более положительный опыт работы с системой правосудия, если они физически находились в судебном заседании без использования средств связи¹. В нашем государстве такого рода исследования не проводились, однако следует обратить внимание правоведов на необходимость проведения полномасштабного мониторинга общественного мнения по поводу внедрения элементов электронного судопроизводства и их влияния на самую главную ценность нашего государства — человека, его права и свободы. Возможно ли судьям принять обоснованное и юридически грамотное решение при проведении судебного заседания онлайн, без физического присутствия участвующих в процессе сторон?

Итак, эпоха «Индустрии 4.0» не могла не повлиять на реализацию гражданами права на судебную защиту. Гарантированное Конституцией РФ, оно приобрело новые формы реализации при помощи современных информационных технологий, чат-ботов, искусственного интеллекта. Автоматизация процесса обращения в суд стала реальностью сегодняшнего дня. Многие государства пошли дальше и используют искусственный интеллект для принятия решения по делу. Вместе с тем, несмотря на прогрессивные технологии, в процессуальном законодательстве по-прежнему присутствуют противоречивые положения, заставляющие усомниться в необходимости использования информационных технологий и интернета при обращении за судебной защитой. В качестве примера можно привести п. 6 ст. 132 ГПК РФ, предусматривающий необходимость приложения к исковому заявлению уведомления о вручении, подтверждающего направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления.

Современные цифровые технологии необходимы для оптимизации механизма судебной защиты прав граждан, однако следует помнить о формировании достаточных условий для реализации современного электронного судопроизводства, не забывая о традиционном для большей части общества «бумажном» правосудии. Следует по-прежнему принимать во внимание особую роль судебной власти в системе разделения властей, заключающуюся в судебном контроле. В эпоху «Индустрии 4.0» назрела необходимость проведения полномасштабного исследования о влиянии элементов электронного судопроизводства на самую главную ценность нашего государства — человека, его права и свободы.

Библиографический список

1. *Кательников М.Г.* Конституционное право на судебную защиту: на примере практики Конституционного Суда Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 26 с.
2. *Герасимова А.Е.* Конституционные основы права на судебную защиту в США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.
3. *Адзинова Е.А.* Обеспечение конституционного права на судебную защиту в экономической сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
4. *Астратова С.В.* Конституционное право на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 22 с.

¹See: *Dugan E.* The Ministry Of Justice Has Been Accused Of Sitting On Evidence That Undermines Its Drive To Close Courts. URL: <https://www.buzzfeed.com/emilydugan/ministry-justice-data-closing-courts> (дата обращения: 15.03.2021).

5. *Аль-Мухамед Гани Зкаер Атия*. Конституционное право на судебную защиту и гарантии эффективной реализации в России и Республике Ирак: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.

6. *Воронцова И.В.* О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие» // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 167–169.

7. *Овчинников В.А., Антонов Я.В.* Электронное правосудие как проект электронной демократии: перспективы реализации в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 5. С. 3–7.

8. *Сидоров Ю.В.* Отличия в понимании сущности электронного правосудия в России и за рубежом // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 5 (150).

9. *Гукова М.В.* Содержание понятия электронного правосудия в Российской Федерации // Вестник Московского института государственного управления и права. 2019. № 3 (27). С. 4–7.

10. *Чуча С.Ю.* Электронное правосудие. Электронный документооборот. М.: Проспект, 2018. С. 20.

References

1. *Katelnikov M.G.* Constitutional Right to Judicial Protection: on the Example of the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation: extended abstract dis. ... cand. of law. Chelyabinsk, 2006. 26 p.

2. *Gerasimova A.E.* Constitutional Foundations of the Right to Judicial Protection in the United States: extended abstract dis. ... cand. of law. Moscow, 2016. 28 p.

3. *Adzinova E.A.* Ensuring the Constitutional Right to Judicial Protection in the Economic Sphere: extended abstract dis. ... cand. of law. Moscow, 2006. 26 p.

4. *Astratova S.V.* Constitutional Right to Judicial Protection of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation: extended abstract dis. ... cand. of law. Ekaterinburg, 2013. 22 p.

5. *Al-Muhammed Ghani Zkaer Atiyah.* Constitutional Right to Judicial Protection and Guarantees of Effective Implementation in Russia and the Republic of Iraq: extended abstract dis. ... cand. of law. Moscow, 2013. 24 p.

6. *Vorontsova I.V.* On the Relationship Between the Concepts of “Electronic Court” and “Electronic Justice” // Legal policy and legal life. 2019. No. 3. P. 167–169.

7. *Ovchinnikov V.A., Antonov Ya.V.* Electronic Justice as a Project of Electronic Democracy: Prospects for Implementation in Russia // State power and local government. 2016. No. 5. P. 3–7.

8. *Sidorov Yu.V.* Differences in Understanding the Essence of Electronic Justice in Russia and Abroad // Scientific notes of Petrozavodsk State University. Social and human sciences. 2015. No. 5 (150).

9. *Gukova M.V.* The Content of the Concept of Electronic Justice in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2019. No. 3 (27). P. 4–7.

10. *Chucha S.Yu.* Electronic Justice. Electronic Document Management. M.: Prospect, 2018. P. 20.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-34-43
УДК 342.72/.73

С.А. Привалов

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ, ДОСТУПНУЮ И КАЧЕСТВЕННУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ*

Введение: статья посвящена возможности использования технологий искусственного интеллекта в целях обеспечения реализации права на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена несколькими причинами. Во-первых, развитие технологий, в частности технологий искусственного интеллекта, на современном этапе детерминирует полноценное переосмысление существующих гарантий конституционных прав, в том числе права на охрану здоровья и на медицинскую помощь, в целях повышения эффективности их реализации. Во-вторых, нормативная база Российской Федерации в области регулирования использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения находится на этапе становления и требует дальнейшего развития. **Цель:** исследование существующих технологий искусственного интеллекта в сфере медицины и их потенциального применения для гарантирования права на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь; выявление существующих проблем правового регулирования создания и развития искусственного интеллекта в России. **Методологическая основа:** диалектический метод, методы анализа и синтеза. **Результаты:** изучены современные технологии искусственного интеллекта, а также потенциальные направления их применения в обеспечении права на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь. Проанализирована нормативная основа развития искусственного интеллекта в сфере здравоохранения в Российской Федерации. **Выводы:** наибольший потенциал и практический интерес в области обеспечения права на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь в краткосрочной перспективе представляет «слабый искусственный интеллект». Данный вывод определен характеристиками «слабого» искусственного интеллекта в сравнении с «сильным», несмотря на более совершенные качества последнего. В то же время выявлено несовершенство российской нормативной базы в области регулирования развития искусственного интеллекта, в особенности в сфере здравоохранения. Существующие акты, направленные на развитие науки в области искусственного интеллекта в России, затрагивают вопросы применения данных технологий «по касательной»; кроме того, содержащиеся в них формулировки по большей части носят расплывчатый и неконкретный характер.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, право на доступную и качественную медицину, искусственный интеллект, «слабый искусственный интеллект», «сильный искусственный интеллект», национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

© Привалов Сергей Александрович, 2021

Преподаватель кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: priwalov.balantre@yandex.ru

© Privalov Sergey Aleksandrovich, 2021

Lecturer, Department of Constitutional law named after Professor Isaak Efimovich Farber (Saratov State Law Academy)

S.A. Privalov**ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF ENSURING THE RIGHT TO HEALTH PROTECTION, AFFORDABLE AND HIGH-QUALITY MEDICAL CARE: PROSPECTS AND PROBLEMS OF REGULATION**

Background: the article is devoted to the possibility of using artificial intelligence technologies in order to ensure the realization of the right to health protection, affordable and high-quality medical care in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to several reasons. First, the development of technologies, in particular artificial intelligence technologies, at the present stage determines a full rethinking of the existing guarantees of constitutional rights, including the right to health protection and medical care, in order to increase the effectiveness of their implementation. Secondly, the regulatory framework of the Russian Federation in the field of regulation of the use of artificial intelligence in health care is at the stage of formation and requires further development. **Objective:** research of existing technologies of artificial intelligence in the field of medicine, and their potential application to guarantee the right to health protection, affordable and high-quality medical care; identification of existing problems of legal regulation of the creation and development of artificial intelligence in Russia. **Methodology:** dialectical method, methods of analysis and synthesis. **Results:** modern artificial intelligence technologies are studied, as well as potential directions of their application in ensuring the right to health protection, affordable and high-quality medical care. The normative basis of the development of artificial intelligence in the field of healthcare in the Russian Federation is analyzed. **Conclusions:** the greatest potential and practical interest in ensuring the right to health care, affordable and high-quality medical care, in the short term, is represented by “weak artificial intelligence”. This conclusion is determined by the characteristics of “weak artificial intelligence” in comparison with “strong”, despite the more advanced qualities of the latter. At the same time, the imperfection of the Russian regulatory framework in the field of regulation of the development of artificial intelligence, especially in the field of healthcare, was revealed. The existing acts aimed at the development of science in the field of artificial intelligence in Russia touch upon the application of these technologies “tangentially”, in addition, the formulations contained in them are for the most part vague and vague.

Key-words: the right to health protection, the right to affordable and high-quality medicine, artificial intelligence, “Weak artificial intelligence”, “Strong artificial intelligence”, national program “Digital Economy of the Russian Federation”.

Современный этап развития человечества неразрывно связан со всесторонним технологическим прогрессом. Процесс бурного, непрерывного развития характерен для широкого круга отраслей научного знания как в фундаментальной, так и в прикладной плоскостях. В связи с этим одним из наиболее перспективных направлений исследования является развитие технологий искусственного интеллекта с применением их в повседневной жизни.

Актуальность и популярность искусственного интеллекта как одного из направлений технологического прогресса обуславливается перспективой его прикладного применения в широком спектре научного знания, в т.ч. в медицине и фармацевтике, а также в производных от них и близкородственных по отношению к ним наукам. Развитие искусственного интеллекта, его интеграция в прикладные отрасли медицинской науки закономерно создают основу для

качественных изменений в медицине как практической сфере общественной жизнедеятельности. «Проникновение» технологий искусственного интеллекта в практическую медицину, безусловно, несет в себе колоссальный положительный потенциал, могущий значительно улучшить качество здравоохранения. Соответствующий процесс закономерно отражается на реализации права на охрану здоровья, а также качественную и доступную медицинскую помощь, в том числе в рамках пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Прежде чем перейти к изучению влияния искусственного интеллекта на реализацию права на охрану здоровья и оказание качественной и доступной медицинской помощи, необходимо проанализировать сущность и содержание последней.

Данное право является одним из наиболее значимых конституционных прав человека, без чего невозможно существование России как социального государства. По своей природе право на охрану здоровья, оказание качественной и доступной медицинской помощи представляет собой сложное субъективное право, раскрывающееся через множество правомочий и субъективных прав более низкого порядка. Указанная характеристика исследуемого права определяет сильноразветвленную систему нормативных источников, осуществляющих его правовое регулирование.

Исходным нормативным базисом права на охрану здоровья, оказание качественной и доступной медицинской помощи в Российской Федерации является ст. 41 Конституции РФ¹. В ч. 1 данной статьи закреплено лаконичное правило, согласно которому каждому предоставлено право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Кроме этого, в ней гарантируется бесплатное оказание медпомощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения.

Детальное и конкретное регулирование исследуемого права в России осуществляется Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 323-ФЗ)².

Для гарантирования эффективной реализации конституционного права на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь требуются меры комплексного характера. О признании данного положения законодателем свидетельствует определение охраны здоровья граждан, которое дается в п. 2 ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ: «охрана здоровья граждан — система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи»³. Из

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. в ред. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 52, ст. 8584.

³ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 52, ст. 8584.

данного определения следует, что к субъектам, на которые возлагается обязанность создания системы мер по охране здоровья граждан, относятся Российская Федерация, ее субъекты и местное самоуправление в лице соответствующих органов, организаций, их должностных лиц.

Одним из перспективных направлений в деле совершенствования системы обеспечения права на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь сегодня признается применение искусственного интеллекта в медицинской сфере. Уже сегодня искусственный интеллект широко применим в медицине [1, с. 630]. Согласно некоторым исследованиям, использование искусственного интеллекта при диагностике и назначении лечения снижает риск ошибок примерно на 70% [2, с. 122]. Таким образом, применение искусственного интеллекта в современной медицине открывает новые пространства в совершенствовании системы здравоохранения.

Одной из проблем правового регулирования искусственного интеллекта является отсутствие единого подхода к его определению. В научной литературе отмечается большое разнообразие дефиниций и определений понятия «искусственный интеллект», при этом ни одно отдельно взятое определение не принято единодушно всеми специалистами [3, с. 73; 4, с. 82]. Более того, имеется несколько концепций понимания сущности искусственного интеллекта:

искусственный интеллект как система, которая действует подобно человеку с аналогичными когнитивными способностями;

искусственный интеллект как система (устройство), обладающая хотя бы одним из свойств человеческого разума;

искусственный интеллект как сверхразум, как система, превосходящая интеллектуальные способности человека;

искусственный интеллект как научное направление, изучающее возможность использования систем (устройств) для моделирования человеческого мышления (машинное обучение) [5, с. 41].

Кроме того, некоторые исследователи полагают, что отсутствие консолидированной позиции по определению искусственного интеллекта связано с дифференцированным подходом к пониманию самой природы искусственного интеллекта, в частности — с различием «слабого» и «сильного» искусственного интеллекта [3, с. 63; 5, с. 41]. «Слабый искусственный интеллект» способен выполнять строго определенные виды задач, которыми он и ограничен, в отличие от «сильного», который более приближен к человеческому интеллекту и, в частности, способен решать любые задачи. При этом отмечается, что последний вид искусственного интеллекта будет разработан весьма нескоро, если в принципе когда-нибудь будет разработан [3, с. 63–64].

Близкой к понятию «слабый искусственный интеллект» представляется предложенная в 2017 году американским законодателем дефиниция «узкий искусственный интеллект» (другой вариант перевода — «инструментальный искусственный интеллект») [3, с. 90; 6, с. 327]. Данное понятие раскрывается как система искусственного интеллекта, решающая задачи в определенной прикладной области, такой как стратегические игры, перевод с языка на язык, беспилотные автомобили и распознавание образов [3, с. 90; 6, с. 327]. Иначе говоря, «узкий искусственный интеллект» в определенной степени является синонимичным «слабому искусственному интеллекту».

Несмотря на обозначенное разнообразие вариантов определений искусственного интеллекта, нормативного определения этого понятия в России не существовало вплоть до утверждения Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта¹. Согласно данной стратегии искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Такой комплекс включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Данное определение представляется достаточно удачным и приемлемым для использования в качестве эталона, так как, с одной стороны, оно является универсальным, то есть может быть применимо к широкому спектру систем, в той или иной степени отвечающим критериям искусственного интеллекта, выделяемого разными учеными. С другой стороны, оно носит официальный характер — следовательно, именно в таком варианте его сегодня воспринимает государство.

Итак, помимо сильного существует «слабый», или «узкий», искусственный интеллект. Выбор «слабого искусственного интеллекта» определен несколькими причинами. Во-первых, сама постановка исследуемой проблемы указывает на применение технологий искусственного интеллекта к конкретной сфере человеческого общежития — здравоохранению. В таком контексте постановка вопросов о потенциальной способности «сильного искусственного интеллекта» быть субъектом социальных (в том числе правовых) отношений хотя и возможна, однако теряет свою первостепенную значимость и отодвигается как минимум на второй план, а возможно и на третий. Значительно больший интерес вызывает полезность искусственного интеллекта в сфере обеспечения права человека на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь, а также его законодательное регулирование в указанной области. Во-вторых, на современном этапе развития науки и техники «сильный искусственный интеллект» существует только в теории — в отличие от «слабого», нашедшего уже сейчас применение в разных областях человеческой жизни. Говоря о применении и развитии технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения, в настоящее время ученые имеют в виду именно «слабый искусственный интеллект».

Одним из актуальных направлений по применению технологий искусственного интеллекта в сфере обеспечения права человека на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь сегодня является борьба с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, вызванной вирусом SARS-CoV-2. Стремительное распространение новой инфекции вкупе с высокой смертностью от нее продемонстрировало недостаточный уровень эффективности системы охраны здоровья (особенно в первые месяцы после начала распространения инфекции) не только в России, но и в мире в целом. При этом, несмотря на немалый срок, прошедший с момента возникновения инфекции, эпидемиологическая ситуация

¹ См.: Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.10.2019).

в Российской Федерации до сих пор остается достаточно сложной. Так, по состоянию на 23 июня 2021 года статистика пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 по России выглядела следующим образом: заболеваемость за весь период пандемии — 5,37 млн случаев; выздоровело за это время — 4,9 млн человек; смертность — 131 тыс. человек¹. Статистика аналогичных показателей в мире такова: заболеваемость — 179,28 млн случаев; смертность — 3,88 млн человек².

Перспективным направлением использования искусственного интеллекта в борьбе с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 представляется прогнозная аналитика. Она использует имеющиеся ретроспективные данные и различные прогнозные модели, созданные в том числе с помощью машинного обучения, чтобы ответить на вопрос: «Что может случиться?». При этом прогнозную аналитику можно подразделить на два направления:

1) управленческая прогнозная аналитика, предназначенная для поддержки принятия управленческих решений и используемая руководителями различного уровня для оценки возможных сценариев распространения заболеваний, нагрузки на медицинские организации, потребности в лекарствах и т.д.;

2) клиническая прогнозная аналитика, главная цель которой заключается в поддержке принятия врачебных решений в вопросах тактики ведения пациента [7, с. 25].

Так, еще в 2020 году ученые Института информатики ДВО РАН внесли в систему интеллектуальной диагностики болезней рекомендации по диагностированию новой коронавирусной инфекции, разработанные министерством здравоохранения КНР. Принцип работы данной диагностической системы выглядит следующим образом: в системы вносится персонифицированная информация пациента, в том числе жалобы и симптомы (при этом искусственный интеллект в случае необходимости может запросить уточнение информации); на основе полученных данных искусственный интеллект подтверждает или опровергает диагноз; далее система дает рекомендации по лечению конкретного пациента, учитывая его индивидуальные характеристики — пол, возраст, состояние здоровья, стадию заболевания [2, с. 127]. Данный способ представляет собой частный пример использования технологий искусственного интеллекта для осуществления клинической аналитики.

Относительно широкое распространение в целях осуществления клинической прогнозной аналитики приобрела такая разновидность технологий искусственного интеллекта, как система поддержки принятия врачебных решений (далее — СППВР). СППВР объединяет информацию из электронных медицинских карт, данные медицинских справочников и результаты последних медицинских исследований для формирования подсказок врачу по тактике ведения пациента, в том числе с целью сокращения врачебных ошибок [8, с. 52]. СППВР способна проводить системный анализ симптоматики, характерной для инфекции COVID-19, учитывая при этом частоту встречаемости тех или иных симптомов при подтвержденном диагнозе новой коронавирусной инфекции, а также временную длительность оценки выявленных симптомов [8, с. 56]. На основе проведенного

¹ См.: Коронавирус: статистика по России. Коронавирус. URL: <https://coronavirusstat.ru/> (дата обращения: 23.06.2021).

² См.: Коронавирус: статистика Мир. Коронавирус. URL: <https://coronavirusstat.ru/#world> (дата обращения: 23.06.2021).

анализа СППВР может определить вероятность инфицирования коронавирусной инфекцией COVID-19 [8, с. 56–57].

В США Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) предоставило разрешение для системы оценки медицинских данных на основе искусственного интеллекта «CLEW Medical», которое позволяет выявлять инфицированных COVID-19 с высоким риском дыхательной или сердечно-сосудистой недостаточности, поступивших в отделение интенсивной терапии. Система «CLEWICU» принимает большой спектр данных о пациентах, включая сведения из электронных медицинских карт (ЭМК) и подключенных медицинских устройств без необходимости ручного ввода информации. В ответ система выдает предупреждение о потенциальном ухудшении состояния пациента для принятия врачебных решений [7, с. 30].

Другим примером служит система «eCart», используемая в более чем 20 госпиталях США и применяемая для предсказания летальности у пациентов, находящихся в отделениях реанимации [7, с. 30].

В Израиле одна из крупнейших организаций здравоохранения Maccabi Healthcare Services использует искусственный интеллект для определения пациентов, наиболее подверженных риску тяжелых осложнений COVID-19 из обслуживаемых 2,4 млн человек [7, с. 30]. Стоит отметить, что Maccabi Healthcare Services использует разработку, созданную для оценки рисков при заболевании гриппом, которая в сложившейся ситуации была адаптирована для оценки рисков осложнений от COVID-19 [7, с. 30–31]. Данный пример свидетельствует, что применение СППВР возможно в рамках борьбы не только с коронавирусной инфекцией COVID-19, но и с другими заболеваниями.

Кроме того, СППВР может использоваться и для иных целей в рамках клинической прогнозной аналитики, например для оценки персонального риска развития осложнений или наступления смерти, оказания помощи при маршрутизации пациентов [7, с. 29]. Так, например, возможно применение СППВР в радиологии, где врачи-рентгенологи получили возможность обрабатывать изображения в автоматическом режиме, отфильтровывать норму и делать заключения только для снимков, помеченных программой как патологические [2, с. 630].

Кроме использования искусственного интеллекта в области клинической прогнозной аналитики, перспективным направлением его применения в сфере противодействия распространению различных инфекционных заболеваний, в том числе коронавирусной инфекции COVID-19, признается его применение также в управленческой прогнозной аналитике. Суть использования искусственного интеллекта в сфере прогнозной аналитики сводится к обработке им больших массивов данных и построению на этой основе прогнозов распространения той или иной инфекции. Разразившаяся пандемия коронавирусной инфекции стимулировала создание различных аналитических панелей, занимающихся управленческой аналитикой распространения инфекции COVID-19. Это, например, «Coronavirus COVID-19 Global Cases by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU)», «WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard», National Response Portal (NRP) [7, с. 27–28].

Таким образом, искусственный интеллект позволяет оптимизировать и ускорить процесс составления прогноза как в глобальном плане борьбы с пандемией COVID-19 в рамках управленческой прогнозной аналитики, так и в решении то-

чечных проблем при лечении конкретного больного посредством соответственно клинической аналитики.

Несмотря на значительный потенциал искусственного интеллекта в общественной жизни, долгое время ему не уделялось должного внимания в сфере правового регулирования. Первым нормативным актом, давшим официальное определение искусственного интеллекта, стала обозначенная выше Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Кроме фиксации единого определения искусственного интеллекта в данном акте были закреплены цели, основные задачи и мероприятия, имеющие целью развитие искусственного интеллекта в России, а также приоритетные направления его развития (среди которых значится и сфера здравоохранения). Важным положением Указа от 10 октября 2019 г. № 490 является сопряжение развития искусственного интеллекта с национальной программой «Цифровая экономика в Российской Федерации», в том числе в формате разработки федерального проекта «Искусственный интеллект»¹. В конце августа 2020 года был разработан паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект», однако ряд министерств (в том числе и Минздрав России как субъект, ответственный за внедрение искусственного интеллекта в сфере здравоохранения) отказались согласовывать данный проект².

Развитие искусственного интеллекта в сфере здравоохранения предусматривается также и в федеральном проекте «Цифровое здравоохранение», в рамках которого в качестве одного из показателей предусматривается доля медицинских организаций, использующих СППВР на основе искусственного интеллекта³.

К проектам, стимулирующим развитие искусственного интеллекта, относится также федеральный проект «Цифровые технологии», предусматривающий меры поддержки развития информационных технологий, а также и технологий искусственного интеллекта⁴.

Утверждение в России указанных проектов, безусловно, является важным шагом в развитии искусственного интеллекта, в том числе в сфере обеспечения права на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь. Тем не менее подобная форма стимулирования развития искусственного интеллекта далека от идеала. Во-первых, формулировки определенных задач и мер в нормативных документах соответствующих проектов часто страдают неконкретностью, что открывает широкий простор для бюрократизма и осложняет процесс достижения магистральной цели. Во-вторых, указанные проекты не имеют искусственный интеллект в сфере здравоохранения центральным предметом стимулирования развития.

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 11.10.2019).

² См.: Владислав Скобелев, Анна Балашова. На Госпроект «Искусственный интеллект» потратят почти 37 млрд руб. РБК. 2020. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/08/2020/5f4900119a7947026b495660 (дата обращения: 25.06.2021).

³ См.: Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7) // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Системные требования: Adobe Acrobat. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/programma.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

⁴ См.: Федеральный проект «Цифровые технологии». URL: <https://digital.ac.gov.ru/support/> (дата обращения: 25.06.2021).

Таким образом, можно отметить, что на современном этапе развития науки и техники в России и в мире для обеспечения права на охрану здоровья, доступную и качественную медицинскую помощь в большей степени интерес представляют (в тактической перспективе) создание и развитие технологий «слабого искусственного интеллекта», что обусловлено, с одной стороны, относительной узостью проблемных задач, а с другой — реальным существованием технологий «слабого искусственного интеллекта». Кроме того, развитие «слабого искусственного интеллекта» также решает эτικο-правовую проблему, связанную с его социальным статусом, поскольку в таком варианте искусственный интеллект не обладает в полной мере когнитивными способностями, присущими человеку.

В то же время в Российской Федерации в последние несколько лет предпринимаются определенные шаги, направленные на нормативное регулирование создания и развития технологий искусственного интеллекта, в том числе и в сфере здравоохранения. Основой указанного регулирования стала Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная указом Президента РФ. К сожалению, как уже отмечалось, предусмотренные федеральные проекты страдают широтой и неконкретностью формулировок, что осложняет процесс развития технологий искусственного интеллекта в России. Вариантом преодоления данной проблемы представляется принятие узкого, специализированного нормативно-правового акта, регулирующего развитие и применение технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения.

Библиографический список

1. *Бурсов А.И.* Применение искусственного интеллекта для анализа медицинских данных // Альманах клинической медицины. 2019. № 47 (7). С. 630–633.
2. *Фершт В.М., Латкин А.П., Иванова В.Н.* Современные подходы к использованию искусственного интеллекта в медицине // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2020. № 1. С. 121–130.
3. *Морхат П.М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 420 с.
4. *Лантев В.А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. С. 79–101.
5. *Васильев А.А., Шпоппер Д., Матаева М.Х.* Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрлингвистика. 2018. № 7–8. С. 35–44.
6. *Бирюков П.Н.* Деятельность США в сфере использования искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3. С. 324–334.
7. *Гусев А.В., Новицкий Р.Э.* Технологии прогнозной аналитики в борьбе с пандемией COVID-19 // Врач и информационные технологии. 2020. № 4. С. 24–33.
8. *Гаврилов Д.В., Кирилкина А.В., Серова Л.В.* Алгоритм формирования подозрения на новую коронавирусную инфекцию на основе анализа симптомов для использования в системе поддержки принятия врачебных решений // Врач и информационные технологии. 2020. № 4. С. 51–58.

References

1. *Bursov A.I.* Application of Artificial Intelligence for the Analysis of Medical Data // Almanac of Clinical Medicine. 2019. No. 47 (7). P. 630–633.

2. *Fersht V.M., Latkin A.P., Ivanova V.N.* Modern Approaches to the Use of Artificial Intelligence in Medicine. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2020. No. 1. P. 121–130.

3. *Morkhat P.M.* The Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil-Legal Problems: dis. ... doct. of law. M., 2018. 420 p.

4. *Laptev V.A.* The Concept of Artificial Intelligence and Legal Responsibility for Its Work // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. P. 79–101.

5. *Vasiliev A.A., Shpopper D., Mataeva M.H.* The Term “Artificial Intelligence” in Russian Law: a Doctrinal Analysis. 2018. No. 7–8. P. 35–44.

6. *Biryukov P.N.* US Activities in the Use of Artificial Intelligence // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2019. No. 3. P. 324–334.

7. *Gusev A.V., Novitsky R.E.* Technologies of Predictive Analytics in the Fight Against the COVID-19 Pandemic. 2020. No. 4. P. 24–33.

8. *Gavrilov D.V., Kirilkina A.V., Serova L.V.* Algorithm for Forming a Suspicion of a New Coronavirus Infection Based on the Analysis of Symptoms for Using It in the System of Support for Medical Decision-Making // Doctor and Information Technologies. 2020. No. 4. P. 51–58.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-44-52

УДК 342.5

О.А. Ибрагимов

**ПРОГРАММА ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА
КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ РОЛИ ФЕДЕРАЛЬНОГО
СОБРАНИЯ В НАЗНАЧЕНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Введение: в России высшим звеном исполнительной власти является действующее на постоянной основе Правительство Российской Федерации, порядок формирования которого претерпел изменения в связи с конституционными новеллами 2020 года и в настоящее время нуждается в осмыслении. **Цель:** выявить актуальные конституционно-правовые проблемы, касающиеся роли законодательной власти в назначении Председателя Правительства Российской Федерации, а также подготовить предложения по формированию конституционных основ статуса программы основных направлений деятельности правительства. **Методологическая основа:** в статье использовались общенаучные методы исследования (анализ, синтез, аналогия, системный метод) и частнонаучные методы юриспруденции (сравнительно-правовой и формально-юридический методы, методы толкования и правового моделирования). **Результаты:** автором предлагается закрепить Программу основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации в качестве документа стратегического планирования вместо Основных направлений деятельности правительства. **Выводы:** существующая Программа основных направлений деятельности правительства нуждается в пересмотре идейных и законодательных оснований.

Ключевые слова: исполнительная власть, Правительство Российской Федерации, президент РФ, Государственная Дума, назначение председателя правительства, Программа основных направлений деятельности правительства.

O.A. Ibragimov

**THE PROGRAM OF THE CORE FOCUS OF THE GOVERNMENT'S
ACTIVITIES AS A MEANS OF STRENGTHENING THE ROLE
OF THE FEDERAL ASSEMBLY IN THE APPOINTMENT
OF THE PRIME MINISTER OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Background: in Russia, the highest level of the executive power is the Government of the Russian Federation acting on a permanent basis, the order of its formation has undergone changes in connection with the constitutional amendments of 2020 and currently needs to be understood. **Objective:** to identify current constitutional and legal problems concerning the role of the legislative power in the appointment of the

Chairman of the Russian Federation Government, as well as to prepare proposals for the formation of the constitutional basis for the status of the program of the main activities of the government. Methodology: the article uses general scientific research methods (analysis, synthesis, analogy, system method) and private scientific methods of jurisprudence (comparative legal and formal legal methods, methods of interpretation and legal modeling). Results: the author proposes to fix the program of the main activities of the Government of the Russian Federation as a strategic planning document instead of the main activities of the government. Conclusions: the existing program of the main directions of the government's activities needs a revision of the ideological and legislative foundations.

Key-words: executive branch, Russian Federation Government, president, State Duma, appointment of the Prime Minister, program of the main activity areas.

Органы исполнительной власти осуществляют исполнительно-распорядительную деятельность посредством реализации государственно-властных полномочий, позволяющих с помощью юридических и организационных средств претворить нормативные правовые акты в жизнь. В эпоху широкой информатизации общества, глобализации социально-экономических процессов, угроз мировых кризисов (экономический кризис 2008–2009 годов, пандемия COVID-19) от исполнительной власти требуется все больше ответственности перед гражданами за результаты реализации полномочий и решение фундаментальных задач, имеющих важное институциональное значение.

Исполнительная власть как нормативно-юридический институт власти нуждается в создании необходимых властных звеньев и обеспечении их функционирования [1, с. 86]. В России высшим властным звеном исполнительной власти является общегосударственное правительство, организующее систему органов исполнительной власти, — Правительство Российской Федерации. Правительство РФ действует на постоянной основе, обеспечивает непрерывность осуществления власти и нуждается в регламентации порядка его формирования. Основы формирования Правительства РФ закреплены в Конституции Российской Федерации.

Произошедшие в 2020 году изменения в российской конституционной доктрине актуализировали ряд проблем, связанных с порядком формирования Правительства РФ. Существует необходимость их переосмысления.

Формирование Правительства РФ начинается с назначения Председателя Правительства РФ, условно реализуемого в три этапа. Первый этап назначения Председателя Правительства РФ состоит в осуществлении единоличного выбора кандидатуры главой государства в рамках полномочия «самому определять конкретный вариант его реализации»¹. Прерогатива выбора Президентом РФ кандидатуры Председателя Правительства РФ обуславливает появление конституционных и политических рисков, таких как персонализация власти, назначение «слабой» кандидатуры, роспуск Государственной Думы после трехкратного отклонения кандидатуры депутатами и т.д. Одним из путей нивелирования таких рисков видится в проведении консультаций главы государства с Советом Федерации по кандидатуре Председателя Правительства РФ по аналогии с кон-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации». URL: <http://constitution.garant.ru/act/government/12113889/> (дата обращения: 21.11.2020).

сультациями в отношении кандидатур руководителей органов исполнительной власти, назначение которых осуществляется Президентом РФ.

Остановимся на подробном анализе второго этапа назначения Председателя Правительства РФ. Единственным юридически значимым ограничением выбора кандидатуры является ее рассмотрение Государственной Думой РФ, по результатам которого принимается решение об утверждении или отклонении. В начале пути демократизации российского государства после распада СССР и до принятия Конституции РФ 1993 года главе государства при назначении главы правительства требовалось согласие Верховного Совета, высшего представительного органа государства¹. В случае несогласия Верховного Совета с кандидатурой главы правительства, президент мог назначить лицо, временно исполняющее обязанности, и в течение трех месяцев представить новую кандидатуру без возможности роспуска Верховного Совета [2, с. 140]. Однако согласно Регламенту Верховного Совета² именно этот орган власти назначал главу правительства. Несмотря на ретроспективу явных конституционных противоречий, процедура согласия Верховного Совета, по мнению автора, предопределила полномочия Государственной Думы РФ по утверждению кандидатуры на главную должность в Правительстве РФ.

До внесенных в 2020 году поправок в Основной Закон кандидатура Председателя Правительства РФ подлежала согласованию Государственной Думой. Порядок согласования регламентировался гл. 17 актуальной редакцией Регламента Государственной Думы³. Основная сущность процедуры дачи согласия на назначение Председателя Правительства РФ заключалась в голосовании депутатов Государственной Думы. В случае получения претендентом на главную должность в Правительстве РФ большинства голосов депутатов Государственной Думы согласие считалось полученным. Кандидат на должность Председателя Правительства РФ обязан представить программу основных направлений деятельности Правительства РФ (далее — Программа) депутатам и ответить на их вопросы. Нормативными правовыми актами требований к содержательной части Программы не предъявлялось. По итогам анализа программ кандидатов в 2008 и 2020 годах программ выявлено, что их основные положения в целом конкретизировали обозначенные Президентом РФ приоритетные направления внешней и внутренней политики государства.

Если до конституционной реформы 2020 года Председатель Правительства РФ назначался на должность с согласия Государственной Думы, то впредь назначение на данную должность будет возможно только после утверждения депутатами кандидатуры Председателя Правительства РФ. Несмотря на изменения положений Основного Закона, депутаты не могут повлиять на выбор Президента РФ. Положения гл. 17 обновленного Регламента Государственной Думы⁴ не содержат принципиальных изменений в утверждении Председателя Правительства РФ по сравнению с процедурой дачи согласия. Конституционным законодателем

¹ См.: Закон РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1098-1 (утратил силу с 24 декабря 1993 г.) «О Президенте РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 17, ст. 512.

² См.: Регламент Верховного Совета РСФСР (принят ВС РСФСР 24 октября 1990 г. № 261-1, утратил силу с 24 декабря 1993 г.) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 26, ст. 320.

³ См.: Регламент Государственной Думы. URL: <https://www.gosduma.net/about/regulations/razdel4/GL17.pdf> (дата обращения: 16.12.2020).

⁴ См.: Регламент Государственной Думы. URL: <http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-17/> (дата обращения: 03.01.2021).

по-прежнему не раскрывается понятие «утверждение», не определены цели и задачи данной процедуры.

В научной литературе представлено достаточное количество предложений, касающихся усиления роли законодательной власти в назначении Председателя Правительства РФ. Например, С.А. Авакьян считает, что давать согласие Государственной Думе РФ на назначение главы правительства необходимо после представления кандидатом структуры нового Правительства РФ [3, с. 8]. На наш взгляд, следует сконцентрировать внимание на Программе будущего Правительства РФ, правовое значение является весьма неопределенным. Законодатель не конкретизирует сущностные характеристики Программы, ограничиваясь формальными положениями о необходимости ее представления перед Государственной Думой РФ и об обязанности кандидата ответить на вопросы депутатов в течение неустановленного времени (в рамках процедуры дачи согласия составляло тридцать минут). Поскольку программа не является нормативным документом, на практике нередко получается, что ее мероприятия не выполняются и за что не предусмотрено никакой ответственности [4, с. 79]. Так, в 2012 году Д.А. Медведев (тогда претендент на должность Председателя Правительства РФ) в ходе представления Программы Государственной Думе обозначил, что «...за период до 2020 года должно быть создано не менее 25 млн эффективных рабочих мест, в первую очередь, конечно, не в сырьевых отраслях экономики...»¹. Согласно данным официальной статистики, если в 2012 году среднегодовая численность занятых в России составляла около 68 млн чел., то в 2018 году ее уровень изменился в сторону увеличения на 3,6 млн чел. и достиг 71,6 млн чел. (при этом уровень участия в рабочей силе населения остался фактически на прежнем уровне)², что свидетельствует о невыполнении программного мероприятия по созданию рабочих мест.

К.М. Конджакулян полагает, что «институт обязательного утверждения правительственной программы может стать дополнительной гарантией реального участия парламента в формировании правительства» [5, с. 79]. Процедура обязательного утверждения правительственной программы в отдельных государствах конституционализирована. К примеру, Конституцией Польши³ (ч. 2 ст. 154) предусматривается предоставление вотума доверия Председателю Совета Министров Республики Польша в отношении программы деятельности Совета Министров Республики Польша, если большинство парламентариев проголосовало за нее. Согласно ч. 2 ст. 99 Конституции Испании⁴ кандидат на пост главы правительства представляет конгрессу депутатов политическую программу правительства и одновременно запрашивает доверие парламентариев. Основным законом Португалии⁵ (ст. 192) предусматривается рассмотрение Программы правительства Ассамблеей Республики Португалии после назначения премьер-министра. По

¹ См.: Выступление Дмитрия Медведева на заседании Государственной Думы. URL: <https://rg.ru/2012/05/09/medvedev-rech.html> (дата обращения: 12.01.2020).

² См.: URL: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 12.01.2020).

³ См.: Konytucja Rzeczypospolitej Polskiej. URL: <https://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/polski/kon1.htm> (дата обращения: 04.07.2021).

⁴ См.: Índice sistemático de La Constitución española. URL: <https://app.congreso.es/consti/constitucion/indice/titulos/articulos.jsp?ini=97&fin=107&tipo=2> (дата обращения: 04.07.2021).

⁵ См.: Constituição da República Portuguesa. URL: <https://www.parlamento.pt/Legislacao/Paginas/ConstituicaoRepublicaPortuguesa.aspx> (дата обращения: 04.07.2021).

результатам этого процесса она может быть отклонена, что приводит к отставке правительства (п. «г» ч. 1 ст. 195).

Согласно ч. 1 ст. 27 Закона о Правительстве РФ¹ Председатель Правительства РФ наделен полномочием по определению основных направлений деятельности Правительства РФ (далее — Основные направления). В соответствии с подп. «а» п. 4 ч. 3 ст. 11 Закона о стратегическом планировании² Основные направления относятся к документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках планирования и программирования, и проходят обсуждение в палатах Федерального Собрания Российской Федерации. Основные направления разрабатываются на шесть лет при участии федеральных органов исполнительной власти и других участников стратегического планирования³. Корректировка Основных направлений осуществляется также по решению Правительства РФ. Отчет о результатах выполнения мероприятий Основных направлений представляется в Правительство РФ.

Итак, Основные направления представляют собой программный документ, содержащий изложение целевых ориентиров будущей деятельности Правительства РФ, неисполнение которого не порождает конституционной ответственности ни для Председателя Правительства РФ, ни для исполнителей. Отсутствие у парламентариев полномочий, касающихся корректировки и контроля за исполнением Основных направлений, исключает данный документ из списка средств парламентского контроля. Указанные недостатки, по-видимому, рискуют превратить Основные направления во внутриправительственный план деятельности, достижение результатов которого не является обязательным.

Несмотря на сходство в названиях Программы и Основных направлений, фактически они имеют различные цели и задачи и, на наш взгляд, требуют пересмотра идейных и законодательных оснований. Опираясь на существующую практику конституционного закрепления правительственных программ в зарубежных государствах, предлагаем отнести Программу к документам стратегического планирования, одновременно исключив из этого списка Основные направления. В целях реализации такого предложения потребуются внесение изменений в Закон о Правительстве РФ, Закон о стратегическом планировании, Регламент Государственной Думы РФ и ряд иных подзаконных нормативных правовых актов. Не останавливаясь на излишних подробностях, укажем ряд идейных оснований обозначенной позиции и кратко их аргументируем:

Программа, являясь значимым элементом процедуры назначения Председателя Правительства РФ, с формально-юридической точки зрения должна обладать более весомым конституционным статусом в сравнении с Основными направлениями, конституционно-правовое полномочие по разработке которых принадлежит руководителю правительства. В этой связи ориентируясь на вышеупомянутую конституционную практику Португалии, предлагается детально

¹ См.: Федеральный Конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060001?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 12.01.2020).

² См.: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26, ч. I, ст. 3378.

³ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 4 августа 2015 г. № 789 «Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 33, ст. 4823.

рассматривать Программу после назначения Председателя Правительства РФ, но в случае отклонения депутатами Государственной Думы направлять документ на доработку в Правительство РФ. По аналогии с правовыми последствиями повторного отклонения проекта федерального закона о федеральном бюджете (ч. 4 ст. 203 Бюджетного кодекса Российской Федерации¹) отклонение Программы во второй раз должно вести к постановке вопроса о доверии Правительству РФ.

Основные направления деятельности Правительства РФ, хотя и обсуждаются парламентариями, но утверждаются единолично Председателем Правительства РФ (также и определяется окончательный вариант Программы), что ослабляет конституционное значение института парламентского контроля и впоследствии при прочих равных условиях может привести к разбалансировке механизма сдержек и противовесов. Утверждение Программы в Государственной Думе могло бы значительно усилить влияние законодательной власти на формирование правительства.

Основные направления деятельности окончательно утверждаются уже назначенным на должность Председателем Правительства РФ, Программа же представляется еще не утвержденным претендентом на данную должность, который, вероятнее всего, подойдет с большей ответственностью к ее разработке. Одобрение депутатами программы могло бы послужить весомым фактором укрепления политического веса Председателя Правительства РФ и, как следствие, подтверждением правильного выбора кандидатуры Президентом РФ.

Время разработки и утверждения Основных направлений не совпадает с плановой периодичностью обновления состава Правительства РФ, связанной с отставкой главы государства по истечении шестилетнего конституционного срока его полномочий. В настоящее время действующие Основные направления утверждены Председателем Правительства РФ в сентябре 2018 года². В 2020 году произошла отставка Правительства РФ, что привело к необходимости выполнения мероприятий Основных направлений Правительством РФ под руководством вновь назначенного главы. Исходя из приведенных фактов, видится необходимость связать срок действия Программы с конституционным сроком полномочий Председателя Правительства РФ.

Правительство РФ, как уже отмечалось выше, не отчитывается перед Государственной Думой или Советом Федерации за результаты выполнения мероприятий как Основных направлений, так и Программы. Следует отметить, что отдельные положения Программы 2018 года кандидата на должность Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева фокусировались на некоторых аспектах разработки Основных направлений будущего правительства, среди которых особо была выделена законотворческая работа³. Данное утверждение претендента на должность главы Правительства лишено новизны и оригинальности, поскольку палаты Федерального Собрания и так обладают законодательной компетенцией и правом участия в разработке Основных направлений. Однако в стороне остался вопрос о парламентском контроле за реализацией мероприятий

¹ См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823.

² См.: Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года. URL: <http://government.ru/news/34168/> (дата обращения: 05.07.2021).

³ См.: Пленарное заседание Государственной Думы. URL: <http://government.ru/news/32554/> (дата обращения: 05.07.2021).

Основных направлений и Программы, правовые основания для осуществления которого в законодательстве отсутствуют. Р.М. Дзидзоев замечает, что «отчет Правительства РФ о результатах своей деятельности можно было бы связать с реализацией программы основных направлений деятельности будущего правительства, косвенное утверждение которой Государственной Думой все же имеет место» [6, с. 28]. В качестве организационного компонента осуществления парламентского контроля предлагаем результаты реализации Программы озвучивать на заседании Государственной Думы в виде доклада, который лучше совместить по времени с ежегодным отчетом о результатах деятельности Правительства РФ (п. «а» ч. 1 ст. 114 Основного Закона). В отношении законодательного компонента предлагаем два варианта:

а) отнести рассмотрение доклада Государственной Думой к форме парламентского контроля и внести изменения в соответствующий нормативный правовой акт¹, а также Закон о Правительстве РФ, регламенты Государственной Думы и Правительства РФ;

б) косвенно связать с осуществлением парламентского контроля и рассматривать доклад в рамках заслушивания Государственной Думой ежегодных отчетов Правительства РФ, что потребует изменения законодательства, регламентирующего внутреннюю структуру отчета.

В конституционно-правовом значении изменение процедуры дачи согласия на утверждение кандидатуры Председателя Правительства РФ фактически не отразилось на порядке ее реализации. Считаем, что нововведение обусловлено идеологическими мотивами: категория «утверждение» выглядит значительнее в общественном и политическом сознании нежели категория «согласие». Акценты в научных исследованиях расставлены на осмыслении роли процедуры согласования кандидатуры главы Правительства в механизме сдержек и противовесов. Так, Р.А. Баширов утверждает, что дача согласия обеспечивала бы «реализацию конституционного принципа разделения властей и системы «сдержек и противовесов» в процессе взаимоотношений между законодательной и исполнительной ветвями государственной власти» [2, с. 140]. Позволим себе не согласиться с этим мнением, аргументируя позицию тем, что существующие нормы Конституции РФ позволяют главе государства назначить такого Председателя Правительства РФ, кандидатура которого не будет утверждена Государственной Думой. Это произойдет в случае трехкратного отклонения кандидатуры и последующего роспуска Государственной Думы. На наш взгляд, возможность наступления указанных обстоятельств подрывает конституционный механизм сдержек и противовесов. М.А. Краснов и И.Г. Шаблинский предлагают провести «реконструкцию» правовых положений ст. 111 Конституции РФ и передать полномочия по назначению кандидатуры Председателя Правительства РФ Государственной Думе, а также ввести ограничения по ее представлению не более двух раз [7, с. 122]. Предложение ученых заслуживает внимания и позволит расширить сферу действия механизма сдержек и противовесов. Однако в современных реалиях (монополия на власть одной политической партии, влиятельный и сильный институт президентства), данное предложение вряд ли найдет поддержку законодателей.

¹ См.: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 352-ФЗ «О парламентском контроле» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19, ст. 2304.

Заключительным этапом процедуры назначения Председателя Правительства РФ является назначение Президентом РФ кандидата на данную должность. Глава государства наделен полномочиями назначать как утвержденную Государственной Думой кандидатуру, так и неутвержденную (в случае ее отклонения в третий раз решением депутатов). Если кандидатура Председателя Правительства РФ согласована с Государственной Думой, и издано соответствующее постановление¹, то при назначении кандидатуры Президент РФ реализует полномочие, предусмотренное п. «а» ст. 83 Конституции РФ². Основным Законом не регламентируется полномочие Президента РФ по назначению главы правительства после трехкратного отклонения Государственной Думой представленных кандидатур. Данное полномочие закреплено ч. 4 ст. 111 Конституции РФ, что свидетельствует о его исключительном характере.

Таким образом, процедура назначения Председателя Правительства РФ является основополагающим этапом формирования правительства.

Первый этап — выбор Президентом РФ кандидатуры Председателя Правительства РФ и ее представление Государственной Думе.

Второй этап заключается в рассмотрении Государственной Думой представленной кандидатуры и является единственным конституционно-правовым ограничением выбора Президента РФ. В 2020 году процедура рассмотрения кандидатуры с формально-юридической точки зрения претерпела изменения: «дача согласия» заменена «утверждением». Несмотря на это, принципиальных различий в практической организации данной процедуры не наблюдается, по-прежнему Государственная Дума не может повлиять на выбор кандидатуры на должность главы Правительства. Основное отличие процедуры согласования от утверждения видится в смещении зоны конституционной и политической ответственности за выбор и назначение Председателя Правительства РФ от Президента РФ к Государственной Думе. В целях усиления влияния органов законодательной власти на формирование правительства предлагается организовать институт обязательного утверждения программы основных направлений деятельности Правительства РФ Государственной Думой. Вместе с тем хорошим решением конституционно-правовых и организационных проблем реализации Основных направлений может стать Программа, основанная на новых законодательных регламентах и принципах. Один из важнейших принципов Программы является парламентский контроль за реализацией предусмотренных мероприятий. Программа, содержание которой Государственная Дума РФ могла бы объективно оценить, должна обладать ясной структурой. Результаты выполнения программных мероприятий следует ежегодно обнародовать на заседании Государственной Думы в виде доклада.

Завершается процедура назначения Председателя Правительства РФ наступлением третьего этапа, касающегося непосредственно назначения Президентом РФ претендента на должность Председателя Правительства РФ.

¹См.: Постановление Государственной Думы от 16 января 2020 г. № 7565-7 ГД «О даче согласия Президенту Российской Федерации на назначение Председателем Правительства Российской Федерации Мишустина Михаила Владимировича». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001160027?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 14.01.2020).

²См.: Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 17 «О Председателе Правительства Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001160035> (дата обращения: 14.01.2020).

Библиографический список

1. Современные проблемы организации публичной власти / под ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с.
2. *Баширов Р.А.* Конституционные основы исполнительной власти Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 225 с.
3. *Авакьян С.А.* Федеральное собрание России: перспективы совершенствования организации и деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2002. № 2. С. 3–16.
4. *Ибрагимов О.А.* Конституционно-правовые проблемы формирования правительства Российской Федерации // Академическая мысль. 2021. № 1 (14). С. 77–81.
5. *Конджакулян К.М.* Исполнительная власть и институт президентства: вопросы соотношения (административно-правовое исследование на примере Российской Федерации и Республики Армения) / под ред. Н.М. Чепурновой. М., 2013. 200 с.
6. *Дзидзоев Р.М.* Ежегодные отчеты Правительства Российской Федерации о результатах деятельности как форма парламентского контроля // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. Т. 3. № 2–3. С. 25–31.
7. *Краснов М.А., Шаблинский И.Г.* Российская система власти: треугольник с одним углом. М.: Институт права и публичной политики, 2008. 232 с.

References

1. Modern Problems of the Organization of Public Power / ed. S.A. Avakyan. M.: Juristicinform, 2014. 596 p.
2. *Bashirov R.A.* Constitutional Foundations of the Executive Power of the Russian Federation. Dis. ... cand. of law. Omsk, 2005. 225 p.
3. *Avakyan S.A.* Federal Assembly of Russia: Prospects for Improving the Organization and Activity // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Law. 2002. No. 2. P. 3–16.
4. *Ibragimov O.A.* Constitutional and Legal Problems of the Formation of the Government of the Russian Federation // Academic Thought. 2021. No. 1 (14). P. 77–81.
5. *Kondzhakulyan K.M.* Executive Power and the Institute of the Presidency: Issues of Correlation (administrative and legal research on the example of the Russian Federation and the Republic of Armenia) / Ed. by Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation N.M. Chepurnova, M., 2013. 200 p.
6. *Dzidzoev R.M.* Annual Reports of the Government of the Russian Federation on the Results of Activities as a Form of Parliamentary Control // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2016. Vol. 3. No. 2-3. P. 25–31.
7. *Krasnov M.A., Shablinsky I.G.* The Russian System of Power: a Triangle with One Corner. Moscow: Institute of Law and Public Policy, 2008. 232 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-53-58

УДК 342

А.А. Фролов

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЖИЛИЩЕ» В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

Введение: право на жилище относится к основным конституционным правам человека и гражданина в Российской Федерации. Отсутствие четкого, единого понятия «жилище» в законодательстве осложняет понимание конституционного права на жилище, что затрудняет его обеспечение. **Цель:** на основе анализа международных актов и нормативно-правовых актов Российской Федерации исследовать понятие «жилище», сформулировать авторское понятие «жилище», отражающее его конституционно-правовую природу. **Методологическая основа:** исследование базируется на использовании формально-логического метода — для определения основных правовых категорий и для выявления их характерных черт; анализ норм российского законодательства основывался на формально-юридическом методе; сравнительно-правовой анализ позволил сделать обобщающий теоретический вывод. **Результаты:** сформулировано авторское понятие «жилище» применительно к науке конституционного права, что позволит в некоторой части решить проблемы в реализации права на жилище гражданами России. **Выводы:** понятие «жилище» подразумевает не просто кров, крышу над головой и т.д.; оно гораздо шире: «жилище» — это капитальное строение, предназначенное для комфортного проживания человека, обеспечивающее ему удобство, защиту от внешних неблагоприятных явлений, имеющее современные инженерные коммуникации, а также обладающее высокой степенью безопасности.

Ключевые слова: понятие «жилое помещение», понятие «жилище», конституционное право на жилище, конституционно-правовые основы права на жилище, анализ нормативно-правовых актов.

A.A. Frolov

ON THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF “HOUSING” IN THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL LAW

Background: the right to housing is one of the basic constitutional rights of a person and a citizen in the Russian Federation. The lack of a clear, unified concept of “housing” in the legislation complicates the understanding of the constitutional right to housing, which makes it difficult to ensure it. **Objective:** based on the analysis of international acts and normative legal acts of the Russian Federation, to investigate the concept of “housing”, to formulate the author’s concept of “housing”, reflecting its constitutional and legal nature. **Methodology:** the study is based on the use of the formal-logical method — to determine the main legal categories and to identify their characteristic

© Фролов Алексей Александрович, 2021
Соискатель кафедры конституционного права им. И.Е. Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия), преподаватель Юридического колледжа ФГБОУ ВО «СГЮА»; e-mail: AAFrolov1975@yandex.ru
© Frolov Aleksey Aleksandrovich, 2021
Postgraduate of the Department of Constitutional law named after I.E. Farber (Saratov State Law Academy) teacher of law, the Law College of the SSUA

features; the analysis of the norms of Russian legislation was based on the formal-legal method; the comparative-legal analysis allowed us to make a generalizing theoretical conclusion. Results: the author's concept of "housing" is formulated in relation to the science of constitutional law, which will allow to solve some problems in the realization of the right to housing by Russian citizens. Conclusions: the concept of "housing" is not just a shelter, a roof over your head, etc., this concept is much broader: "housing" is a capital structure designed for a comfortable stay of a person, providing him with convenience, protection from external adverse events, having modern engineering communications, as well as having a high degree of security.

Key-words: the concept of residential premises, the concept of housing, the constitutional right to housing, the constitutional and legal basis of the right to housing, the analysis of normative legal acts.

Жилище всегда являлось и будет являться впредь одним из важнейших условий жизни любого человека, влияющих на ее качество.

Конституция Российской Федерации закрепляет права и свободы человека в качестве высшей ценности. Одним из таких прав является право на жилище. Важным фактором в данном контексте является не только возможность иметь жилье как таковое: очевидно, что оно (жилье) должно быть достойным и отвечать потребностям современного человека в комфорте и безопасности.

В силу своей злободневности вопросы, касающиеся конституционно-правовых основ права на жилище в России, привлекают внимание многих ученых. Данный вид права рассматривается учеными не только в рамках конституционного права, но также в аспектах гражданского, жилищного права, в теории государства и права и др., что свидетельствует о многоаспектности права на жилище.

Несмотря на то, что право на жилище является, бесспорно, конституционным правом, имеющим свое место и в международном праве, на сегодняшний день в конституционном законодательстве России отсутствует само понятие «жилище», что осложняет понимание содержания исследуемого права. Разнится понимание и правовых возможностей права на жилище в международном праве и конституционном праве России, что затрудняет его обеспечение.

Как субъект международного права Российская Федерация выступает одной из сторон в международных соглашениях, регулирующих различные области правоотношений, в том числе возникающих по поводу жилища. Конституция РФ определяет «общепризнанные принципы и нормы международного права как составную часть правовой системы страны»¹.

Международное сообщество придает большое значение праву на жилище. Это подтверждается тем, что во многих международных документах данное право фиксируется в различных интерпретациях.

Статья 25 Всеобщей декларации прав человека устанавливает, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398. Российская газета. 2020. 4 июля.

необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи»¹. Близко к этому определению нормативное содержание ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, закрепившей «право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни»². Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в 1950 году, закрепляет такую норму, как «необходимость уважения жилища человека»³.

Факт международного признания права на надлежащее жилище подтверждается Глобальной стратегией в области жилья до 2000 года, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1998 году, там же дается определение понятия «достаточное жилище»: оно включает в себя «надлежащую жилую площадь, надежную защиту частной жизни, надлежащую безопасность, надлежащие освещение и вентиляцию, надлежащую базовую инфраструктуру, надлежащее расположение в отношении производственных и других важных объектов, причем все это — за разумную плату».

Хотя понятие «жилище» в нормах международного права нами установлено не было, тем не менее мы должны отметить, что в международном законодательстве категория «жилище» используется применительно к характеристике права человека на достойный жизненный уровень.

В любой цивилизованной стране как на международном, так и на внутригосударственном уровне особое значение придается обеспечению права человека на жилище. Не является исключением и Российская Федерация, закрепившая данное право в Конституции 1993 года. Согласно ст. 40 Конституции РФ объектом права на жилище является понятие «жилище», однако отсутствие в российском законодательстве однозначного определения данного понятия порождает на практике проблемы в реализации рассматриваемого права гражданами России. Е.В. Богданов справедливо замечает, что «недостаток исследований феномена права на жилище сказывается в первую очередь на состоянии жилищного законодательства в целом» [1, с. 22].

Таким образом, Основной Закон РФ, провозглашая право на жилище, гарантирует некое благо, которому нет юридического определения. Отсутствие законодательного определения понятия «жилище» не позволяет установить, на что конкретно граждане имеют право и что можно считать «жилищем».

Если обратиться к юридической литературе и законодательным актам, то можно обнаружить, что однозначного понятия «жилище» не дает ни один документ и ни одно издание.

С лингвистической точки зрения жилище толкуется как «помещение, в котором живут или можно жить» [2, с. 167]. В словаре В.И. Даля «жилье» и «жилище» являются синонимами и подразумевают место, «где живут люди, где поселились, селенье, сельбище, селитбище, населенье, селище» [3, с. 542]. Большой юридический словарь определяет понятие «жилище» как «термин в

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апр.

² См.: Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291, ст. 12.

³ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 8.

конституционном праве, означающий место, адресно-географические координаты которого определяют помещение, специально предназначенное для свободного проживания человека». При этом отмечается, что конституционно-правовое понятие «жилище» шире понятия «жилое помещение» [4, с. 190].

Эти определения помогают понять сущность жилья или жилища, но не реальное содержание термина, используемого в юриспруденции. К сожалению, нет определения понятия «жилище» и в Конституции РФ.

Обратимся к отраслевому законодательству, так как считаем, что его нормы не должны расходиться с конституционными.

В нормах гражданского права (а именно в Гражданском Кодексе РФ содержится понятие «жилое помещение»¹) понятие «жилище» нами установлено не было.

Нормы административного права закрепляют понятие «жилище», но под данным термином понимается «любое помещение, которое предназначено или приспособлено для постоянного или временного проживания. Это могут быть дома, квартиры, жилые комнаты, комнаты в общежитии, места общего пользования, подвальные и чердачные помещения, пристройки, хозяйственные помещения, номер в гостинице, пансионате, палата в больнице, санатории, палатка, купе, каюта и другие помещения» [5, с. 56]. На наш взгляд, данное определение жилища вообще размывает смысл рассматриваемого понятия, трактуемого слишком широко, без учета его (жилища) целевого назначения и качественных характеристик. Исходя из данного определения, под жилищем можно понимать любое строение, в котором живут люди. Такой подход порождает понимание жилища как «определенного места на конкретной территории, имеющего адресно-географические координаты» [6, с. 283], что противоречит конституционно-правовой природе права на жилище.

Определение понятия «жилище» содержится в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, в Уголовном кодексе РФ жилище определяется следующим образом: «под жилищем в настоящей статье, а также в других статьях настоящего Кодекса понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания»².

А пункт 10 ст. 5 УПК РФ содержит следующее определение данного понятия: «жилище — индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания».

Таким образом, к жилому помещению можно отнести бараки, землянки, шалаши и другие подобные сооружения, каковые нельзя назвать удобными и комфортными для проживания человека. Кроме того, причисление к жилью

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2021. № 9, ст. 1472.

этих объектов противоречит соответствующей конституционной норме и нормам международного права, предусматривающего право человека на «достойный уровень жизни».

На наш взгляд, снять данные разночтения должен Жилищный Кодекс РФ. Конституция закладывает общие начала правового регулирования той или иной сферы общественных отношений, а все остальные отрасли права развивают их. Интересен тот факт, что Жилищный Кодекс РФ, характеризуя основные принципы жилищного законодательства, употребляет термин «жилище» («неприкосновенность и недопустимость произвольного лишения жилища, необходимость обеспечения условий для реализации права на жилище, безопасность жилища»¹), но термин «жилище» не определяет. Жилищный Кодекс РФ дает подробное определение видов жилых помещений: «жилого дома и его части, квартиры и ее части, комнаты», но понятие «жилище» опять же никак не конкретизируется. Однако статья 40 Конституции Российской Федерации провозглашает: «каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища».

Таким образом, определение понятия «жилое помещение» используется в гражданском (жилищном) законодательстве, но трактуется различно, что влечет за собой неизбежные проблемы в практике правоприменения и реализации права на жилище. Определение «жилище» было выявлено нами в административной, уголовной отраслях права, но трактовка данного понятия противоречит обеспечению достойного уровня жизни человека. Отсутствие четкого, единого понятия «жилище» в законодательстве осложняет понимание конституционного права на жилище, что затрудняет его обеспечение.

Для устранения данного пробела необходимо на законодательном уровне закрепить понятие «жилище» как «инженерное строение, отвечающее требованиям безопасности и санитарно-гигиеническим требованиям, обеспечивающее человека надлежащим теплом, светом, питьевой водой, местом для сна и приготовления пищи». В данном случае понятие «жилое помещение» можно рассматривать как составную часть жилища (комната, квартира).

На наш взгляд, для совершенствования конституционно-правового регулирования права на жилище в Российской Федерации необходимо закрепить в законодательстве понятие «жилище». Наиболее логичным представляется закрепление данного понятия в Жилищном кодексе, нормы которого регулируют жилищные отношения и в то же время конкретизируют многие моменты, связанные с реализацией права на жилище, закрепленного в Конституции Российской Федерации.

Библиографический список

1. Богданов Е.В. Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 22–26.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 3-е изд. / под общ. ред. С.П. Обнорского. М., 1993. 848 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1981. Т. 1. 779 с.

¹ См.: Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 14; 2021. № 1, ч. 1, ст. 33.

4. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перер. и доп. М., 2004. 703 с.
5. *Россинский Б.В.* Административное право. Словарь-справочник: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право, 2000. 270 с.
6. *Иванов В.И.* Комментарий к статье 40 Конституции Российской Федерации // Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В.Д. Карповича. М., 2002. С. 283.

References

1. *Bogdanov E.V.* Nature and Essence of the Right of Citizens to Housing // Journal of Russian Law. 2003. No. 4. P. 22–26.
2. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian Language. 3rd ed. / Under the general ed. S.P. Obnorsky. M., 1993. 848 p.
3. *Dal V.I.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol. Moscow, 1981. Т. 1. 779 p.
4. Large Legal Dictionary / Edited by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh. 2nd ed., transl. and additional. M., 2004. 703 p.
5. *Rossinsky B.V.* Administrative Law. Dictionary-reference: textbook, handbook for universities. M.: UNITY-DANA. Law and Law, 2000. 270 p.
6. *Ivanov V.I.* Commentary to Article 40 of the Constitution of the Russian Federation / / Commentary to the Constitution of the Russian Federation / Under the general editorship of V.D. Karpovich. M., 2002. P. 283.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-59-66

УДК 342

А.Ю. Соколов, О.Л. Солдаткина

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ ЗАСЕДАНИЙ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ В УДАЛЕННОМ ИНТЕРАКТИВНОМ РЕЖИМЕ*

Введение: пандемия привела к трудностям при проведении заседаний диссертационных советов. В 2020 г. проблему удалось решить временными мерами, сегодня же возникла необходимость в постоянно действующем нормативном правовом акте, что и было сделано (постановление Правительства РФ от 20 марта 2021 г. № 426). Но за время пандемии у вузов уже успела сложиться своя практика проведения заседаний диссертационных советов в удаленной форме, и наработанный опыт может быть имплементирован при разработке унифицированных законодательных стандартов. **Цель:** поиск среди локальных нормативных актов вузов удачных конструкций, закрепляющих новые пути решения возникающих проблем и заслуживающих самого пристального внимания законодателя. **Методологическая основа:** общенаучные методы (анализ и синтез), используется также сравнительно-правовой метод. **Результаты:** путем сравнения различных норм и авторских выводов были даны рекомендации по следующим вопросам: дефиниция понятия «заседания в удаленном интерактивном режиме», урегулирование порядка идентификации членов диссертационного совета, присутствующих удаленно перед началом дистанционного заседания; регламентация процедуры голосования по вопросу присуждения ученой степени; варианты решения вопросов технических сбоев, возникающих при опосредованном аппаратными средствами удаленном присутствии членов ученого совета. **Выводы:** скорейшая унификация

© Соколов Александр Юрьевич, 2021

Доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала (Институт государства и права Российской академии наук), заведующий кафедрой административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: aysokolov@mail.ru

© Солдаткина Оксана Леонидовна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: buzum@mail.ru

© Sokolov Alexander Yurievich, 2021

Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Branch (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences), Head of the Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

© Soldatkina Oksana Leonidovna, 2021

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено в рамках государственного задания «Обоснование подходов к совершенствованию правовых норм, обеспечивающих условия доступности информации, накопление и автоматизированную передачу сведений о функционировании субъектов государственной системы научной аттестации, дистанционные формы работы с применением информационно-коммуникационных технологий».

регламента проведения заседаний диссертационных советов в удаленной форме неизбежности, причем опорой указанной нормотворческой деятельности должен стать успешный опыт локального нормотворчества организаций, на базе которых действуют диссертационные советы.

Ключевые слова: заседание диссертационного совета, удаленный интерактивный режим, локальные нормативные акты вузов, тайное голосование, веб-конференции, информационные системы для проведения заседаний.

A.Yu. Sokolov, O.L. Soldatkina

ON THE QUESTION OF REGULATORY SUPPORT FOR THE
PROCEDURE FOR HOLDING MEETINGS OF DISSERTATION
COUNCILS IN A REMOTE INTERACTIVE FORM

Introduction: the pandemic has led to difficulties in holding dissertation council meetings. In 2020, the problem was solved with temporary measures, but today the need arose for a permanent normative legal act, which was done (Decree of the Government of the Russian Federation of March 20, 2021, No. 426). But during the pandemic, universities have already developed their own practice of holding meetings of dissertation councils in a remote form, and the experience gained can be implemented in the development of unified legislative standards. **Objective:** search among the local regulations of universities for successful designs that consolidate new ways to solve emerging problems and deserve the closest attention of the legislator in this regard. **Methodology:** general scientific methods (analysis and synthesis), the comparative legal method is also used. **Results:** by comparing various norms and author's conclusions, recommendations were made on the following issues: definition of the concept of "remote interactive sessions", regulation of the procedure for identifying members of the dissertation council, present remotely before the start of a remote session; regulation of the voting procedure on the issue of awarding an academic degree; options for resolving issues of technical failures arising from the remote presence of members of the Academic Council mediated by hardware. **Conclusions:** the earliest possible unification of the regulations for holding meetings of dissertation councils in a remote form of inevitability, and the support of this rule-making activity should be the successful experience of local rule-making of organizations on the basis of which the dissertation councils operate.

Key-words: dissertation council meeting, remote interactive mode, local regulations of universities, secret ballot, web conferences, information systems for meetings.

Пандемия и сопровождающие ее ограничительные меры вынудили специалистов многих областей (педагогов, медиков, юристов, научных работников и др.) спешно осваивать цифровые формы взаимодействия — особенно сильно это затронуло тех, кто осуществляет свою профессиональную деятельность посредством участия в работе различного рода заседаний. Трудности возникли также у диссертационных советов, где заседание является основной формой работы. В 2020 г. проблему удалось решить временными мерами, а именно, путем принятия Постановления Правительства РФ от 26 мая 2020 г. № 751 «Об особенностях проведения заседаний советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в период проведения мероприятий, направленных на предотвращение распространения новой ко-

ронавирусной инфекции на территории Российской Федерации»¹, фактически отдавшего решение данного вопроса (о заседаниях диссертационных советов в удаленном интерактивном режиме) тем организациям, на базах которых действуют советы. Сегодня, когда стало понятно, что интерактивная форма стала нормой, возникла необходимость в постоянно действующем нормативном правовом акте, что и было сделано (см.: Постановление Правительства РФ от 20 марта 2021 г. № 426 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 751»² (далее — Постановление № 426)).

Однако за время пандемии у многих диссертационных советов успела сложиться своя практика проведения заседаний в удаленном интерактивном режиме, в каждой организации разработаны свои организационные формы, техническое и нормативное (на уровне локальных актов) сопровождение. Указанный наработанный успешный опыт вполне может быть имплементирован при разработке унифицированных законодательных стандартов, разъяснений и рекомендаций федеральными органами власти.

Представляется, что при дистанционной форме проведения заседания совета по защите диссертаций с точки зрения технических возможностей компьютерной техники особое внимание необходимо уделить следующим вопросам.

Во-первых, нормативный акт должен содержать понятие «заседания в удаленном интерактивном режиме». Прилагательное удаленный трактуется, однозначно, как интерактивный, что предполагает наличие обратной связи и в случае заседаний достигается за счет постоянного аудиовизуального контакта (как в очном, так и в дистанционном режимах). То есть при проведении заседания диссертационного совета в удаленном интерактивном режиме технические средства должны обеспечивать необходимые условия для непрерывного взаимодействия участников заседания с помощью средств, позволяющих установить и поддерживать аудиовизуальный контакт в режиме реального времени.

Во-вторых, необходимо урегулировать порядок идентификации членов диссертационного совета, присутствующих удаленно перед началом дистанционного заседания.

В-третьих, регламентация процедуры голосования по вопросу присуждения ученой степени должна учитывать технические и организационные особенности, затрагивающие идентификацию и аутентификацию членов диссертационного совета, ведения аудио-видео-фиксации и записи и др., а также обеспечивать достоверность результатов проводимого голосования.

В-четвертых, требуется предложить варианты решения вопросов технических сбоев, возникающих при опосредованном аппаратными средствами удаленном присутствии членов ученого совета (в основном речь идет о технических проблемах со связью во время заседания).

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 26 мая 2020 г. № 751 «Об особенностях проведения заседаний советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в период проведения мероприятий, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 22, ст. 3517.

² См.: Постановление Правительства РФ от 20 марта 2021 г. № 426 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 751» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 13, ч. II, ст. 2252.

Анализ локальных нормативных актов ведущих российских вузов¹, регламентирующих процедуры проведения заседаний диссертационных советов в удаленном интерактивном режиме, показывает, что в большинстве своем существуют значительные пробелы правового регулирования по многим вопросам. Среди указанных нормативных актов вузов имеются удачные конструкции, закрепляющие новые пути решения возникающих проблем и заслуживающие самого пристального внимания законодателя.

1. Так как принятие рассмотренных локальных актов было обусловлено строгими ограничительными мероприятиями, в некоторых вузах заседанием с удаленным участием считалось заседание, проведенное в режиме видеоконференцсвязи (далее ВКС) на базе какой-либо платформы веб-конференций. В этом случае разрешалось присутствие практически всех участников заседания диссертационного совета (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»). Однако большинство организаций пошли по другому пути: форма проведения заседания оставалась практически очной, а удаленное участие разрешалось 1–2 членам диссертационного совета (иногда — оппонентам).

Сегодня, при общем ослаблении уровня мер, связанных с пандемией, представляется целесообразным оставить в качестве основной очную форму проведения заседаний диссертационных советов, ограничив количество членов совета, присутствующих на заседании удаленно (не более половины членов совета). Иные лица, включая официальных и неофициальных оппонентов, также могут присутствовать в удаленном режиме.

Таким образом, предлагается считать заседание диссертационного совета проводимым в интерактивном режиме, если предполагается применение информационно-коммуникационных технологий, программных и технических средств, обеспечивающих опосредованное (дистанционное) участие членов совета, находящихся вне места проведения защиты, а также официальных оппонентов и иных лиц. При этом во всех организациях, независимо от выбранного подхода, основным требованием к присутствию членов диссертационного совета и оппонентов (в удаленном режиме) является непрерывный аудиовизуальный контакт между всеми участниками заседания, а также возможность ведения аудио-видео-записи заседания и передачи данных по информационным каналам, в том числе сети Интернет.

¹ Изучено более 50 локальных нормативных актов, включая Приказ РУДН от 4 июня 2020 г. № 326. URL: <http://dissovet.rudn.ru/> (дата обращения: 16.05.2021); Положение о присуждении ученых степеней в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/docs/218589582.html> (дата обращения: 16.05.2021); Приложение № 1 к приказу РАНХиГС от «20» 09 2019 года № 02-1049. URL: <https://www.ranepa.ru/aspirantura/dissertatsionnye-sovetu/> (дата обращения: 16.05.2021); Положение о советах по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, действующих в МФТИ на основании п. 3, ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» (приказ от 4 июля 2018 г. № 908-1). URL: https://mipt.ru/docs/download.php?code=prikaz_758_1_ot_08_05_2019_ob_utverzhenii_polozheniya_o_sovetakh_po_zashchite_dissertatsiy_na_soisk (дата обращения: 16.05.2021); Порядок проведения заседаний собственных диссертационных советов ФГАОУ ВО СПбПУ по защита диссертаций в удаленном интерактивном режиме. URL: <https://www.spbstu.ru/upload/postgraduate/order-1135-31-07-20.pdf> (дата обращения: 16.05.2021); Приказ от 28 сентября 2020 г. № 172-ОД «Об утверждении Регламента проведения заседаний диссертационных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет» в дистанционном режиме». URL: <https://sfedu.ru/files/upload/sts/57801/%D0%9F172-%D0%9E%D0%94.pdf> (дата обращения: 16.05.2021) и др.

Поскольку удаленное участие предполагает использование компьютерных средств, к нему нужна отдельная техническая подготовка, что, в свою очередь, вызывает необходимость принятия решения о проведении заседания с удаленным интерактивным участием членов диссертационного совета и иных лиц за несколько дней. Разумным видится подход, при котором члены диссертационного совета и иные лица (оппоненты) заранее выражают свое намерение об удаленной форме участия (например, в форме заявления, в котором также указываются обоснования невозможности присутствия в очной форме: служебная командировка, состояние здоровья и др.).

2. Неоднозначна в действующих локальных нормативных актах и процедура идентификации членов совета. В отдельных случаях вузы предлагают неординарные способы идентификации. Так, в ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» в случае, если член диссертационного совета присутствует на заседании в удаленном интерактивном режиме, копия подписанного им явочного листа высылается на электронный адрес уполномоченного структурного подразделения Академии в день проведения заседания диссертационного совета и заверяется его председателем, а в ВШЭ подтверждение участия в заседании с помощью электронных средств коммуникации производится членами диссертационного совета по электронной почте.

Однако в целом варианты вполне стандартны, а среди предлагаемых способов идентификации указываются следующие:

а) идентификация посредством электронной регистрации (простая электронная подпись), чьи результаты по завершении процедуры голосования преобразовываются в графический формат, подписываются электронной подписью должностным лицом, ответственным за организацию работы совета;

б) идентификация с использованием при регистрации личных электронных подписей каждого члена диссертационного совета, участвующего в процедуре голосования;

в) визуальная идентификация/аутентификация, когда перед началом заседания для идентификации личности его участников ими демонстрируется документ, удостоверяющий личность, который сравнивается с ранее присланными документами.

Представляется разумным предоставить выбор средств идентификации организациям, на базе которых действуют диссертационные советы, прописав рекомендуемые варианты, ведь они апробированы и хорошо показали себя в работе. Думается, все эти варианты не являются оптимальными, что не способствуют стандартизации и унификации процесса проведения заседаний. Очевидно законодателю стоит предусмотреть возможность идентификации и аутентификации средствами электронной регистрации с использованием Единой системы авторизации и аутентификации.

Существует также вариант идентификации путем сравнения изображения члена диссертационного совета с Единой биометрической системой, но данный вариант требует серьезной законодательной, организационной и технической работы, что не всегда позволяет повсеместное применение.

3. Голосование по вопросу присвоения ученой степени в разных диссертационных советах во время пандемии проводилось по-разному: в открытом (ФГБОУ

ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», ЮФУ) или тайном виде.

Регламентация процедуры тайного вида голосования не имеет особых различий и примерно одинакова во всех организациях. Тайное голосование проводится с использованием технических средств и/или электронных сервисов, доступ к которым предоставляется членам диссертационного совета, зарегистрированным в явочном листе.

Тем не менее имеются и исключения. В МФТИ, например, если один из участников диссертационного совета участвует в заседании в интерактивной форме, председатель диссертационного совета объявляет начало голосования такого участника после того, как все члены ученого совета, очно участвующие в заседании, завершат процедуру голосования. После этого аудио-видео-запись голосования приостанавливается, и все присутствующие, не входящие в состав диссертационного совета, кроме ученого секретаря, покидают помещение, в котором проводится защита. Член диссертационного совета, принимающий участие в работе совета интерактивно, устно оглашает свое решение. Его голос фиксируется в бюллетене специальной формы, демонстрируется голосующему участнику и заверяется подписями всех троих членов счетной комиссии, после чего бюллетень опускается в урну. Далее возобновляется запись и возвращаются все участники защиты. Такой вариант представляется неоднозначным, так как отсутствует унификация способов голосования и возможно возникновение спорных ситуаций: перерыв в аудио-видео-записи дает повод к подаче протестов, а само голосование, в данном случае, тайным, по сути, не является. Кроме того, подобная форма может быть использована, если количество членов совета, участвующих в заседании удаленно, не более одного.

Приемлемым представляется вариант сохранения тайной формы голосования по присвоению ученой степени, которое должно проводиться на основе сервисов для организации юридически значимых заседаний.

Предлагаемая формулировка положений требуемого федерального нормативного акта, может выглядеть следующим образом:

«I. Тайное голосование проводится с использованием технических средств, предоставленных организацией (далее — электронная урна). Выбор технических и программных средств осуществляется организацией. Доступ к электронной урне предоставляется членам диссертационного совета, зарегистрированным в явочном листе и прошедшим процедуры идентификации и аутентификации (независимо от формы участия).

II. При проведении тайного голосования с использованием электронной урны обеспечивается режим работы, при котором:

- а) обеспечивается полная конфиденциальность голосования;
- б) выгрузка результатов доступна сразу после голосования всем членам диссертационного совета;
- б) голосование по вопросу о присуждении ученой степени для каждого члена диссертационного совета возможно только один раз.

III. Порядок учета голосов при закрытом голосовании предполагает подсчет голосов, поданных «за» предлагаемое решение диссертационного совета, а также голосов, поданных «против». Присутствующие члены диссертационного совета, не участвовавшие в голосовании, целесообразно указать в заключении диссертационного совета отдельно.

IV. По итогам голосования ученый секретарь объявляет его результат. Диссертационный совет открытым голосованием в режиме реального времени простым большинством голосов членов диссертационного совета, участвующих в заседании и зарегистрированных в явочном листе, утверждает результаты тайного голосования и его протокол. Председательствующий объявляет результаты открытого голосования».

Если идти по предложенному пути, выборы и работа счетной комиссии становятся ненужными, функции сопровождения и оглашения результатов тайного голосования переходят к ученому секретарю.

4. Опосредованное участие в заседании предполагает использование информационно-коммуникационных технологий, следовательно вероятны технические сбои, приводящие к нарушению аудиовизуального контакта между участниками заседания диссертационного совета по защите диссертаций, что в свою очередь может привести к подаче протестов. Особенно критична такая ситуация в части проведения процедуры голосования, так как здесь подключается еще одна информационная система и появляется больше вариантов признания результатов защиты недействительными. По регламенту такая ситуация недопустима, а значит, необходимо предусмотреть действия совета при возникновении описанных сложностей.

В виду важности данного вопроса, необходимо внести изменения в положения всех организаций, причем алгоритмы действий диссертационного совета в случае технического сбоя в рассматриваемых локальных актах похожи, отличаются только нюансами: в случае разрыва аудио-видео-связи и (или) возникновения технических неполадок объявляется пятнадцатиминутный (или тридцатиминутный) технический перерыв. Стоит также уточнить в качестве должностного лица, имеющего право объявлять технический перерыв — председателя диссертационного совета.

Должен быть также предложен способ выхода из ситуации, когда по окончании технического перерыва между диссертационным советом и членом диссертационного совета, участвующим в заседании дистанционно, аудио-видео-связь полностью не восстановлена и (или) не устранены технические неполадки. В этом случае указанное лицо не участвует в определении кворума и голосовании по вопросу, рассматриваемому на заседании диссертационного совета. Отсутствие возможности обеспечения кворума, и (или) взаимодействия участников заседания диссертационного совета в случае разрыва аудиовидеосвязи и (или) возникновения технических неполадок предполагает необходимость переноса заседания на другой день. В этом случае введение отдельных способов обработки возникновения технических сбоев во время проведения процедуры голосования представляется нецелесообразным. Напротив, количество возможных технических перерывов должно быть ограничено.

Наиболее частой причиной подачи апелляций выступают существенные технические сбои, возникающие при проведении тайного голосования, что обуславливает необходимость детальной регламентации данной процедуры:

«I. При возникновении технических неполадок во время проведения голосования по присуждению ученой степени, не позволяющих обеспечить принятие диссертационным советом решения в соответствии с требованиями настоящего Положения, в день защиты может быть проведено повторное голосование после устранения указанных технических неполадок. В этом случае в протоколе о

результатах голосования дополнительно указываются информация о возникновении технических неполадок, а также сведения о первом и повторном голосовании, включающие в себя дату и время проведения голосования, а также результаты голосования.

II. Существенными являются следующие нарушения процедуры голосования:

а) использование в совете помощника или представителя голосующего, осуществляющего процедуру голосования вместо заявленного участника, в том числе, голосование посредством смс-сообщений, направляемых секретарю совета или третьему лицу;

б) нарушение аудиовизуального контакта с голосующим из-за технических сбоев во время процедуры голосования;

в) явное несоответствие результатов голосования явочному листу и аудиовидео протоколам (например, когда число проголосовавших превышает количество присутствующих)».

Таким образом, анализ локальных нормативных актов организаций, на базе которых действуют диссертационные советы, позволяет констатировать наличие существенных различий в порядке проведения заседаний диссертационных советов в удаленном интерактивном режиме. Такое положение усложняет процесс получения информации о форме проведения заседания диссертационного совета, делает невозможным доступ к удаленному участию в работе совета и влечет за собой возникновение иных проблем, дающих, в итоге, основание для подачи жалобы в Высшую аттестационную комиссию и апелляции. Изложенное свидетельствует о неизбежности скорейшей унификации регламента проведения заседаний диссертационных советов в удаленной форме. Важной опорой указанной нормотворческой деятельности должен стать успешный опыт локального нормотворчества организаций, на базе которых действуют диссертационные советы.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-67-73
УДК 342.95

Б.Ю. Джамирзе

ЛИЦЕНЗИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: актуальность статьи обусловлена перспективами модернизации государственного лицензионного контроля (надзора) в условиях текущего совершенствования контрольно-надзорной деятельности ввиду целесообразности перехода к единым принципам регламентации лицензионно-разрешительного производства.

Цель: рассмотреть наиболее важные тенденции современной правовой политики Российской Федерации в сфере законодательной оптимизации процедур лицензионного контроля. **Методологическая основа:** общие и частнонаучные методы познания объективной действительности, к которым относятся анализ, синтез, абстрагирование и формально-юридический методы, а также иные методы научного познания. **Результаты:** выявлены основные тенденции и недостатки правовой политики в сфере нормативно-правовой регламентации процедур государственного лицензионного контроля (надзора). **Вывод:** переход к реализации новых правил контрольно-надзорной деятельности может в течение значительного промежутка времени (необходимого для адаптации должностных лиц лицензирующих органов к новому законодательству) обуславливать ущемление прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющихся лицензиатами или соискателями лицензий. Современное состояние законодательства о лицензировании не может обеспечить реализацию государственной политики в рассматриваемой сфере на базовых принципах, потому может возникнуть вопрос о его дальнейшей систематизации (включая полный охват всех видов подлежащей лицензированию деятельности и соответствующих процедур, применение мер лицензионного контроля).

Ключевые слова: лицензионный контроль, контрольно-надзорная деятельность, законодательство о лицензировании, органы исполнительной власти, правовая политика.

B.Yu. Dzhamirze

LICENSING CONTROL IN THE CONTEXT OF THE REFORM OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES

Background: the relevance of the article is required by the prospects for the modernization of state licensing control (supervision) in the context of the current improvement of control and supervisory activities due to the expediency of switching to uniform principles of regulation of licensing and licensing proceedings. **Objective:** to consider the most important trends of the modern legal policy of the Russian Federation

© Джамирзе Бэла Юнусовна, 2021
Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права (Майкопский государственный технологический университет); e-mail: bella901@mail.ru
© Dzhamirze Bela Yunusovna, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Department of Administrative and criminal law (Maikop State Technological University)

*in the field of legislative optimization of licensing control procedures. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality, which include analysis, synthesis, abstraction and formal legal methods, as well as other methods of scientific cognition. **Results:** the main trends and shortcomings of the legal policy in the field of regulatory and legal regulation of state licensing control (supervision) procedures are identified. **Conclusion:** the transition to the implementation of the new rules of control and supervisory activities may, for a significant period of time necessary for the adaptation of officials of licensing bodies to the new legislation, cause infringement of the rights and legitimate interests of legal entities and individual entrepreneurs who are licensees or license applicants. The current state of licensing legislation cannot ensure the implementation of state policy in this area on basic principles, which may raise the question of its further systematization with full coverage of all types of activities subject to licensing and relevant procedures, including the application of licensing control measures.*

Key-words: licensing control, control and supervisory activities, licensing legislation, executive authorities, legal policy.

Лицензионно-разрешительное производство является одной из самостоятельных разновидностей административно-процедурных производств, входящих в структуру административного процесса. Одновременно в соответствии с Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 20 ноября 2020 г.)¹ выдача лицензий и разрешений на осуществление какой-либо деятельности рассматривается как составная часть функции по осуществлению государственного контроля и надзора. С таким нормативным положением отчасти следует согласиться, поскольку в рамках лицензионно-разрешительного производства реализуются полномочия органов государственного управления по контролю и надзору за соблюдением лицензиатами требований и условий, предусмотренных специальным разрешением.

Взаимосвязь лицензирования и контрольно-надзорной деятельности обусловила сочетание в рамках проводимой в настоящее время реформы государственного контроля и надзора мер, направленных на комплексное совершенствование соответствующих процедур. В ходе контрольно-надзорной деятельности подлежит проверке соблюдение устанавливаемых государством обязательных требований на основе одноименного федерального закона², а правила законодательства о лицензировании отдельных видов деятельности³ призваны обеспечить гармоничное сочетание контрольно-надзорных процедур с лицензионно-разрешительной работой органов исполнительной власти.

Реформа государственного контроля и надзора, связанная, в первую очередь, с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2021 г.)⁴, обусловила необходимость пересмотра правил осуществления лицензионного контроля. В первую очередь

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 11, ст. 945; 2020. № 47, ст. 7508.

² См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ч. I, ст. 5007; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

³ См.: Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19, ст. 2716; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ч. I, ст. 5007; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

обращает на себя внимание тот факт, что изменилось содержание лицензионного контроля и отчасти его терминологическое обозначение. В действующем законодательстве лицензионный контроль является собирательным термином, означающим проведение проверочных мероприятий в отношении как соискателей лицензии, так и лицензиатов. Такое положение соответствует доктринальным представлениям о государственной контрольно-надзорной деятельности как организационно-правовом способе обеспечения законности и дисциплины в системе государственного управления, который по времени проведения может иметь предварительный, текущий и последующий характер [1, с. 212]. Осуществление лицензионного контроля в отношении соискателя лицензии предваряет выдачу лицензии, позволяя заблаговременно выявить соответствие (несоответствие) планируемой деятельности соискателя лицензионным требованиям и условиям в целях предотвращения вреда жизни и здоровью людей и иным жизненно важным для социума ценностям.

Новый вариант нормативно-правового регулирования соответствующих правоотношений станет актуальным с 1 марта 2022 г.¹, когда используемое в настоящее время и довольно широкое по своему содержанию понятие лицензионного контроля будет заменено на иное — «оценка соблюдения соискателем лицензии, лицензиатом лицензионных требований». Такая оценка получит три формы:

- 1) оценка соответствия соискателя лицензии, лицензиата лицензионным требованиям;
- 2) государственный контроль (надзор) за соблюдением лицензиатом лицензионных требований;
- 3) периодическое подтверждение соответствия лицензиата лицензионным требованиям.

При этом вторая форма будет предполагать осуществление федерального (19 видов) и регионального (1 вид) государственного лицензионного контроля (надзора). Таким образом, для лицензионного контроля предусматривается усложнение терминологии (государственный лицензионный контроль (надзор)) и его сужение до формата текущих проверок соблюдения лицензиатами лицензионных требований.

Новой формой организационно-управленческого воздействия на лицензиата станет периодически проводимое (каждые три года со дня предоставления лицензии) подтверждение его соответствия лицензионным требованиям, которое не рассматривается законодателем в качестве лицензионного контроля.

Как следует из пояснительной записки к соответствующему законопроекту, внесенные изменения имеют положительную цель, поскольку направлены на развитие реестровой модели в сфере лицензирования, в связи с чем предусматриваются замена процедуры переоформления лицензии на процедуру внесения изменений в реестр лицензий; возможность принятия лицензирующим органом решения о предоставлении лицензии в электронном формате посредством утверждения вносимой в реестр лицензии записи о предоставлении лицензии; возможность ведения лицензионного дела в электронном формате в информационной системе, в которой ведется реестр лицензий; возможность внесения изменений

¹ См.: Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

в реестр лицензий посредством использования информационной системы, в которой ведется реестр лицензий, непосредственно лицензиатом¹.

Вместе с тем нужно отметить, что федеральное законодательство, регламентирующее контрольные и надзорные правоотношения, в том числе в лицензионно-разрешительной сфере, никогда не отличалось стабильностью терминологии относительно таких понятий, как «контроль» и «надзор», что является следствием незавершенности соответствующей научной дискуссии. Это касается и выделения — наряду с названными организационно-правовыми формами обеспечения законности и дисциплины — контрольно-надзорной деятельности как самостоятельной формы [2, с. 261]. Практика федерального нормотворчества продолжает показывать отсутствие внятной правовой политики применительно к использованию в законодательстве тех или иных понятий, игнорирование разработчиками законопроектов сущности различных видов деятельности.

Так, оценка соответствия соискателя лицензии и лицензиата лицензионным требованиям не может рассматриваться как нечто отдельное от контроля, поскольку такая оценка предполагает проведение соответствующих проверочных мероприятий. Вместе с тем законодатель избегает использования в данном случае термина «проверка», заменяя его на «документарную оценку» и «выездную оценку». Однако сущность данной деятельности от этого не меняется, означая проведение со стороны лицензирующего органа мероприятий по контролю. Аналогичные суждения можно высказать и относительно периодического подтверждения соответствия лицензиата лицензионным требованиям, которое также является результатом проверки, предполагающей применение к лицензиату мер позитивного или негативного воздействия в зависимости от результатов оценочных мероприятий, определяющих контрольное содержание данной деятельности [3, с. 186].

Кроме того, терминологические особенности обновленного законодательства о лицензировании неизбежно повлекут осуществление огромного массива мероприятий органами исполнительной власти как нормотворческого, так и организационного характера, направленных на упорядочение его применения. Новыми правилами устанавливается, что положение о лицензировании конкретных видов деятельности одновременно является положением о виде федерального государственного лицензионного контроля (надзора). Изменение содержания терминологии в федеральном законодательстве о лицензировании отдельных видов деятельности будет означать необходимость, во-первых, принятия Правительством РФ новых положений о лицензировании каждого вида деятельности, подпадающего под действие этого законодательства, во-вторых, издания федеральными органами исполнительной власти, имеющими нормотворческие полномочия, новых административных регламентов по осуществлению федерального государственного лицензионного контроля (надзора) в подведомственной им сфере деятельности.

Данные усложнения для органов исполнительной власти призваны в конечном итоге упростить лицензионные процедуры. На сайте Государственной Думы Федерального Собрания РФ утверждается, что внеплановая проверка соискателя лицензии будет заменена обремененной в форму государственной услуги оценкой

¹ См.: Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051647-7> (дата обращения: 01.07.2021).

соответствия лицензионным требованиям. Помимо этого предусмотрена процедура периодического подтверждения соответствия лицензиата лицензионным требованиям без осуществления плановых проверок¹.

Несмотря на цель состоящую в упрощении процедур лицензирования для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, вряд ли можно говорить об оптимизации работы лицензирующих органов. Обновленный вариант правил оценки соблюдения соискателем лицензии и лицензиатом лицензионных требований основан на усложненном нормативно-правовом регулировании, для чего потребуется длительный период адаптации должностных лиц контрольно-надзорных органов. Организация проведения ими мероприятий по государственному лицензионному контролю (надзору) и связанных с ними иных мер должна обеспечиваться реализацией программ дополнительного профессионального образования государственных служащих. В связи с этим переход к реализации новых правил контрольно-надзорной деятельности может не только не способствовать упрощению лицензионного контроля, но и, в течение значительного промежутка времени, необходимого для приспособления должностных лиц лицензирующих органов к новому законодательству, обуславливать ущемление прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющихся лицензиатами или соискателями лицензий.

Негативным фактором в организации контрольно-надзорной деятельности и государственного лицензионного контроля (надзора) в частности является длительный период параллельного действия старого и нового контрольно-надзорного законодательства. Положения Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (в ред. от 11 июня 2021 г.)² об осуществлении 15 видов государственного контроля (надзора) будут действовать до 31 декабря 2024 г. Среди них лицензионный контроль деятельности организаций по использованию радиоактивных веществ и ядерных материалов, лицензионный контроль за деятельностью по технической защите конфиденциальной информации, лицензионный контроль за разработкой и производством средств защиты конфиденциальной информации и некоторые иные виды лицензионного контроля. При этом в ст. 19.2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» для целей обеспечения государственного контроля (надзора) за соблюдением лицензиатом лицензионных требований предусмотрены отсылки и к вышеназванному Закону, и к Федеральному закону «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», что обуславливает двойное понимание и осуществление лицензионного контроля — в новом варианте (актуальном с 1 марта 2022 г.) и в формате действующего на данный момент контрольно-надзорного законодательства (актуального до 31 декабря 2024 г.). При этом остается неясным содержание лицензионного контроля по перечисленным выше направлениям с учетом того, что ст. 19.2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» вступит в силу с 1 марта 2022 г. без каких-либо оговорок относительно тех видов лицензионного контроля, на которые продолжит

¹ См.: Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/51589/> (дата обращения: 01.07.2021).

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. I, ст. 6249; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

распространять свое действие Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Следует иметь в виду также несистематизированный характер нормативно-правовой регламентации лицензионно-разрешительной работы. Законодатель проводит работу по систематизации условий и процедур лицензирования только тех видов деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые не имеют принципиальных особенностей, требующих осуществления специального регулирования. В связи с этим на всех этапах развития законодательства о лицензировании в постсоветский период законодатель аккумулирует только часть видов деятельности, подлежащей лицензированию, в соответствующем законе, в названии которого традиционно упоминается об «отдельных видах деятельности». Одна пятая часть видов лицензируемой деятельности регулируется обособленным законодательством — о государственной тайне, организованных торгах, использовании атомной энергии, организации страхового дела, банках и банковской деятельности, рынке ценных бумаг и др.

Несмотря на некоторые положительные аспекты их автономного законодательного регулирования, обращает на себя внимание архаичность соответствующего законодательства. В ряде случаев правила о лицензировании не модернизируются с прошлого века. Так, посвященная лицензированию ст. 27 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (в ред. от 11 июня 2021 г.)¹ ни разу не подвергалась изменениям. При этом правоотношения в данной сфере детально регламентируются актом Правительства РФ, включая применение различных мер административного принуждения, что указывает на устаревший подход к ограничению прав юридических лиц. В современных реалиях подобные ограничения вводятся только федеральным законом.

Не имеющие всеобъемлющей систематизации правила лицензирования носят разнородный характер. В нормах, не охваченных федеральным законодательством о лицензировании отдельных видов деятельности, отсутствует указание на осуществление лицензионного контроля (или в новом варианте — «государственного лицензионного контроля (надзора)»). Однако имеются правила, показывающие фактическую регламентацию контрольных мероприятий в отношении лицензиатов или соискателей лицензий (проведение специальной экспертизы юридических лиц и государственной аттестации их руководителей; выездная оценка соответствия лицензиата лицензионным требованиям и др.), что говорит об отсутствии единой государственной политики в сфере лицензирования. Изменения и дополнения, внесенные в законодательство в связи с необходимостью совершенствования государственного контроля (надзора), практически не касаются видов лицензируемой деятельности по специальному законодательству, за исключением деятельности в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Думается, что все изменения должны проходить в едином русле, обеспечивая общий подход к совершенствованию процедур государственного контроля (надзора) и лицензионно-разрешительной деятельности. Современное состояние законодательства о лицензировании не может обеспечить реализацию государственной политики

¹ См.: Российская газета. 1993. 21 сентяб.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

в рассматриваемой сфере на базовых принципах, что может поставить вопрос о его дальнейшей систематизации с полным охватом всех видов подлежащей лицензированию деятельности и соответствующих процедур, включая применение мер лицензионного контроля.

Библиографический список

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 352 с.
2. Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Влияние регионализации на правовую политику в сфере государственного контроля и надзора // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3. С. 256–265.
3. Конин Н.М. Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 448 с.

References

1. Administrative law of the Russian Federation: a textbook for bachelors / edited by A.Y. Sokolov. M.: Norm: INFRA-M, 2016. 352 p.
2. Sokolov A.Yu., Lakaev O.A. The Influence of Regionalization on Legal Policy in the Sphere of State Control and Supervision // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 3. P. 256–265.
3. Konin N.M. Administrative Law of Russia: textbook. 2nd ed., revised and suppl. M.: Prospect, 2010. 448 p.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-74-87

УДК 349.3

Д.В. Агашев

ФАКТОРЫ СИСТЕМНОСТИ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

Введение: статья посвящена обоснованию телеологического подхода к анализу условий обеспечения целостного, устойчивого и внутренне согласованного состояния исследуемой правовой отрасли. **Цель:** дать характеристику современному состоянию проблематики и в соответствии с избранной методологией исследования сформулировать авторскую позицию в понимании отраслевой цели. **Методологическая основа:** сочетание общенаучных (диалектический, исторический, системно-структурный) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, правовое моделирование и герменевтика) методов исследования. **Результаты:** в ходе работы выявлено, что отечественное законодательство и отраслевая доктрина не предлагают определенных ответов в отношении отраслевой цели, что потребовало обстоятельного теоретического осмысления рассматриваемой категории. **Выводы:** исследуемое явление представляет собой систему соподчиненных институциональных задач, обусловленную и порождаемую процессом разрешения (снятия) диалектического противоречия внутри социально-обеспечительных отношений. Цель отрасли (генеральная цель) рассматривается как ожидаемое, возможное и равновесное состояние регулируемых общественных отношений, соответствующее определенным критериям.

Ключевые слова: право социального обеспечения, диалектика, цель права, задачи права, функция права, целеполагание, системность права, факторы системности.

D.V. Agashev

SYSTEMIC FACTORS OF SOCIAL SECURITY LAW: GOAL-SETTING

Background: the article is devoted to the substantiation of the teleological approach to the analysis of the conditions for ensuring a holistic, stable and internally consistent state of the legal branch under study. **Objective:** to characterize the current state of the problem and, in accordance with the chosen research methodology, formulate the author's position in understanding the legal branch purpose. **Methodology:** a combination of general scientific (dialectical, historical, system-structural) and private scientific (formal-legal, comparative-legal, legal modeling and hermeneutics) research methods are used.

© Агашев Дмитрий Владимирович, 2021

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права (Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»); e-mail: agajur@outlook.com

© Agashev Dmitry Vladimirovch, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Head of the Department of Civil law (Crimean Branch of the Russian State University of Justice)

Results: in the course of the work, it was revealed that the domestic legislation and the legal industry doctrine do not offer the certain answers in relation to the industry goal, which required a thorough theoretical understanding of the category under consideration. **Conclusions:** a reasoned opinion about the fact that the phenomenon under study is a system of subordinate institutional tasks, conditioned and generated by the process of resolving (removing) the dialectical contradiction within social security relations is given. The legal branch purpose (general purpose) is considered as the expected, possible and equilibrium state of regulated social relations that meets the certain criteria.

Key-words: social security law, dialectics, purpose of law, tasks of law, function of law, purpose setting, consistency of law, consistency factors.

Современный период развития человечества характеризуется невероятной динамикой отношений. Это диалектический процесс, который, несомненно, рождает противоречия и, как следствие, переоценку ценностей, преобразование многих общественных институтов и явлений. Социальная сфера в нашей стране за прошедшие два десятилетия нового века также испытала на себе немало трансформаций, характеризующихся более или менее ясными прогнозными результатами, но совершенно точно не добавляющих стабильности праву социального обеспечения и совсем не гарантирующих ему сохранение как системе. Вот почему становится исключительно важным вопрос анализа и оценки системообразующих факторов отрасли, когда-то в прошлом способствовавших ее формированию, а сегодня призванных препятствовать деструкции. Одним из ключевых аспектов в этом аспекте, несомненно, нужно считать проблему целеполагания.

Целеполагание в праве не может ограничиваться только констатацией некоего будущего возможного состояния конкретной отрасли: это всегда совокупность взаимосвязанных ожиданий (ближайших, перспективных, конечных) [1, с. 277], каждое из которых на своем уровне и в рамках отдельных правовых институтов должно рассматриваться как специфическая задача (частная, промежуточная), подчиненная цели более высокого порядка [2, с. 34–35], становясь объектом, «который в свою очередь представляет собой средство или материал для других целей» [3, с. 398]. Наличие ближайших, перспективных, как их именует Д.А. Керимов, целей не предполагает множественности применительно к цели определяющей, главной, а все промежуточное должно рассматриваться по отношению к цели подчиненными ей частными задачами [1, с. 276–278]. Таким образом, основным предметом исследования в рамках настоящей работы станет именно главная, или, иначе, генеральная цель права социального обеспечения.

Цель может быть непознанной, неопределенной и даже неизвестной при существующем уровне развития науки и практики, но она совершенно точно должна присутствовать, ибо весьма странно было бы констатировать бесцельность, а значит бессмысленность правового регулирования [1, с. 272]. Во всяком случае, эта проблема настолько же важна и существенна, насколько сложна и многоаспектна, прямо и непосредственно связана с предметом, методом, принципами и другими элементами права социального обеспечения. Верное определение стратегии в этом смысле позволяет связать задачи и предметную нагрузку отдельных правовых институтов, правильно определить промежуточные показатели и условия, закрепив их законодательно.

Казалось бы, рассматриваемый вопрос должен иметь первостепенное значение для представителей отраслевой науки и законодателя. Ведь без целеполагания

имеющийся арсенал правовых и экономических инструментов оказывается подчиненным самому процессу реализации некоторых мероприятий, длящемуся во времени, без четких ориентиров, а сам он становится в известной степени конъюнктурным, бессистемным, основанным на частных вызовах и реакциях. Такая ситуация в отношении целой правовой отрасли и соответствующего законодательства представляется достаточно странной на фоне действующей системы стратегического планирования¹, а также в контексте существующих требований к государственным программам Российской Федерации, где присутствие целевых показателей (индикаторов) является обязательным элементом². Совершенно очевидно, что отраслевая цель должна быть зафиксирована в базовом федеральном законе в области социального обеспечения, создание которого, однако, само по себе сопряжено с множеством теоретических и практических сложностей [4].

Анализ современного отечественного законодательства в сфере обязательного социального страхования, пенсионного обеспечения, предоставления пособий, социальных и медицинских услуг показывает, что оно не содержит в себе признаков формальной интеграции. При этом имеющаяся фрагментарность и постановка частных вопросов совершенно точно не позволяют вести речь о системе отраслевого целеполагания³. В ч. 1 ст. 25 Всеобщей Декларации прав человека ООН от 10 декабря 1948 г.⁴ зафиксирован важный момент, раскрывающий содержание права человека на социальное обеспечение. Тем не менее, несмотря на бесспорную значимость этого нормативного положения в национальном праве, в нем все же прослеживается доминанта материального аспекта жизнедеятельности человека, а этого явно недостаточно, чтобы стать отправной точкой и приблизиться к пониманию анализируемого феномена. Цель отрасли права, думается, все же не должна сводиться только к констатации возможного и желаемого состояния индивида, а также степени его удовлетворенности этим состоянием; такие оценки более уместны в сфере психологии, социологии или экономики.

Изучение отраслевой литературы, включая учебную, свидетельствует о том, что рассматриваемая проблема также крайне редко становится предметом научного анализа, в том числе в новейший период. В отличие от функций отрасли, исследованных вполне обстоятельно, категория цели в праве социального обеспечения до настоящего времени оказывается малопонятной, а потому требует выявления, описания, специального теоретического осмысления. Прежде всего,

¹ См.: Федеральный закон от 26 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» (в ред. от 31 июля 2020 г. № 264-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26, ч. 1, ст. 3378.

² См. п. 7 Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации: утв. постановлением Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 (в ред. от 16 апреля 2020 г. № 518) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 32, ст. 4329.

³ См., например: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (в ред. от 8 июня 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1929 (преамбула); Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 29, ст. 3686 (ст. 1); Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (в ред. от 22 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 19 (преамбула); Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6965 (ч. 2 ст. 1).

⁴ См.: Организация Объединенных Наций: 2021. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 13.02.2021).

следует оценить состояние проблемы, осветив уже имеющиеся точки зрения по исследуемому вопросу в специальной литературе.

В начале XX века Н.А. Вигдорчик высказал конструктивную идею, обозначив в качестве основной задачи социального страхования, в том числе при последующем переходе к государственному обеспечению, охрану жизненного уровня застрахованных (трудящихся) при одновременной всеобщности помощи и освобождении от страховых взносов [5, с. 9–10; 6, с. 14]. Однако в дальнейшем своем творчестве автор сосредоточился на частных вопросах и не стал развивать эту мысль более полно.

В.С. Андреев прямо не высказывался относительно отраслевой цели, но указывал на то, что она связана с реализацией права на материальное обеспечение за счет общественных фондов потребления (в старости, в случае болезни и нетрудоспособности) как элемента правоспособности гражданина [7, с. 8]. Другие авторы советского периода (А.Д. Зайкин, Р.И. Иванова, В.А. Тарасова, Т.В. Иванкина и др.) в отношении рассматриваемого вопроса не высказывались и рассматривали его опосредованно в русле общей действовавшей в то время идеологической установки о распределении благ нуждающимся по потребностям за счет общественных фондов потребления в будущем коммунистическом обществе.

В современный период М.В. Лушникова и А.М. Лушников акцентируют внимание на социальном назначении права социального обеспечения, но, исходя из контекста, можно предположить, что исследователи имеют в виду именно категорию отраслевой цели. По мнению авторов, она заключается в установлении государственных гарантий социально-обеспечительных прав, создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [8, с. 348–351]. Однако в этом случае возникает небесспорная конструкция, при которой цель уравнивается с самой фиксацией правовых гарантий («право ради права»). Одновременно это рождает вопросы о критериях достойной жизни человека и пределах возможностей отраслевого инструментария — во всяком случае, в соотношении с широким спектром направлений социальной политики государства. Вместе с тем можно поддержать утверждение авторов относительно того, что именно социальное назначение обуславливает задачи отраслевого законодательства.

По мнению В.С. Аракчеева, цель в праве — явление гипотетическое, желаемое событие, которое в принципе недостижимо, поскольку в противном случае отпадает смысл существования правовой отрасли. Одновременно исследователь указывает, что цель права социального обеспечения заключается в закреплении гарантий государственного иждивения для граждан, а также в регулировании и охране соответствующих общественных отношений [9, с. 88–91]. Представляется, что такой подход в известной степени заключает в себе внутреннее противоречие: если отрасль права устанавливает гарантии и фактически регулирует общественные отношения, то в этом случае либо цель права считается достигнутой (что, как отмечалось этим автором, невозможно!), либо это не цель, а нечто иное, некое явление, которое никоим образом не мешает отрасли как системе существовать и развиваться.

А.Л. Благодар в одной из своих ранних работ указывала, что цель правового регулирования заключается в воплощении общественных отношений и реализации правовых норм, где задачами выступают установление правовых гарантий, определенных правовых условий и закрепление способов защиты [10, с. 229]. Однако позднее она пришла к выводу, что перечисленные ранее задачи

на самом деле являются целями права социального обеспечения [11, с. 78–88]. Таким образом, в данном случае автором отмечается разнообразие целей отрасли, что, несомненно, требует дополнительной аргументации. Целеполагание в отраслевой системе предполагает множественность, но, как думается, только в контексте соподчиненности и взаимообусловленности задач и генеральной цели. В противном случае следует констатировать либо конкуренцию целей (что, определенно нарушит целостность системы) либо незавершенность индукции.

Достаточно оригинально формулирует отраслевую цель Е.А. Истомина, указывая, что она заключается в воздействии на неблагоприятные последствия социального риска для их компенсации и защиты субъекта в случаях, когда детерминанты такого риска не удалось устранить в рамках иных отраслей права (трудового, семейного, экологического) [12, с. 16, 20, 177, 290]. В современных исследованиях есть и такие подходы, в рамках которых сама отрасль рассматривается лишь как инструмент (направление) при реализации целей социальной политики государства [13, с. 17–21].

Несомненно, в идеях исследователей содержится внушительный теоретический потенциал. Тем не менее подходы, представленные в современной доктрине, преимущественно выглядят достаточно упрощенными, характеризуют то, что находится на поверхности: если право — регулятор общественных отношений, следовательно, его цель в их регулировании. Во всяком случае, ответ на рассматриваемый вопрос кажется более сложным, а представленные оценки вряд ли можно считать достаточными для продуктивного решения проблемы. Требуется более глубокое ее понимание, и тем большую важность приобретает применяемая методологическая основа, которая не может ограничиваться рефлексией по поводу понятий и их толкований. При имеющемся в современной теории права многообразии научных приемов, как представляется, в наибольшей мере направлению исследования отвечает методология материалистической диалектики.

Категория цели в праве с диалектических позиций достаточно обстоятельно исследована в теории, философии права и других гуманитарных науках. В частности, как писал Д.А. Керимов, цель права сочетает в себе объективную и субъективную природу, с одной стороны, отражая материальные условия жизни общества, с другой стороны, являясь продуктом сознательного творчества людей, организованных в государство, идеальным отражением объективной закономерности [1, с. 274–276; 14, с. 369–370, 374]. «О праве как о цели для самого себя не может быть и речи: оно служит всегда средством для целей, лежащих вне его области», — подчеркивает Н.М. Коршунов [15, с. 49]. Трудно в этой связи отрицать, что право относится к категории искусственных образований, а объединяет такого рода системы заинтересованность в них субъекта и внешне заданное им для них предназначение. В этом смысле цель права всегда будет опосредованной деятельностью законодателя, отражающей потребности развития данного общества в целом либо составляющих его определенных социальных групп, классов. Это кардинально отличает право от естественных (природных) систем, где цель рождается из реальных условий существования, определяется их генезисом и внутренними свойствами объекта.

Таким образом, в ранее приведенных оценках отраслевого целеполагания представители отраслевой теории часто отождествляют категории цель и функции права социального обеспечения. В теории права функциями обычно называют (с некоторыми интерпретациями) направления его воздействия на

общественные отношения [16, с. 71–73]. Позволим себе дополнить это определение указанием на то, что функция права есть процесс, отражающий его утилитарность и роль в реальности, показывает, какими атрибутами, свойствами право обладает и на что оно способно вследствие этого. Показательно в этом отношении, например, разграничение регулятивной и охранительной функций права как проявление его имманентных свойств [17, с. 31–32, 50–52].

Напротив, цель права обусловлена, как было сказано, внешним фактором, поскольку ставится субъектом и ориентирует на возможные варианты, отвечая на вопрос, для чего нужно использовать имеющиеся функции этой системы и при помощи каких приемов (методов). Таким образом, принципиально важно то, что цель и функции права — это разные явления.

Конечно, цель в правовом контексте — это образ, модель определенного отдаленного будущего юридического состояния (режима), являющаяся ориентиром, чем-то желаемым, возможным и ожидаемым. Речь, разумеется, идет об отражении общественного интереса в том его понимании и объеме, которые характерны для данного типа общественно-политического устройства государства, а также о том состоянии, которого общественные отношения должны достичь в итоге [14, с. 371; 15, с. 57–58.]. Нужно согласиться с В.М. Сырых, который указывает, что цели права должны быть таковыми: а) реальными и достижимыми в конкретно-исторических условиях; б) конкретизированными в качественно определенных параметрах и показателях [18, с. 49–50], в том числе через поступательное решение частных задач. Разумно также расширить комплекс требований к цели за счет законодательно закрепленных принципов стратегического планирования.

К сказанному следует также добавить, что цель всегда есть результат перехода от идеального (мотив) к реально воплощаемому. Благодаря деятельности законодателя и используемым им средствам противоречие между субъективным и объективным снимается, цель становится явлением, фактом объективной действительности. Однако отсутствие конкретных текстуальных формулировок в отраслевых актах вовсе не означает, что цели у права нет: она уже объективирована самим наличием конкретных социально-обеспечительных законов, «высеяна» в правовом поле и нуждается по аналогии с отраслевыми принципами лишь в обнаружении и декларировании.

В диалектической парадигме исследование правового явления предполагает погружение в сущность связанной с ним системы общественных отношений и обнаружение в них ключевого противоречия, где различные стороны вступают в связь как противоположности [19, с. 19–20]. Но о каких именно противоположностях может идти речь в контексте социального обеспечения? В какой-то мере ответ возможен в рамках классического противоречия труда и капитала. Но этого явно недостаточно, поскольку искомое взаимодействие определенно охватывает более широкие слои общества и его более целесообразно анализировать через антиномию категорий «нужда» и «благополучие».

Нужду (недостаток в необходимом) [20] обоснованно интерпретировать как фактическое состояние неудовлетворенности основных потребностей субъекта, которое его не устраивает и которое он, как правило, стремится преодолеть. Благополучие (от греческого слова *εὐτυχία*, в английской транскрипции — *eutychia*, что буквально означает «хорошая судьба», «счастье» [21, с. 48]), выступая прямой антитезой нужды, характеризует состояние субъекта и ассоциируется с материальным достатком, полной удовлетворенностью жизнью. Однако взятые

сами по себе, вне общественного контекста, эти понятия суть абстракции, между ними не может быть зримого противоречия. Рассматриваемые метафизически, изолированно друг от друга, через рефлексии отдельного индивида, эти понятия лишь констатируют наличие в обществе подобных явлений, что к тому же иногда обосновывается как некое естественное и вечное состояние вещей.

Меняет ситуацию диалектический подход, по логике которого нужда и благополучие взаимно противопоставляются в рамках общественных отношений через массы их носителей, образуя известную пару социальных противоположностей: множественность возрастающих неудовлетворенных основных потребностей, обуславливающих существование каждого члена общества (тезис) в соотношении с ограниченностью и произвольно-частным характером присвоения и распределения ресурсов для их удовлетворения (антитезис). Разрешение этого противоречия через диалектический закон (отрицание отрицания) с наибольшей вероятностью ведет к конструкции, где снятие (синтез) характеризует отрицание, при котором из всех притязаний (потребностей) признаются лишь наиболее обоснованные и распространенные факторы, вызывающие нужду, с одновременным обособлением для воздействия на них некоторых источников материального обеспечения. Но что именно следует относить к методам снятия (разрешения) такого противоречия?

Можно констатировать, что исторически во многих государствах, включая Россию, в конце XIX — начале XX века в относительно завершенном виде сформировалось три варианта бытия и развития главного противоречия, каждый из которых обрел специфическую правовую форму и оригинальную систему его снятия: гражданско-правовые обязательства (частный), государственное управление благотворительной деятельностью (гибридный) и право социального обеспечения (публичный). Хотя первые две формы широко распространены [22, с. 13–28] и сегодня используются во многих обществах [23], исторический процесс показал¹, что они не способны кардинально или в значительной мере разрешить основное противоречие. Переход же к капиталистической общественно-экономической формации с ее невероятной энергией и интенсивностью развития привел к еще более мощной диспропорции и возрастанию полярности сторон, и подобные системы снятия противоречия полностью перестали отвечать актуальной обстановке [24, с. 11–14]. Обществу и государству требовался иной масштаб, альтернативный стандартной для указанных форм схеме частного присвоения и распределения.

Государство было вынуждено отказаться от роли наблюдателя и арбитра в развивающемся противоречии и в конце концов стать субъектом и прямым участником этого процесса. Такой метод предполагал постепенно возрастающее непосредственное и обязательное участие государства в процессе перераспределения национального дохода в интересах нуждающихся, создания им специальных обособленных фондов и их регулирования. Это ознаменовало появление прежде неизвестных человечеству отношений социального обеспечения (первоначально в организационно-правовой форме социального страхования) [25, с. 9–12], которые стали продуктом деятельности правотворца, представляя собой главным образом не базисное, а производное (надстроечное) и во многом идеологическое явление,

¹ См.: Пешкова Н.Н. Благотворительность в Европе: прихоть богатых или способ решения социальных проблем? Ин-т Европы РАН: 2000–2021. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2014/3/Peshkova.pdf> (дата обращения: 17.03.2021).

которое всегда использовалось в качестве эффективного института поддержания лояльности общества существующей системе власти.

В качестве подтверждения сказанному можно вспомнить радикальную для своего времени новацию по формированию в 1883–1889 годах в Германии системы отношений обязательного социального страхования от несчастных случаев, болезни и инвалидности, а также последующей ее рецепции в государствах мира. Объясняя причины действий германского правительства, авторы того времени прямо связывали введение этого законодательства с возрастающим социал-демократическим движением [6, с. 10; 26, с. 4–13]. Можно привести немало похожих примеров и из отечественной истории: введение обязательного социального страхования рабочих в Российской империи; формальная реализация в первые годы Советского государства страховой рабочей программы. И ряд этот легко продолжить.

Таким образом, именно законодатель, реагируя на ситуацию, изменяющуюся под воздействием известных вызовов и обстоятельств социально-политического характера, и используя организационно-распределительные возможности государственного аппарата, генерировал эту новую модель общественных связей, которые изначально возникли как правовые отношения [27, с. 41–42; 28, с. 198–199]. Разумеется, экономические условия (промышленная революция, увеличение числа наемных работников, потребность в сохранении квалифицированной рабочей силы и т. п.) также оказывали значительное влияние на процесс формирования социального обеспечения, хотя они в большей степени стали для него фоном, сопутствующей обстановкой. В материалистической диалектике, как известно, нет места радикальному утверждению, что одна из противоположностей всецело определяется другой, как и абсолютному подчинению идеального материальному; эти стороны относительно самостоятельны, они постоянно взаимодействуют [19, с. 8; 29, с. 224], и за правом всегда признается значимое обратное влияние на базисные отношения. Именно в рамках этих новых общественных связей категория нужды трансформируется обществом и государством в нуждаемость, фиксируется правом как совокупность значимых состояний физических лиц для формирования стандартных общественно-государственных реакций в денежной или натуральной форме с целью оказания им помощи или содержания.

Итак, следует исходить из посылки о равнозначном и решающем влиянии нормотворца как на происхождение отношений социального обеспечения, так и на определение цели их регулирования. В этом смысле воля законодателя если не главная, то, как минимум, одна из важнейших предпосылок отраслевого системообразования. Именно законодатель посредством права генерирует социально-обеспечительные отношения с внутренним противоречием, хотя это даже не всегда реакция на конкретный вид нужды, распространенный в обществе. Иногда этому служит не фактически имеющаяся неудовлетворенная потребность, а предположение о ней и предупреждение ее возникновения, как это было, например, с введением в Российской Федерации пособий для женщин, вставших на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности.

Закономерным здесь является то, что каждый новый социально-обеспечительный институт способствует возрастанию индивидуальных притязаний (тезис), противостоящих общественному характеру распределения ограниченных материальных ресурсов (антитезис). Важно, что само право социального обе-

спечения становится органичной системой снятия этого противоречия (синтез), констатацией единства указанных противоположностей и фактором развития [19, с. 12–14.]. В этом, как представляется, заключена отраслевая функция как гарантированный государством процесс поддержания равновесия между частным интересом и публичным характером правового воздействия [15, с. 62–63]. Цель отрасли тем не менее не может отождествляться с перманентным процессом разрешения противоречия (функцией права), хотя и обусловлена его наличием в ядре отраслевого предмета.

При этом необходимо обратить внимание на еще одну важную деталь: нельзя игнорировать многоуровневый характер регулирования в этой области («ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). В этой связи необходима оговорка в отношении того, что цель права социального обеспечения — прерогатива именно федерального законодателя, поскольку стабильность отраслевой системы требует безальтернативного генерального целеполагания, на что уже обращалось внимание, в противном случае неизбежны ее (отраслевой системы) дисбаланс и разрушение. На важность этого вопроса обращал внимание и Конституционный Суд РФ, указывая, например, что передача регионам расходных обязательств по обеспечению граждан мерами социальной защиты не означает освобождения Российской Федерации от полномочий по их реализации, а также что неопределенность законодательной регламентации полномочий (между центром и регионами) приводит к нарушению принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства¹. Поэтому при подготовке концепции отраслевого кодифицированного акта, наиболее предпочтительным вариантом которого мог бы стать Закон об основах социального обеспечения в Российской Федерации, должен быть зафиксирован приоритет федерального законодателя в части определения генеральной цели

Цель права, несомненно, должна воплощать в себе общепринятые идеалы, которые в нем так или иначе предметно реализуются. Ценности жизни, свободы, равенства и справедливости в государстве и обществе, общественные блага имеют всеобъемлющий характер, конституционно-правовое закрепление, и все отрасли права в той или иной мере направлены на их реализацию. Отсюда цель права социального обеспечения является лишь частной, промежуточной по отношению к целеполаганию всей системы российского права и в силу этого, очевидно, менее глобальна.

¹ См., например: п. 45 Постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 2013 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 26 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.М. Моренко». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 2 февраля 2006 г. № 56-О «По жалобе гражданина Ляпунова О.И. на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 6, 44, 63 и 154 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В национальном законодательстве и международно-правовых актах текстовым выражением идеалов, отправных ценностей в рассматриваемой области выступают категории «человеческое достоинство», «свободное развитие личности», «здоровье», «благополучие человека и его семьи». Достаточно точным вариантом обобщающего понятия, отражающим смысловой синтез указанных словосочетаний, является термин «благополучие». Верно ли будет рассматривать в качестве цели права социального обеспечения создание условий для благополучного существования человека? Вероятнее всего — нет, ведь об этом свидетельствует не только этимология и буквальное значение данного термина [21, с. 48], но и невозможность обойтись одним словом для характеристики такого сложного диалектического явления, как целеполагание. Очевидно и то, что эта отдельная отрасль не призвана и не может создать «welfare state», путь к благополучию, общество всеобщего счастья или гарантировать каждому хорошую судьбу и достойную жизнь, что объективно подтвердит при необходимости и научно-обоснованное экономическое прогнозирование.

В определенном смысле указанную категорию можно допустить как ориентир для государственной социальной политики в рамках концепта социального государства; соответствующая стратегия в целом может быть увязана с такими теоретическими конструктами, как «социальное право» или «право социальной защиты». В частности, такое направление укладывается в хорошо известную парадигму развития человека, отражаемую с 1990 года в ежегодных докладах Программы развития ООН и озвученную в девизе «жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и пользоваться достойным жизненным уровнем»¹. Но при всей связанности государственной социальной политики с правом социального обеспечения они, как известно, не тождественны, а достичь подобного результата только специально отраслевым инструментарием совершенно невозможно, принимая во внимание, помимо прочего, оценочность приведенных ранее понятий.

Постижение отраслевой цели требует максимального абстрагирования от массы конкретных обстоятельств, отражения наиболее значимых аспектов формируемого понятия. Движение в этом направлении видится продуктивным через сопряжение норм международного и национального уровня с учетом отдельных выводов в немногочисленных исследованиях названной проблематики, в том числе приведенных в настоящей работе. Не претендуя на полноту и завершенность анализа, можно предложить следующий подход, который хотя и не предполагает формулирования конкретной дефиниции, но включает в себя наиболее значимые признаки рассматриваемой категории, каждый из которых впоследствии, конечно, потребует отдельных пояснений.

Итак, цель права социального обеспечения, которую нужно именовать генеральной (главной), состоит в том, чтобы достигнуть и сохранить такое возможное состояние регулируемых общественных отношений, при котором:

законодательно признаны наиболее распространенные, значимые и статистически подтвержденные факторы нуждаемости на основе выработанных человечеством в ходе исторического процесса всеобщих гуманистических и морально-этических ценностей (жизнь и здоровье, достоинство, свободное развитие личности и др.), испытывающих прессинг внешних обстоятельств;

¹ См.: Доклад ПРООН 2010 г. «Новое определение развития человека: Организация Объединенных Наций: 2021. URL: https://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_ch1.pdf (дата обращения: 13.02.2021).

реализуется юридически опосредованное и справедливо квотированное распределение национального дохода в интересах нуждающихся лиц при минимизации личного финансового участия нуждающихся в формировании фондов социального обеспечения и с отнесением соответствующих расходов на счет бюджетного перераспределения, а также к затратам хозяйствующих субъектов на производство (оказание услуг);

посредством мер реагирования (социально-обеспечительных предоставлений) удовлетворяются основные потребности, которые соответствуют признанным обществом и утвержденным государством стандартам физиологической жизнедеятельности и благосостояния человека (его семьи), производным от всеобщих гуманистических и морально-этических ценностей;

не требуется использования принудительных механизмов защиты прав субъектов регулируемых отношений.

Можно ли говорить о том, что цель права социального обеспечения неизменна либо она может быть скорректирована? Константой нужно признать лишь сущность цели как образа будущего состояния общественных отношений, однако ее наполнение конкретными ожидаемыми показателями, вытекающими из определенных ценностей, может изменяться, поскольку (как указывалось ранее) она в значительной степени субъективна т.е. зависит от социально-политической ситуации в государстве, от того, какой общественный страт и в чьих интересах реализует государственную власть. Именно поэтому невероятно сложно предложить универсальный вывод в отношении отраслевого целеполагания, понимая объективную классовую природу государственно-правовых институтов и их относительную изменчивость. По этой же причине перечисленные ранее четыре составляющих цели условны, поскольку диалектика, как правило, не предполагает единственно возможного или стандартного варианта развития. Тем не менее предложенный в настоящей работе подход связан с максимальной отвлеченностью от политической конъюнктуры и отражением связи универсальных потребностей общества и человека с исследуемой областью правового регулирования.

Означает ли это, что гипотетическое попадание в конечную точку процесса, то есть достижение идеала и обретение сопряженных с ним искомым ценностей, прекратит развитие и право социального обеспечения отомрет, исчезнет за ненадобностью? Полное равновесие системы если и возможно, то лишь на относительно непродолжительном отрезке времени, что одновременно фиксирует состояние ее стагнации. Как любое эффективное средство с оптимальными функциональными характеристиками, право социального обеспечения, достигнув своей цели, станет органичным и будет использоваться государством до тех пор, пока существуют его институты. И в этом имеется публичный интерес: само социальное обеспечение как система остается общественной ценностью, а юридическая преемственность в социально-экономической сфере будет сохраняться. Но поскольку развитие вообще есть диалектически непрерывный процесс, то источник развития (ключевое противоречие) не может исчезнуть полностью, ибо рост численности населения, болезни, стихийные бедствия, экономические кризисы и иные объективные условия, порождающие нуждаемость, всякий раз будут с неизбежностью возвращать его к жизни.

Подводя итоги, следует отметить, что цель правовой отрасли нужно воспринимать не как меморандум или декларацию, а как правовую догму, основанную

на закономерностях общественных отношений и концентрированно определяющую стратегию поведения государственного аппарата в рассматриваемой сфере. И пренебрежение этой догмой чревато негативными последствиями. Игнорирование цели — путь к деградации, регрессу в регулировании отношений и, как итог, к распаду нормативной системы и переходу к более простым, но менее эффективным формам снятия противоречия (благотворительность, общинное или семейное обеспечение и др.). Предлагаемая телеологическая концепция развития права социального обеспечения полезна тем, что она позволяет определить параметры соответствия или отклонения от принятой правовой политики в целом и отраслевой стратегии, исходя из логики и причин поведения законодателя в конкретный исторический момент. С другой стороны, она способствует заданию определенного вектора в работе нормотворца, может служить критерием подтверждения или опровержения полезности отдельных решений для этой нормативной системы [30, с. 101–133]. В этом смысле цель отрасли и цель соответствующего законодательства, безусловно, не должны противопоставляться.

Конечно, воплощение озвученной генеральной цели отрасли затруднено не только в условиях современного, но даже перспективного общественного устройства. Причин этому множество, часть из них обозначена в настоящей работе. Эти и другие проблемы известны и, вероятнее всего, преодолимы. Но это лишний раз свидетельствует о необходимости продолжения теоретически обоснованной и планомерной научной и законотворческой работы, в том числе посредством целесообразной постановки и решения специфических (институциональных) задач регулирования, что, к слову, требует отдельного внимания, с максимально полным использованием имеющегося арсенала отраслевых средств.

Библиографический список

1. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М.: СГА, 2003. 521 с.
2. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1: Наука логики. 452 с.
4. Аракчеев В.С. О необходимости и целесообразности принятия Социального кодекса Российской Федерации // Вестник ТГУ. Право. 2011. № 1. С. 13–19.
5. Вигдорчик Н.А. Государственное обеспечение трудящихся. Петроград: Тип. Кюгельген, Галич и К°, 1918. 80 с.
6. Вигдорчик Н.А. Социальное страхование. СПб.: Изд-во «Практическая медицина», 1912. 295 с.
7. Андреев В.С. Материальное обеспечение граждан СССР в старости, в случае инвалидности и временной нетрудоспособности (Правовые вопросы). М.: Госюриздат, 1963. 162 с.
8. Лушников М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. М.: Юстицинформ, 2009. 656 с.
9. Аракчеев В.С. Цели и задачи права социального обеспечения // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2016. № 2 (20). С. 88–96.
10. Благодир А.Л. К вопросу о целях и задачах правового регулирования отрасли права социального обеспечения // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 228–237.
11. Благодир А.Л. Система права социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 430 с.

12. *Истомина Е.А.* Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 500 с.
13. *Галицына Т.В.* Социальная политика и социальное развитие в субъектах Российской Федерации (вопросы трудового права и права социального обеспечения). Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2007. 231 с.
14. *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 472 с.
15. *Коршунов Н.М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 240 с.
16. *Абрамов А.И.* Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2 (110). С. 71–83.
17. *Радько Т.Н., Толстик В.А.* Функции права. Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. 106 с.
18. *Сырых В.М.* Объективные основы публичного права // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 5 (114). С. 37–80.
19. Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы): цикл лекций / под ред. И. Я. Лойфмана. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. 255 с.
20. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
21. *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей / под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1975. 543 с.
22. *Максимов Е.Д.* Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894. 243 с.
23. *Ткаченко Е.Н.* Развитие благотворительной деятельности в зарубежных странах // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 3 (93). С. 59–63.
24. *Литвинов-Фалинский В.П.* Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующим в России законам. СПб: Тип. А.С. Суворина, 1903. 103 с.
25. *Чистяков И.* Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми мерами по их обеспечению. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1912. 423 с.
26. *Гольденвейзер А.С.* Социальное законодательство Германской империи. Страхование рабочих: больничное, от несчастных случаев, на случай потери способности к труду и старости: Доклады, чит. в заседаниях Киев. юрид. о-ва 18 нояб. 1889 г. и 21 апр. 1890 г. Киев: Тип. С.В. Кульшенко, 1890. 180 с.
27. *Иванова Р.И.* Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1986. 176 с.
28. *Фогель Я.М.* Некоторые вопросы теории права социального обеспечения // Статья в книге: «Проблемы трудового права и права социального обеспечения». М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1975. С. 197–203.
29. *Кленнер Г.* От права природы к природе права / под ред.: Куркина Б.А.; пер. с нем. Бекназар-Юзбашев Т.Б. М.: Прогресс, 1988. 320 с.
30. *Малько А.В., Шундинов К.В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.

References

1. *Kerimov D.A.* Law Methodology: Subject, Function, Problems of Philosophy of Law, M.: SGA. 2003. 521 p.
2. *Afanasyev V.G.* Systemity and Society. M.: Politizdat, 1980. 368 p.
3. *Hegel G.V.F.* Encyclopedia of Philosophical Sciences. M.: Mysl, 1974. V. 1. The Science of Logic. 452 p.
4. *Arakcheev V. S.* On the Necessity and Expediency of Adopting the Social Code of the Russian Federation // Bulletin of TSU. Law. 2011. No. 1. P. 13–19.

5. *Wigdorczyk N.A.* State Provision of Workers. Petrograd: Kugelgen, Galic and Co. Printing House, 1918. 80 p.
6. *Wigdorczyk N.A.* Social Insurance. St. Petersburg: Practical Medicine, 1912. 295 p.
7. *Andreyev V.S.* Material Provision of Soviet Citizens in Old Age, in Case of Disability and Temporary Incapacity (Legal issues). M.: Gosyurizdat, 1963. 162 p.
8. *Lushnikova M.V., Lushnikov A.M.* Social Security Law Course. M.: Justiceinform, 2009. 656 p.
9. *Arakcheev V.S.* Purpose and Tasks of Social Security Law // Bulletin of TSU. Law, 2016. No. 2(20). P. 88–96.
10. *Blagodir A.L.* To the Question of the Goals and Objectives of the Legal Regulation of the Social Security Law Industry // Actual Problems of Russian Law, 2010. No. 3 (16). P. 228–237.
11. *Blagodir A.L.* Social Security Law System: M., 2014. 430 p.
12. *Istomina E.A.* Influence of the Concept of Social Risk on the Legal Regulation of Social Security: dis. ... doctor of law. Yekaterinburg, 2021. 500 p.
13. *Galitsyn T.V.* Social Policy and Social Development in the Subjects of the Russian Federation (issues of labor law and social security law). Perm: Ed Perm. 2007. 231 p.
14. *Kerimov D.A.* Philosophical Law Issues. M.: Thought, 1972. 472 p.
15. *Korshunov N.M.* Convergence of Private and Public Law: Problems of Theory and Practice. M.: Norma: Infra-M, 2018. 240 p.
16. *Abramov A.I.* The Concept of Function of Law // Journal of Russian law. No. 2(110). 2006. P. 71–83.
17. *Radko T.N., Tolstik V.A.* Law Functions. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod High School of the Russian Interior Ministry, 1995. 106 p.
18. *Syrikh V.M.* Objective Basics of Public Law // Lex Russica (Russian Law). 2016. No. 5 (114). P. 37–80.
19. Categories of Dialectic (theoretical-methodological problems): Course of Lectures / Sub-ed. Ed. J. Loifman. Ekaterinburg: publ.in Ural. Univer., 2003. 255 p.
20. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* The Dictionary of the Russian Language. M.: TEMP. 2006. 938 p.
21. *Shansky N.M.* A Brief Etymological Dictionary of the Russian Language. Manual for teachers / Ed. by ed., corresponding member AS USSR S.G. Barhudarov. M.: Prosveshchenie, 1975. 543 p.
22. *Maximov E.D.* Historic and Statistical Essay of Charity and Public Charity in Russia. St. Petersburg, 1894. 243 p.
23. *Tkachenko E.N.* Development of Charitable Activities in Foreign Countries // Ethnosocym and Cross-Ethnic Culture. 2016. No. 3(93). P. 59–63.
24. *Litvinov-Falinsky V.P.* Responsibility of Entrepreneurs for Injuries and Death of Workers According to the Laws In Force in Russia. St. Petersburg: A.S. Suvorin Type, 1903. 103 p.
25. *Chistyakov I.* Insurance of workers in Russia. The experience of the history of workers' insurance in connection with some measures to ensure them. Moscow: Printing house of A. I. Snegireva, 1912. 423 p.
26. *Goldenweiser A.S.* Social Law of the German Empire.; Workers' Insurance: Sick, from Accidents, In Case of Loss of Ability to Work and Old Age: Reports, in Kiev meetings. 18 Nov. 1889 and 21 Apr. 1890 Kiev: S.V. Kulshenko Printing House, 1890. 180 p.
27. *Ivanova R.I.* Social Security Relations in the USSR. M.: MSU, 1986. 176 p.
28. *Vogel Ya.M.* Some questions of the theory of social security law // St. in the book. "Problems of labor law and social security law". Moscow: Publishing house of the IGiP of the USSR Academy of Sciences, 1975. P. 197–203.
29. *Klenner G.* From the Law of Nature to the Nature of Law / Ed.: B.A. Kurkina, T.B. Beknazar-Yuzbashev M.: Progress, 1988. 320 p.
30. *Malko A.V., Shundikov K.V.* Goals and Funds in Law and Legal Policy. Saratov: SGAP, 2003. 296 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-88-92

УДК 347.73

А.В. Афанасьевская

ПРАВОВОЙ СТАТУС
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Введение: в настоящей статье анализируются проблемы искусственного интеллекта, его правового статуса, правосубъектности и пр., возникающие в связи с развитием систем искусственного интеллекта. **Цель:** проанализировать научные подходы к определению правового статуса искусственного интеллекта, предусмотренные наукой гражданского права. **Методологическая основа:** метод анализа. **Результаты:** представлен обзорный анализ отечественных концепций относительно правового статуса искусственного интеллекта. **Выводы:** развитие технологий в рассматриваемой сфере, безусловно, приводит к необходимости изменения правового регулирования, существующего на данный момент. При этом нельзя ограничиться принятием поправок по отдельным вопросам, поскольку создание правовых условий для функционирования новых технологий требует комплексного реформирования законодательства и переосмысления основных понятий, содержащихся в наличествующих доктринах.

Ключевые слова: цифровая экономика, информация, робототехника, искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, правосубъектность, правовой статус.

A. V. Afanasyevskaya

LEGAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Background: this article analyzes the problem of artificial intelligence, its legal status, legal personality, etc., arising in connection with the development of artificial intelligence systems. **Objective:** to analyze the scientific approaches to determining the legal status of artificial intelligence, provided by the science of civil law. **Methodology:** the method of analysis. **Results:** a review analysis of domestic concepts regarding the legal status of artificial intelligence is presented. **Conclusions:** the development of technologies in this area, of course, leads to the need to change the legal regulation that exists at the moment. At the same time, we cannot limit ourselves to the adoption of amendments on certain issues, since the creation of legal conditions for the functioning of new technologies requires a comprehensive reform of legislation and a rethinking of the basic concepts contained in the existing doctrines.

Key-words: digital economy, information, support, robotics, artificial intelligence, intellectual property, legal personality, legal status.

Вопросы правовой регламентации использования искусственного интеллекта, его места и роли в системе правового регулирования сегодня особенно актуальны.

© Афанасьевская Анна Валерьевна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Afanasyevskaya Anna Valeryevna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Civil law (Saratov State Law Academy)

История становления и развития искусственного интеллекта уходит своими корнями в период формирования первых философских воззрений Декарта, Гоббса (вычислительная теория разума).

Область искусственного интеллекта (ИИ) значительно трансформировалась с 1950 года, когда Алан Тьюринг впервые задал вопрос о том, могут ли машины думать. Сегодня ИИ меняет общество и экономику. Он обещает помочь решить глобальные проблемы в медицине, образовании, автомобилестроении, обороне, сельском хозяйстве, энергетике, естественных науках, искусстве, праве и др.

В настоящее время ИИ еще не взял под контроль человечество, но уже контролирует многие аспекты нашей жизни, даже если мы не воспринимаем этот факт как таковой. Мы принимаем ИИ как часть нашей жизни. Самый простой пример — наши смартфоны. В настоящее время широко распространено использование ИИ-приложений, с помощью которых можно создать решения для всех профессиональных групп.

Сам термин «искусственный интеллект» впервые прозвучал на Дартмутской конференции, состоявшейся в 1956 году. С этой конференцией связано и появление академической дисциплины с одноименным названием, предметом которой является исследование теории и практики ИИ.

Несмотря на имеющиеся научно-теоретические разработки в области искусственного интеллекта, проблема правового регулирования этого явления не теряет своей актуальности.

Обозначение и широкое обсуждение проблемы искусственного интеллекта началась в 2017 году, причем характер обсуждения приобрел масштаб межгосударственного.

До этого времени основным регулятором в этой сфере являлись отдельные правовые нормы, принятые в различных формах и применяемые только на территории отдельного государства или группы государств [1, с. 69]. Необходимо отметить, что основная роль в данном вопросе принадлежит таким государствам, как Япония, США и Китай, хотя в решении этой проблемы принимают участие и другие государства.

Одним из важнейших шагов в направлении развития и правовой регламентации использования ИИ для заявленных стран является евродорожная карта. В Китае же единый документ, регламентирующий вопросы использования ИИ, отсутствует: траектория движения Китая в этом направлении начала реализовываться в соответствии с пятилетним планом развития страны на 2016–2020 годы. Для иных государств характерно принятие специальных нормативных актов¹.

Необходимостью развития цифровой экономики была продиктована подписанная странами Евросоюза декларация о взаимодействии в вопросах использования ИИ.

Что же касается отечественного правового регулирования в заявленной области, то можно осторожно обозначить, что некоторые попытки движения в этом направлении уже имеют место быть. Так, в качестве примера можно обозначить изменения, внесенные в Воздушный кодекс РФ², связанные с правовым регулированием беспилотных воздушных судов и авиационных систем (дронов).

¹ URL: <https://www.eu-robotics.net/sparc/upload/about/files/H2020-Robotics-Multi-Annual-Roadmap-ICT-2016.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

² См.: Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 462-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части использования беспилотных воздушных судов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. I, ст. 82

Кроме того, некоторые зачатки правового регулирования использования ИИ заложены в Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и в программе «Цифровая экономика Российской Федерации»¹.

Тем не менее необходимо отметить, что российское законодательство в области регулирования ИИ пока еще отстает от зарубежного.

Основным вопросом, который правоведы пытаются разрешить, а затем поместить в рамки правового поля, является вопрос о правовом статусе робототехники, искусственного интеллекта.

В отечественном законодательстве было сформировано несколько концепций по этой проблеме.

Первая из них предлагала приравнять статус ИИ к статусу физического лица, распространяя тем самым на него весь комплекс прав и обязанностей, регламентируемых действующим законодательством.

Сторонники второй концепции полагают, что необходимо приравнять статус робототехники к гражданско-правовому регулированию статуса животных [2, с. 157].

Третья концепция основывается на идее, предлагающей использовать для решения этой проблемы аналогию правового регулирования статуса юридического лица в гражданско-правовых отношениях [3, с. 63].

На сегодня наиболее приемлемой с точки зрения особенностей и специфики, по мнению отечественного законодателя, является приравнивание статуса ИИ к статусу юридического лица. Для этих целей законодателем разработан пакет изменений, предлагается включить в ГК РФ специальную главу, посвященную данным вопросам, со следующей формулировкой: «Роботизированным агентом (роботом-агентом) признается робот, который по волеизъявлению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. Данный агент имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде».

Необходимо отметить, что в этом определении имеется ряд существенных недостатков, на что, в частности, указывает А.А. Иванов². Он отмечает, что обозначенное определение не совсем удачно хотя бы потому, что тем самым мы признаем роботов равноправными участниками гражданско-правовых отношений наряду с физическими и юридическими лицами, то есть субъектом права становится не осознающее себя существо.

Следует отметить, что законодатель не ограничивается тем, что называет робота, ИИ субъектом права. Предлагаемые для внесения в действующее гражданское законодательство России изменения подразумевают, что ИИ — самостоятельный объект гражданско-правового регулирования. Рассмотрение робототехники как объекта права становится возможным ввиду того, что у него есть собственник и (или) владелец.

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы „Цифровая экономика Российской Федерации“» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 32, ст. 5138

² См.: *Иванов А.* Мечтают ли андроиды об электроовцах? // Закон.ру. 2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/2/15/mechtayut_li_androidy_ob_elektroovcah (дата обращения: 22.01.2021).

Анализ названных изменений, которые в ближайшее время будут закреплены в действующем законодательстве, позволяют прийти к выводу, что проблема определения правового статуса ИИ не будет разрешена в полном объеме, поскольку в итоге мы будем иметь дело с объектом двойного правового регулирования.

Определение правового статуса требуется также и в отношении самого понятия «искусственный интеллект».

В этой связи возникает большое количество вопросов касательно того, может ли данный элемент рассматриваться как объект права, в какой момент возникают эти охранительные правоотношения, и т.д.

В действующем гражданском законодательстве отсутствует единый подход к определению понятия ИИ, его правового статуса. Научкой гражданского права разработано два подхода к решению этой проблемы: технологический и формально-юридический.

Сторонники формально-юридического подхода полагают, что сам ИИ не может быть субъектом гражданского права [4, с. 39], поскольку его можно рассматривать лишь как некий объект правоотношений.

Приверженцы технологического подхода сходятся во мнении, что необходимо вносить соответствующие коррективы в нормы действующего законодательства с целью ввести институт электронного лица с элементами ограниченной правосубъектности [5, с. 7], соответственно это «лицо» будет наделено ограниченной правосубъектностью,

Анализ вышеназванных нормативно-правовых актов, а также существующих теоретических подходов к определению правового статуса ИИ позволяет констатировать недостаточную урегулированность правового статуса ИИ. Законодателю необходимо придать правовую оболочку вопросам гражданско-правового регулирования ИИ, выработать определение его правосубъектности, нормативной ответственности за вред, причиненный действиями носителя ИИ, и т.д. В связи с этим следует отметить назревшую необходимость реформирования гражданского законодательства и ряда других законов в данной части.

Подводя итоги, следует отметить, что развитие технологий, безусловно, приводит к необходимости изменения правового регулирования, действующего на данный момент. При этом нельзя ограничиться принятием поправок по отдельным вопросам, поскольку создание правовых условий для функционирования новых технологий требует комплексного реформирования законодательства и переосмысления основных понятий, содержащихся в существующих доктринах.

Библиографический список

1. *Незнамов А.В.* Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–89.
2. *Архипов В.В.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
3. *Ирискина Е.Н.* Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63–72.
4. *Гурко А.* Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.
5. *Макаров О.В.* Субъекты гражданского права: настоящее и будущее // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 39–43.

References

1. *Neznamov A.V.* The Strategy of Regulation of Robotics and Cyber-Physical Systems // *Zakon*. 2018. № 2. P. 69–89.
2. *Arhipov V.V.* On Some Issues of the Theoretical Foundations of the Development of Legislation on Robotics: Aspects of Will and Legal Personality // *Zakon*. 2017. № 5. P. 157–170.
3. *Iriskina E.N.* Legal Aspects of Civil Liability for Harm Caused by the Actions of a Robot as a Quasi-Subject of Civil Law Relations // *Humanitarian Informatics*. 2016. № 10. P. 63–72.
4. *Gurko A.* Artificial Intelligence and Copyright: a Look into the Future // *Intellectual Property, Copyright and Related Rights*. 2017. № 12. P. 7–18.
5. *Makarov O.V.* Subjects of Civil Law: Present and Future // *Arbitration and Civil Procedure*. 2017. № 3. P. 39–43.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-93-103
УДК 347.9

Е.Г. Потапенко

ПРЕДЕЛЫ НОРМАТИВНОЙ УНИФИКАЦИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Введение: унификация цивилистического процессуального права является одним из процессов его качественного развития, который требует всестороннего и тщательного изучения, в том числе с точки зрения пределов осуществления. **Цель:** определить и охарактеризовать негативные процессуально-правовые последствия унификации на разных уровнях (уровень норм, отраслевой уровень, межотраслевой уровень). **Методологическая основа:** используется метод материалистической диалектики, а также набор общенаучных (логический, исторический, системно-структурный) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический) методов, позволяющих обеспечить получение достоверных знаний. **Результаты:** аргументируется авторская позиция определения пределов унификации цивилистического процессуального права на различных уровнях посредством недопущения наступления негативных последствий регулирования цивилистических процессуальных отношений. **Выводы:** чрезмерная нормативная унификация цивилистического процессуального права может приводить к негативным последствиям регулирования процессуальных отношений. На элементарном уровне (уровне процессуальных норм и их комплексов) унификация приводит к возникновению в рамках одного комплекса нескольких общих норм, неразвитости комплексов норм, неразвитости институтов процессуального права. На отраслевом уровне унификация может приводить к множественности общих положений, их конкуренции и чрезмерному обособлению. На межотраслевом уровне (на примере арбитражного и гражданского процессов) унификация может привести к достаточно длительной адаптации с понижением эффективности судопроизводства, к утрате эффективного регулирования.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, арбитражный процесс, унификация права, единый ГПК, пределы унификации права.

© Потапенко Евгений Георгиевич, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского), доцент кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: egpotapenko@rambler.ru

© Potapenko Evgeny Georgievich, 2021

Candidate of law, Associate professor, Department of Civil law and procedure (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky); Associate professor, Department of Arbitration procedure (Saratov State Law Academy)

E.G. Potapenko

THE LIMITS OF THE REGULATORY UNIFICATION OF CIVIL PROCEDURAL LAW

Background: unification of civil procedural law is one of the processes of its qualitative development which requires a comprehensive and thorough study, including among other things the limits of implementation. **Objective:** to define and characterize negative procedural and legal consequences of unification at different levels (level of norms, sectoral level, intersectoral level). **Methodology:** the method of materialistic dialectics is used, as well as a set of general scientific (logical, historical, system-structural) and private scientific (comparative legal, formal legal) methods that allow obtaining reliable knowledge. **Results:** the author's position of determining the limits of unification of civil procedural law at various levels by preventing the occurrence of negative consequences of regulating civil procedural relations is argued. **Conclusions:** excessive normative unification of civil procedural law can lead to negative consequences of regulating procedural relations. At the elementary level (the level of procedural norms and their complexes), unification leads to the emergence of several general norms within one complex, the underdevelopment of complexes of norms, the underdevelopment of institutions of procedural law. At the industry level, unification can lead to a multiplicity of general provisions, their competition and excessive isolation. At the intersectoral level (for example, arbitration and civil proceedings), unification can lead to a rather long adaptation with a decrease in the efficiency of legal proceedings, to the loss of effective regulation.

Key-words: civil procedural law, arbitral procedure, unification of law, unified Code of Civil Procedure, limits of unification.

Специализация и унификация цивилистического процессуального права выступают парными процессами его качественного развития. Парность процессов унификации и специализации позволяет предположить, что унификация не имеет пределов, так как сдерживает процесс специализации [1, с. 75–76]. Однако это предположение нельзя признать верным. Унификация, как и специализация, имеет свои пределы, выход за которые приводит к своеобразной реакции — неэффективности норм цивилистического процессуального права и неэффективности судебной деятельности. Следовательно, пределы унификации связаны с негативными правовыми последствиями, которые могут возникнуть в результате чрезмерной интенсификации процессов унификации.

Унификация цивилистического процессуального права осуществляется как минимум на трех уровнях (с делением на подуровни): элементарный уровень (уровень процессуальных норм); уровень институтов и отраслевой уровень (при формировании общих положений институтов либо отрасли в целом); межотраслевой уровень (при взаимодействии так называемых смежных отраслей (например, гражданское процессуальное право и арбитражное процессуальное право). Данное обстоятельство создает основания для рассмотрения негативных последствий унификации на различных уровнях ее осуществления.

Проблема унификации на элементарном уровне связана с цивилистическими процессуальными нормами и первичной их общностью — процессуально-правовыми комплексами. На данном уровне унификация напрямую не влияет на построение всей системы процессуального права, ее основы. Вместе с тем пра-

вильное построение нормативного материала в рамках процессуально-правового комплекса имеет непосредственное значение для регулирования процессуально-правовых отношений. Здесь следует заметить, что речь должна идти именно о негативных последствиях, связанных с чрезмерной интенсификацией унификационных процессов, а не об иных недостатках построения отраслевой системы. Так, например, ошибочно полагать, что негативным результатом унификации является создание единичной конкретной процессуальной нормы, которая, как правило, менее эффективна, чем процессуально-правовой комплекс (совокупность общей и специальных норм). Единичные предписания повышенной абстрактности (принципы, декларации и т. д.) действительно создаются в результате нормативных обобщений, но конкретная норма является результатом правотворчества, который не связан ни с унификацией (поскольку унифицировать еще нечего), ни со специализацией (поскольку норма единична). Непарные (единичные) конкретные процессуальные нормы не являются ни общими, ни специальными. Соотношение по объему и содержанию данной нормы с другими можно провести только в рамках процессуально-правового комплекса, который в данном случае отсутствует. Эти нормы как раз представляют собой отсутствие действия на цивилистическое процессуальное право процессов унификации и специализации.

Чрезмерная интенсификация унификационных процессов на элементарном уровне может привести к появлению в рамках одного процессуально-правового комплекса нескольких общих норм. Такая ситуация произошла, на наш взгляд, с процессуально-правовым комплексом, закрепленным в ст. 123 АПК РФ¹. Данная статья в результате редакции 2010 года претерпела значительные изменения, целью которых было возложение на участвующих в деле лиц обязанности самостоятельно предпринимать действия по получению сведений о ходе процесса с их участием (ч. 6 ст. 121 АПК РФ). Арбитражный суд при этом должен обеспечить, во-первых, первоначальное извещение лица, участвующего в деле, о начавшемся процессе с его участием, а во-вторых, обеспечить возможность получения данным лицом информации о ходе процесса любым доступным способом (в сети Интернет, по телефону и т. д.). В результате указанных нововведений ст. 123 АПК РФ получила две общие нормы. Согласно ч. 1 ст. 123 АПК РФ лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса считаются извещенными надлежащим образом, если к началу судебного заседания, совершения отдельного процессуального действия арбитражный суд располагает сведениями о получении адресатом копии определения о принятии искового заявления к производству и возбуждении производства по делу или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе. В ч. 2–4 ст. 123 АПК РФ действует норма о надлежащем извещении. В соответствии с ч. 4 ст. 123 АПК РФ лица считаются извещенными надлежащим образом арбитражным судом в указанных в данной части случаях (в том числе, когда адресат фактически не получил извещение). Как в ч. 1, так и в ч. 2–4 ст. 123 АПК РФ используется юридическая фикция, то есть предположение о наличии определенного факта вопреки действительности. При фактическом невручении извещения лицо считается извещенным надлежащим образом. При получении

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; 2020. № 50, ч. III, ст. 8073.

первоначальной информации лицо считается извещенным в последующем, хотя фактически может данной информацией не владеть. В результате получается, что надлежащее извещение формируется за счет «наслоения» общих норм, в которых закреплены юридические фикции. В действительности такого наложения юридических фикций происходить не должно, иначе субъект лишается гарантий участия в процессе. На данном примере мы видим ошибку законодателя при формировании процессуально-правового комплекса, содержащего две процессуальные нормы с фикциями. В ч. 1 ст. 123 АПК РФ речь идет об одной ситуации, которая связана с течением процесса, необходимостью более активного участия в нем заинтересованных лиц. В ч. 2–4 ст. 123 АПК РФ речь идет уже о способе вручения извещения и обязанности лица получать входящую корреспонденцию, закрепленной в материальном законодательстве. Данные нормы не должны состоять в едином процессуально-правовом комплексе, так как они регулируют различные аспекты процессуального правоотношения, разные процессуально-правовые ситуации. Поэтому ч. 1 ст. 123 АПК РФ должна быть вынесена за пределы ст. 123 АПК РФ и помещена в ст. 121 АПК РФ. При этом в содержании данной статьи не должен использоваться термин «надлежащее извещение»: достаточно указать, что при получении лицом, участвующим в деле, информации о начавшемся процессе, оно считает извещенным относительно всего хода процесса, в том числе совершения отдельных процессуальных действий.

Таким образом, включение в один комплекс несколько общих норм влияет на правильную реализацию всего процессуально-правового комплекса, делает его неэффективным, о чем свидетельствует практика реализации ст. 123 АПК РФ, которая развивается в направлении «наложения» процессуальных фикций в рамках единого института надлежащего извещения¹.

Чрезмерная унификация в правовом регулировании может приводить к неразвитости процессуально-правовых комплексов и институтов процессуального права. При этом не учитывается специфика процессуальных отношений и ситуаций. Подобная ситуация ранее имела место в гражданском процессуальном праве в части заключения мирового соглашения, распределения судебных расходов и некоторых других институтов. В настоящий момент, на наш взгляд, особое внимание следует уделить вопросам назначения и проведения экспертизы в гражданском процессе, ознакомлению с материалами дела, обмену и раскрытию сторонами доказательств, подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном и гражданском процессах. Данные комплексы норм и институты недостаточно развиты и на практике реализуются неэффективно.

На более высоком уровне отраслевого построения нормативного материала чрезмерная унификация может привести к множественности общих положений, закрепленных в специализированных нормах (цели, задачи, принципы). Г.А. Жилин под целевыми установками понимает «закрепленные в нормах гражданского процессуального права задачи и цели, которые выражают общественно необходимый и желаемый результат процессуальной деятельности суда и

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 июля 2019 г. № Ф05-12279/2019 по делу № А41-82522/2018; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 января 2019 г. № Ф01-6897/2018 по делу № А82-7551/2018; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 февраля 2019 г. № Ф04-5/2019 по делу № А70-781/2018; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 июня 2019 г. № Ф06-49222/2019 по делу № А65-32868/2018 и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

других субъектов как в целом, так и на отдельных ее этапах, а также выступают в качестве средства достижения такого результата на более отдаленных этапах процесса» [2, с. 6]. Автор отмечает множество проблем, связанных с правильным нормативным закреплением целей и задач гражданского судопроизводства, например неправильное определение целей, подмена цели задачей, несоответствие целей гражданского судопроизводства, определенных в разных цивилистических процессуальных кодексах [2, с. 7–8, 17, 20–27]. Многие из указанных проблем в настоящее время разрешены. Но рассматриваемые проблемы показывают, что нормативные обобщения, сделанные законодателем и формализованные в общих специализированных нормах, должны, во-первых, соответствовать некоей теоретической модели, построенной на основе положений конституционного права, и, во-вторых, соответствовать друг другу. Объективное усложнение цивилистического процессуального права не должно приводить к множественности нормативных обобщений. В противном случае на определенном этапе развития специализированные общие нормы в силу их множественности не только не облегчат, но и усложнят процесс реализации конкретных процессуальных норм. Общие нормы начинают конкурировать друг с другом.

Множественность норм-принципов создает необходимость соотнесения их с другими общими нормами, а также друг с другом. М.З. Шварц справедливо указывает, что основание дифференциации порядка рассмотрения дел в арбитражных судах исторически связано с необходимостью ускорения судопроизводства, которое производится за счет упрощения процесса с возложением ряда обязанностей на самих участников процесса [3, с. 7–8]. Необходимость наиболее быстрого рассмотрения дела вкупе с институтом процессуальных сроков привели некоторых авторов к выделению принципа оперативности при рассмотрении гражданских дел [4, с. 171]. Однако данный принцип вступает в конкуренцию с другими общими положениями и принципами цивилистического процессуального права. «Основанием дифференциации порядка рассмотрения гражданских дел в арбитражных судах, — пишет М.З. Шварц, — является участие в них субъектов предпринимательской деятельности, позволяющее допустить снижение уровня процессуальных гарантий в тех, естественно, незыблемых пределах, которые очерчены фундаментальными правилами и принципами отправления правосудия, обусловленными его природой и социальной ценностью и предусмотренными Конституцией РФ» [3, с. 48–49]. Однако возникает вопрос пределов снижения уровня гарантий в целях ускорения процесса рассмотрения гражданских дел [5]. Можно ли считать, что допустимыми являются, например, уменьшение гарантий независимости судей (изменение порядка разрешения заявленного отвода в арбитражном процессе), уменьшение гарантий участия арбитражных заседателей, уменьшение гарантий надлежащей проверки решений суда первой инстанции, принятых в порядке упрощенного производства (апелляционная жалоба по общему правилу рассматривается без фактического участия сторон) и т.д.? Возникновение указанных вопросов лишь подтверждает конкуренцию общих положений. Таким образом, ускорение процесса посредством его упрощения всегда влечет за собой уменьшение процессуальных гарантий участников и, следовательно, отражается на реализации иных принципов цивилистического процессуального права. В приказном производстве, например, не реализуются принципы гласности, состязательности и другие принципы цивилистического процессуального права [6, с. 16].

С течением времени сама конкуренция общих положений гражданского процессуального права привела в результате к формированию баланса конкурирующих аспектов осуществления судопроизводства. Таким образом сформировались принципы единоличного и коллегиального рассмотрения дела, принцип устности и письменности судопроизводства. Очевидно, что формирование подобных принципов представляет собой попытку поиска баланса между различными признаками судопроизводства. На конкуренцию принципов в цивилистическом процессе обращается внимание в юридической литературе. В частности, данной проблеме посвящена одноименная статья И.В. Решетниковой [7, с. 10–20]. Автор рассматривает в ней проблемы конкуренции принципов диспозитивности и активности суда; принципов устного и письменного судопроизводства; принципов гласности и доступности судопроизводства.

Количественный рост общих положений, порождаемый интенсификацией унификационных процессов, может привести также к чрезмерному обособлению общих положений как в познавательном, так и в практических аспектах. Система общих положений разрастается, усложняется, обособляется от конкретных процессуально-правовых норм. В.М. Шерстюк, критикуя авторов, начинающих деление отраслевой системы с дифференциации гражданского процессуального права на Общую и Особенную части, справедливо указывает, что, во-первых, данные части представляют собой результат интеграции, а не дифференциации отрасли права. Во-вторых, «такое деление отрасли права на первом этапе оторвано от реальной основы, то есть от предмета правового регулирования и поэтому не позволяет вникнуть ни в специфику процессуальных отношений, ни в существо гражданского процессуального права, регулирующего их» [8, с. 18]. Между тем нормативные обобщения цивилистического процессуального права, составляющие его общую часть¹, не должны отрываться от конкретных норм, регулирующих порядок рассмотрения гражданских дел. В противном случае такая совокупность нормативных обобщений перестает выполнять возложенные на нее интегративные функции и замыкается в рамках своей общности.

Последним уровнем унификации в рамках цивилистического процессуального права выступает унификация различных порядков рассмотрения дел, составляющих арбитражный и гражданский процессы [9]. Такая унификация может происходить постепенно путем сближения процессуальных порядков, выработки единых норм в рамках отдельных институтов и процессуально-правовых комплексов. Данный вариант унификации можно назвать эволюционным. Унификация порядков рассмотрения гражданских дел может также происходить революционным путем, при котором осуществляется чрезвычайно быстрое приведение арбитражного и гражданского процессов к единым правилам. Данный путь связан с ранее предложенной кодификацией гражданского и арбитражного процессов в рамках единого ГПК². С точки зрения достижения цели унификации революционный путь является более быстрым и продуктивным, так как в

¹ На наш взгляд, правильнее говорить про общую часть процессуального закона, а не права, поскольку пандектная система изложения нормативного материала предполагает формирование общей и особенной частей в законах, а не в праве. Структура же закона как формы далеко не всегда отражает действительную структуру системы права.

² См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124 (1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

итоге мы получаем практически единые правила рассмотрения гражданских дел. В Концепции единого ГПК в разделе «Структурный подход к Концепции» отмечается, что «в общей части единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации будет сосредоточена регламентация тех положений, которые в одинаковой степени применимы ко всем видам и стадиям процесса (виды доказательств, определение предмета и обязанности по доказыванию и пр.) В особенной части найдут свое регулирование особенности доказывания в видах и стадиях процесса, а также при рассмотрении определенных категорий дел». Конечно, такая унификация выглядит достаточно правильной и эффективной. Однако именно при революционной унификации высоки риски ее чрезмерной интенсификации, нарушения пределов единства правового регулирования. Об этом свидетельствует и содержание Концепции, которая направлена во много на механический способ унификации (выбор одного из вариантов). В литературе на это обстоятельство неоднократно обращалось внимание. Так, например, в статье, подготовленной Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ справедливо отмечается, что «представленные материалы свидетельствуют о том, что во многих случаях разработчики Концепции отдают предпочтение тем моделям правового регулирования, которые не только в большей степени отвечают принципу процессуальной экономии, но и более «удобны» для деятельности самого суда. В основном это наработки законодательного регулирования арбитражного судопроизводства. Между тем подавляющее большинство граждан нашей страны не имеют тех финансовых и организационно-технических возможностей, которые могут задействовать предприниматели и иные участники экономической деятельности для эффективной реализации своего права на судебную защиту» [10, с. 7]. С учетом современного состояния и уровня развития цивилистическое процессуальное право вряд ли нуждается в революционном качественном преобразовании, поскольку последнее в конечном итоге может привести к понижению качества самого права и соответственно неэффективности судебной защиты. В любом случае существенные преобразования процессуального законодательства требуют периода адаптации, который связан с восприятием данных преобразований правоприменительной практикой, появлением разъяснений высшего суда по наиболее проблемным и спорным вопросам. История развития отечественного права очевидно свидетельствует о невозможности «сиюминутной» эффективности процессуальных новелл. Механизм реализации процессуально-правовых норм включает в себя не только нормы цивилистического процессуального права, но и иные весьма важные элементы (судебную деятельность, действия участников процесса, судебные акты и т.д.). При постепенном преобразовании цивилистического процессуального права проблема адаптации нового нормативного материала не столь ощутима. Практика постепенно воспринимает нововведения, направляет их развитие; нормативный материал обрастает актами толкования, что в совокупности способствует правильному восприятию и реализации процессуальных норм. Если существенные преобразования имеют масштабный характер, то проблема адаптации выходит на первый план. Громадный пласт нормативного материала невозможно «переварить» достаточно быстро. Настройка правильной реализации процессуальных норм в этом случае займет достаточно продолжительный период времени и в силу масштабности неизбежно отразится на эффективности судебной деятельности, но, к сожалению, не в лучшую сторону. Против данных доводов

можно возразить, что унификация арбитражного и гражданского процессов не предусматривает глобальных изменений цивилистического процессуального права. Так, например, Концепция не содержит большого количества процессуальных новелл, а предусматривает в целях единого правового регулирования восприятие либо норм ГПК РФ¹, либо положений АПК РФ. В этом аспекте нельзя сказать, что преобразования столь глобальны и масштабны, так как они основаны на уже существующих процессуальных правилах. С подобным суждением нельзя согласиться в силу следующего. Во-первых, изменения касаются всего цивилистического процесса, который будет регулироваться новой системой процессуальных правил. На одном этапе этот процесс будет регулироваться нормами, которые ранее содержались в ГПК РФ, на другом — нормами АПК РФ. Однако в результате мы как раз получаем новый порядок рассмотрения гражданских дел, которого ранее не было, так как в отдельности нормы ГПК РФ и АПК РФ регулировали пусть и схожие, но в деталях различные порядки рассмотрения дел. Интегративное качество единого цивилистического процесса может значительно отличать его от ранее существовавших «доноров». Открытым также остается вопрос о правильности объединения различных процессуальных правил в рамках единого процесса, их взаимосвязи друг с другом, согласованности. Во-вторых, единый цивилистический процесс в деталях окажется новым как для судов общей юрисдикции, так и для арбитражных судов. Вряд ли те и другие будут сопоставлять нормы единого ГПК с ранее существовавшими нормами ГПК РФ и АПК РФ. Так, нормы, воспринятые из АПК РФ, будут знакомы арбитражным судам, которые продолжат их применять с учетом имеющихся разъяснений и судебной практики, но данные нормы окажутся новыми для судов общей юрисдикции, которые не будут знать об особенностях их реализации, а значит будут проявлять усмотрение при их применении. С учетом судебной нагрузки вряд ли следует рассчитывать на то, что судьи будут заниматься ретроспективным толкованием, то есть отыскивать в том или ином ранее существовавшем процессуальном кодексе аналогичные нормы и смотреть практику их применения. Скорее всего реализация норм единого ГПК пойдет по пути относительно свободного восприятия новых процессуальных правил судьями, а значит судебная практика должна будет «переварить» нововведения для каждой подсистемы судов и направить их правильную реализацию. Следовательно, при масштабности изменений потребуется достаточно продолжительный период времени для их усвоения.

Вышеизложенное свидетельствует о целесообразности эволюционного пути унификации арбитражного и гражданского процессов, при котором поэтапно к единству должны приводиться сначала общие положения, а затем отдельные процессуальные порядки рассмотрения гражданских дел. Только при обеспечении достаточно высокой степени унификации арбитражного и гражданского процессов возможно отказаться от дублирующих законодательных форм и принять единый ГПК. В настоящее время арбитражный и гражданский процессы не имеют необходимой степени единства как с точки зрения правового регулирования, так и с практической точки зрения. Практикующий юрист с легкостью перечислит основные различия арбитражного и гражданского про-

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2020. № 50, ч. III, ст. 8073.

цесса: преобладающая письменность в арбитражном и устность в гражданском процессе; широкая состязательность в сочетании с юридической истиной в арбитражном процессе против более активной роли суда в гражданском; более широкая диспозитивность в арбитражном процессе против ее ограниченности в гражданском (например, в рамках средств доказывания) и т. д. Очевидно, что эти особенности касаются существенных аспектов судопроизводства и процесса. Детальных отличий намного больше: преобладание письменных доказательств и практическое отсутствие свидетельских показаний в арбитражном процессе; участие профессиональных представителей; широкое использование электронного способа представления доказательств; более четкая структурированность судебной деятельности; размер госпошлин; судебные извещения в арбитражном процессе и т.д.

Чрезмерная унификация арбитражного и гражданского процессов может привести к необоснованному единству правового регулирования в тех случаях, когда необходимо учитывать особенности субъектов спорного материального правоотношения в целях эффективной судебной защиты. В литературе уже неоднократно отмечались указанные случаи. Л.А. Прокудина обосновывает «профессионализацию» судопроизводства в арбитражных судах и приходит к следующим выводам: наличие профессиональных участников вполне оправданно допускает предъявление дополнительных требований к содержанию искового заявления и других процессуальных документов; ужесточение правил представления доказательств и ограничение периода времени, в течение которого стороны могут представлять доказательства, стадией подготовки дела к судебному разбирательству целесообразно именно в судопроизводстве по экономическим спорам; наличие у участвующих в арбитражном процессе лиц обязанностей по получению информации свойственно только арбитражному процессу, но недопустимо для гражданского; ограничение участия в арбитражном процессе прокурора связано с более широкой диспозитивностью, которая недопустима в процессе гражданском [11, с. 63, 65–66, 68]. Исследователи Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ в критических замечаниях к Концепции единого ГПК также отмечают неправильность ряда предложений по унификации: «Концепция предполагает ослабление устного характера судопроизводства и расширение использования письменных форм. Однако при этом не принимается в расчет общеизвестная, серьезная и широко обсуждаемая проблема снижения культуры письменной речи и общих навыков ее использования. Впрочем, для многих граждан самостоятельное изложение своей позиции по делу или по отдельным вопросам судебного разбирательства и раньше было весьма затруднительным. В связи с этим не следует переоценивать и значение интернет-технологий в жизни российских граждан; было бы преждевременным делать расчет на всеобщую компьютерную грамотность и возможность задействовать электронные формуляры для составления процессуальных документов. В этой части сложившиеся на протяжении последних лет стандарты арбитражного судопроизводства и новые технологии, активно используемые участниками арбитражного процесса, могут оказаться нежизнеспособными для многих наших соотечественников» [10, с. 7]. Данные выводы следует поддержать. Вместе с тем многие ученые, выступающие за кардинальную унификацию арбитражного и гражданского процессов все же склонны к осознанию масштабности данной задачи и множественности возникающих проблем. И.В. Решетникова,

сопоставляя правила рассмотрения дел судом первой инстанции в арбитражном и гражданском процессах, отмечает, что при регулировании стадий процесса должны быть учтены особенности процесса, которые проявляются в существовании межотраслевых и комплексных правовых институтов [12, с. 48]. На наш взгляд, чрезмерная интенсификация унификационных процессов путем принятия единого ГПК может либо привести к установлению для граждан таких правил, реализация которых для них окажется проблематичной (например, в рамках института судебных извещений, доказывания, возбуждения производства по делу), либо распространить на участников арбитражного процесса правила для граждан (в рамках тех же институтов), что также сомнительно для эффективного процесса, либо объединить правила для граждан и организаций в рамках одного кодекса (при этом создание единого ГПК вряд ли целесообразно, так как в рамках единой законодательной формы будут регламентироваться два процесса). Чего-то совершенно нового и органичного на современном этапе добиться проблематично в связи с наличием ряда существенных отличий гражданского судопроизводства в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Поэтому необходимо планомерно сближать арбитражный и гражданский процессы, начиная с общих положений и на основе единых универсальных правовых категорий (в частности, категории права на судебную защиту), без искусственной интенсификации унификационных процессов.

Библиографический список

1. Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права / отв. ред. В.В. Зайцев. М.: Статут, 2019. 318 с.
2. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 70 с.
3. Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства (проблемы теории и практики применения): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 199 с.
4. Дивин И.М. Основные принципы административного судопроизводства в арбитражном процессе // Вестник Адыгейского государственного ун-та. 2009. № 1. С. 167–173.
5. Громошина Н.А. О процессуальной форме и принципах упрощений гражданского судопроизводства // LEX RUSSICA. 2010. № 4. Т. 69. С. 767–780.
6. Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 13–19.
7. Решетникова И.В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 10–20.
8. Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. 133 с.
9. Унификация цивилистического процессуального законодательства: анализ, оценки, перспективы / под ред. М.В. Самсоновой. М.: Норма, 2021. 328 с.
10. Габов А.В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М., Ковтков Д.И., Лесницкая Л.Ф., Марышева Н.И., Шелютто М.Л. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 5–25.
11. Прокудина Л.А. Судопроизводство в арбитражных судах и унификация гражданского процессуального законодательства // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 62–71.

12. *Решетникова И.В.* Судопроизводство в судах первой инстанции: сравнительно-правовой анализ через призму предстоящей унификации гражданского и арбитражного процессуального права // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2015. № 2. С. 48–53.

References

1. *Jukov M.K.* Theoretical Problems of the System of Civil Procedural Law: edited by V.V. Zaitsev. Moscow, Statut. 2019. 318 p.
2. *Zhilin G.A.* The Objectives of Civil Proceedings and Their Implementation in the Court of First Instance: dis. ... doc. of law. M., 2000. 70 p.
3. *Schwartz M.Z.* Systematization of Arbitration Procedural Legislation (Problems of Theory and Practice of Application): dis. ... cand. of law. SPb., 2005. 199 p.
4. *Divin I.M.* Basic Principles of Administrative Proceedings in Arbitral Procedure // *Bulletin of the Adyghe State University.* 2009. No. 1. P. 167–173.
5. *Gromoshina N.A.* On the Procedural Form and Principles of Simplification of Civil Procedure // *LEX RUSSICA.* 2010. No. 4. Vol. 69. P. 767–780.
6. *Tumanov D.A.* Yet Again on Whether a Judicial Writ Is an Act of Justice, or Reflections on the Justice's Nature // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2016. No. 9. P. 13–19.
7. *Reshetnikova I.V.* Competition of Principles in Civil Process // *Bulletin of the civil process.* 2013. No. 5. P. 10–20.
8. *Sherstjuk V.M.* Soviet System of Civil Procedure Law (questions of theory). M.: Moscow University Press, 1989. 133 p.
9. Unification of Civil Procedural Legislation: Analysis, Assessments, Prospects: monograph / ed. M.V. Samsonova. M.: Norma, 2021. 328 p.
10. *Gabov A.V., Ganicheva E.S., Glazkova M.E., Zhuikov V.M., Kovtkov D.I., Lesnitskaya L.F., Marysheva N.I., Shelyutto M.L.* The Concept of a Unified Code of Civil Procedure: Proposals of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation // *Journal of Russian Law.* 2015. No. 5. P. 5–25.
11. *Prokudina L.A.* Legal Proceedings in Arbitration Courts and Unification of Civil Procedural Legislation // *Entrepreneurial Law.* 2015. No. 4. P. 62–71.
12. *Reshetnikova I.V.* Legal Procedure in Courts of First Instance: Comparative Legal Analysis Through the Prism of the Upcoming Unification of Civil and Arbitral Procedural Law // *Arbitration and civil procedure.* 2015. No. 2. P. 48–53.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-104-111

УДК 347.9

А.С. Стражева

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ОСОБОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ НЕДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: гражданское процессуальное законодательство РФ содержит широкие возможности для существования и развития различных проявлений недостоверности судебных доказательств, которое, как явление, практически не изучено. **Цель:** установление понятия недостоверности, а также существующих видов недостоверности судебных доказательств в гражданском процессе и особенностей фальсификации доказательств как особого проявления недостоверности. **Методологическая основа:** системный, структурно-функциональный, анализ. **Результаты:** определено понятие недостоверности, выявлены виды недостоверности судебных доказательств в гражданском процессе, определены особенности их фальсификации как особого проявления недостоверности. **Выводы:** недостоверность судебных доказательств — это полное либо частичное несоответствие сведений о фактах, содержащихся в судебных доказательствах действительности. Ее можно классифицировать по следующим категориям: участникам гражданского процесса; виду судебного доказательства; процессуальным последствиям; зависимости от воли и поведения участников судебного процесса; соответствия законодательству. Выявлены особенности фальсификации как проявления недостоверности: частая очевидность ложности доказательств; особый субъектный состав участников гражданского процесса, от которых может исходить сфальсифицированное доказательство; особое законодательное регулирование и особая юридическая ответственность; особо тяжелое изобличение сфальсифицированных доказательств. **Ключевые слова:** судебные доказательства, фальсификация доказательств, достоверность доказательств, недостоверность доказательств, виды недостоверности доказательств.

A.S. Strazheva

FALSIFICATION OF EVIDENCE AS A SPECIAL TYPE OF UNRELIABILITY OF EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

Background: the civil procedural legislation of the Russian Federation contains ample opportunities for the existence and development of various manifestations of the unreliability of judicial evidence, which, as a phenomenon, has practically not been studied. **Objective:** to identify the concept of unreliability, as well as the existing types of unreliability of judicial evidence in civil proceedings and the features of falsification of evidence as a special manifestation of unreliability. **Methodology:** systemic, structural — functional, analysis. **Results:** the concept of unreliability was determined,

© Стражева Анастасия Сергеевна, 2021

Начальник юридического отдела ООО «АФЭКС», старший преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения (Московский медицинский университет «РЕАВИЗ»); e-mail: ass1717@inbox.ru

© Strazheva Anastasiya Sergeevna, 2021

Head of the legal department of LLC "AFEKS", Senior Lecturer, Department of Public health and health protection (Moscow Medical University "REAVIZ")

*the types of unreliability of judicial evidence in civil proceedings were identified, the features of their falsification as a special manifestation of unreliability were determined. **Conclusions:** unreliability of judicial evidence is a complete or partial discrepancy between the information about the facts contained in judicial evidence and reality. It can be classified into types according to: participants in civil proceedings; type of judicial evidence; procedural consequences; dependence on the will and behavior of participants in the trial; compliance with the law. The features of falsification as a manifestation of unreliability are revealed: frequent evidence of falsity of evidence; special subject composition of participants in civil proceedings, from which falsified evidence may come; special legislative regulation and special legal responsibility; especially heavy exposure of falsified evidence.*

Key-words: forensic evidence, falsification of evidence, reliability of evidence, unreliability of evidence, types of unreliability of evidence.

Статьи 59, 60 ГПК РФ¹, устанавливают два обязательных правовых требования к доказательствам: относимость, согласно которому суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела и допустимость согласно которому, обстоятельства дела, которые, в соответствии с законом, должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

Достоверность, как и достаточность — лишь критерий оценки доказательств судом, согласно ч. 3 ст. 67 ГПК РФ, а не обязательное требование к судебному доказательству. Пронизывающий все гражданское процессуальное законодательство РФ принцип формальной истины, способствует попаданию в распоряжение суда недостоверных доказательств, легализует «судебную пассивность» касаясь возможности действий суда направленных на выяснение достоверности данных доказательств, ограничивая ее законодательными правилами и принципами гражданского процесса и влечет вынесение несправедливых решений на основе ложных фактов, что, в свою очередь, способствует распространению фальсификаций и иных проявлений недостоверности.

Таким образом, изучение видов недостоверности судебных доказательств представляется актуальным, в целях разработки мер для обеспечения попадания в распоряжение суда достоверных доказательств.

Огромное количество мнений относительно достоверности судебных доказательств в научной литературе свидетельствует о многоаспектности и недостаточной изученности этого явления, при этом данные мнения настолько разнообразны, что их систематизация, на сегодняшний день, не представляется возможной, при этом явление недостоверности судебных доказательств, в принципе, нельзя назвать изученным и проработанным.

При проведении настоящего исследования были выявлены следующие точки зрения на понятие достоверности доказательств:

Достоверность — это точность, правильность отражения установленных обстоятельств дела, фактическим обстоятельствам, имевшим место [1, с. 251; 2, с. 45]. Однако критерии такой «правильности» и «точности» в законодательстве отсутствуют, что затрудняет использование данного подхода на практике.

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Российская газета. 2002. 20 нояб.

Достоверность — это критерий отдельно взятого доказательства, определяемый совокупностью доказательств по делу, либо непротиворечием его другим доказательствам в совокупности с доброкачественностью источника [3, с. 144], но итоговые судебные акты не всегда выносятся на основании достаточного количества доказательств необходимых для выяснения подробностей спорной ситуации, а законодательное определение «доброкачественности» источника отсутствует.

Достоверность — это субъективное признание доказательства, достойным доверия со стороны суда, то есть способным служить средством формирования знания об обстоятельствах дела, считает М.З. Щварц. Именно потому, что достоверность устанавливается на основе свободной оценки доказательств, по мнению данного ученого, она не может определяться через соответствие действительности [4, С. 79–92.]. Это отражает реальную ситуацию относительно достоверности доказательств в гражданском процессе на сегодняшний день, а также соответствует законодательной трактовке достоверности, изложенной в ч. 3 ст. 67 ГПК РФ. Однако не всегда в основу итогового судебного акта кладутся доказательства которые у суда не вызывают сомнений в достоверности, иногда достоверность не выясняется, а возможная недостоверность игнорируется, (например принятие решения при неявке какой-либо извещенной надлежащим образом стороны в судебное заседание или при отсутствии заявления о фальсификации (подложности) при наличии в деле доказательств, свидетельствующих о недостоверности иных доказательств). К тому же, такое понимание достоверности, способствует судебному произволу.

Достоверность — это отсутствие опровержения судебного доказательства в процессе доказывания, согласно мнению И.В. Овсянникова, который предлагает «считать достоверным любое доказательство, содержание которого не опровергнуто в процессе доказывания» [5]. Критерием достоверности в данном случае определяется процессуальное поведение (действие либо бездействие) сторон по опровержению доказательств. Однако сторонниками рассматриваемой позиции игнорируется сам факт соответствия действительности сведений, содержащихся в доказательствах.

Достоверность определяется через философские критерии «истинности» и «ложности» в совокупности с их признанием судом таковыми. Например, М.А. Фокина считает, что достоверность — это признание судом истинности или ложности сведений содержащихся в доказательствах [6]. Известно, что истина — центральная проблема в философии, а истина и ложь — категории, содержание которых изучается в философии до сих пор, единого понятия их не выработано, по данной причине определения истины и лжи не совсем уместны в законодательстве. Рассматриваемые понятия, вообще не могут быть определены конкретно, что неблагоприятно для их использования относительно любых юридических явлений.

ГПК РФ определения достоверности доказательства не содержит. Однако значительной частью ученых арбитражное процессуальное право признается подотраслью гражданского процессуального права [7, с. 9], также существует не мало сторонников признания единого цивилистического процесса [8, с. 126]. Согласно ч. 3 ст. 71 АПК РФ «Доказательство признается арбитражным судом достоверным, если в результате его проверки и исследования выясняется, что

содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности»¹. Данная статья содержит по сути два критерия: объективный — соответствие сведений содержащихся в доказательстве действительности, и субъективный — признание судом доказательства достоверным. Вышеприведенное определение указывает на возможность субъективного определения судом достоверности. Последний признак косвенно допускает возможность произвола, поскольку субъективное мнение — не основание соответствия действительности.

Существуют и иные мнения, относительно понятия достоверности судебных доказательств, однако вышеприведенных достаточно, чтобы исходя из их недостатков, обоснованно определить достоверность как полное соответствие сведений о фактах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, содержащихся в судебных доказательствах действительности. Разумеется такое стопроцентное соответствие зачастую невозможно, ввиду определенной зависимости сведений о фактах от источника, содержащего их, а также по причине того, что исследование действительности судом непосредственно, как правило, тоже невозможно, хотя бы потому, что большинство фактов имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, имели место быть заблаговременно до рассмотрения дела в суде. Однако именно такое «идеалистическое» определение достоверности способствует выявлению видов проявлений недостоверности и разработке методов направленных против попадания в распоряжение суда недостоверных доказательств, и, как следствие, вынесения незаконных и необоснованных итоговых судебных постановлений. Недостоверность судебных доказательств, исходя из вышеприведенного определения достоверности, через операцию логического отрицания (инверсию), логично определить как полное либо частичное несоответствие сведений о фактах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, содержащихся в судебных доказательствах действительности.

На основании вышесформулированного определения недостоверности при использовании системного и структурно-функционального методов, представляется обоснованным выделение следующих видов недостоверности судебных доказательств по следующим основаниям:

- По участникам гражданского процесса:
- недостоверность исходящая от суда (в связи с данной доказательству оценкой и др. причинами);
 - недостоверность исходящая от истцов;
 - недостоверность исходящая от ответчиков;
 - недостоверность исходящая от третьих лиц;
 - недостоверность исходящая от лиц, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц;
 - недостоверность исходящая от заявителей и других заинтересованных лиц по делам особого производства;
 - недостоверность исходящая от экспертов, специалистов;
 - недостоверность исходящая от свидетелей;
 - недостоверность исходящая от переводчиков.

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Российская газета. 2004. 24 июля.

По судебным доказательствам предусмотренным ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, характеризующимся недостоверностью:

- недостоверность объяснений сторон и третьих лиц;
- недостоверность показаний свидетелей;
- недостоверность письменных и вещественных доказательств;
- недостоверность аудио- и видеозаписей;
- недостоверность заключений экспертов.

По процессуальным последствиям:

разоблаченная недостоверность — при которой ложные сведения были опровергнуты различными способами. Например, через иные доказательства, приговор суда по уголовному делу, производство по делам об административных правонарушениях, в результате пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам и другими способами;

неразоблаченная недостоверность — при которой ложные сведения не были опровергнуты и оценивались в гражданском процессе как достоверные.

По зависимости от воли и поведения участников судебного процесса:

объективная недостоверность — вызванная причинами, не зависящими от воли и поведения участников гражданского процесса (например, жизненные обстоятельства, законодательные правила и другими причинами);

субъективная недостоверность — вызванная причинами, зависящими от воли и поведения участников гражданского процесса (например, оценка доказательств судом, умышленное либо неумышленное искажение сведений о фактах имеющих значение для рассмотрения дела самим источником содержащим данные сведения или путем влияния на него и и другими причинами);

объективно-субъективная (смешанная) недостоверность — сочетающая в себе признаки объективной и субъективной недостоверности.

По соответствию законодательству:

законная недостоверность — возникшая при полном соблюдении законодательных правил без их нарушений (например, принятия итогового судебного постановления при неявки извещенной стороны, на основании недостоверных доводов другой стороны, без последующего изобличения данной недостоверности).

незаконная недостоверность — возникшая в результате противоправного поведения участников процесса и подтвержденная соответствующими постановлениями, приговорами органов государственной власти, экспертными заключениями (например, фальсификация доказательств, заведомо ложные показания свидетеля).

Приведенные выше основания для классификации и виды недостоверности судебных доказательств являются лишь определенной частью таких оснований и видов, которые могут быть выделены и в большем количестве, в процессе изучения данного явления, однако выделенные по каждому из вышепредложенных оснований его виды (группы) не пересекаются и не исключают друг друга, в пределах каждого из данных оснований. Предложенная классификация является исчерпывающей и способствует познанию и изучению явления недостоверности судебных доказательств.

В пределах вышеприведенных классификаций и видов недостоверности в гражданском процессе существует множество проявлений недостоверности судебных доказательств. По сути каждое из них представляет собой совокупность поведения участников процесса, законодательных правил и жизненных

обстоятельств и заслуживает отдельного изучения. В настоящем исследовании, это будет продемонстрировано на примере одного из самых опасных проявлений недостоверности, а именно: фальсификации судебных доказательств. Фальсификация судебных доказательств, представляет собой деяние, выражающееся в создании ложного, замене подлинного ложным, либо изменении изначальных свойств полученного из определенного законом и приобщенного к материалам дела в установленном законом порядке, источника доказательств, и, как следствие создание ложных, замену подлинных либо искажение сведений о фактах имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, отраженных данным источником.

Фальсификация судебных доказательств в гражданском процессе характеризуется следующими особенностями, отличающими ее от иных проявлений недостоверности:

Частая очевидность ложности доказательств. Даже если в деле имеются доказательства, явно опровергающие сфальсифицированное доказательство суд рассматривает его как достоверное, в случае если не будет сделано заявления о подложности;

Особый субъектный состав участников гражданского процесса, от которых может исходить сфальсифицированное доказательство. Не все участники гражданского дела могут быть носителями такого проявления недостоверности как фальсификация доказательств, ввиду их процессуальных функций, прав и обязанностей, определенных законодательством. Суд, государственные органы, органы местного самоуправления, участвующие в деле для дачи заключения по делу на основании ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, ст. 47 ГПК РФ не могут представлять доказательства, исходя из принципа состязательности. В свою очередь, истцы, ответчики, третьи лица, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства, эксперты, специалисты, свидетели, переводчики могут транслировать искаженные, замененные либо ложносозданные сведения о фактах имеющих значения для рассмотрения и разрешения дела.

Особое законодательное регулирование общественных отношений, связанных с сфальсифицированными доказательствами, а именно, прежде всего, ст. 186 ГПК РФ, а также отдельные официальные толкования судов высших инстанций. При этом законодателем установлена особая юридическая ответственность, а именно уголовная, за фальсификацию доказательств в гражданском процессе. Речь идет о ч. 1 ст. 307 УК РФ¹.

Особо тяжелое изобличение сфальсифицированных доказательств и сложная доказуемость факта фальсификации особенно в случае, если итоговое судебное постановление уже вынесено и вступило в силу. Вероятностный характер экспертных заключений о подлинности доказательств, либо невозможность констатации фальсификации в них, право, а не обязанность суда для проверки заявления о подложности доказательства назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства, согласно ст. 186 ГПК РФ, возможность подачи заявления о подложности доказательств, в апелляционную инстанцию только в случае невозможности подачи такого заявления в суд первой инстан-

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

ции, отсутствие четкого разграничения между гражданско-процессуальными и уголовными отношениями, тяжелая доказуемость совершения преступлений предусмотренных ч. 1 ст. 303 УК РФ ч. 1 ст. 307 УК РФ и, как следствие, малая вероятность либо невозможность отмены судебного постановления вынесенного на основании сфальсифицированных доказательств на основании п. 2 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ.

Вышеприведенные особенности фальсификации судебных доказательств, это проблемы, причинами которых являются недостаточная изученность явления фальсификации в науке и несовершенная нормативная база, регулирующая общественные отношения, связанные с фальсификацией доказательств в гражданском процессе. Предлагаемые подходы к классификации видов недостоверности судебных доказательств и понятию данного явления, а также выявленные особенности фальсификации судебных доказательств, как одного из видов их недостоверности, отличаются новизной и оригинальностью, так как ранее не были предложены в науке, а недостоверность, как явление практически не исследовано.

Представляя собой полное либо частичное несоответствие сведений о фактах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, содержащихся в судебных доказательствах действительности, недостоверность судебных доказательств может быть классифицирована по различным основаниям на множество видов. Выявления видов недостоверности и их особенностей, создают возможность для еще более тщательного и глубокого их исследования в науке каждого из них по отдельности и, как следствие, разработки мер противодействия им на практике. Выявление особенностей фальсификации судебных доказательств как одного из проявлений их недостоверности делает очевидным особую опасность данного проявления недостоверности, а также, способствует большей изученности данного явления в науке, разработке практических, законодательных и иных методов противодействия фальсификации на всех стадиях гражданского процесса, снижения попадания в распоряжение суда ложных доказательств, и, как следствие, рассмотрения и разрешения дел на их основе.

Таким образом, научная полезность и практическая значимость вышеприведенного исследования очевидны.

Библиографический список

1. Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Викут. М.: Юристъ, 2004. 459 с.
2. *Мохов А.А., Рыженков А.Я.* Доказательства и доказывание в гражданском судопроизводстве России: учебно-практическое пособие / под ред. М.Г. Короткова. Волгоград: Альянс, 2005. 79 с.
3. *Арсентьев В.В., Арсеньев В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964. 179 с.
4. *Шварц М.З.* К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2010. № 3. С. 79–92.
5. *Овсянников И.В.* Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004. № 7. С. 35–41.
6. *Фокина М.А.* Оценка доказательств и новый ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 6. С. 18–22.
7. *Громошина Н.А.* «Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве»: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 50 с.

8. *Михно И.Ю., Шлюндт И.Ю.* Единый цивилистический процесс: перспективы развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019 № 4. Т. 3. С. 125–129.

References

1. The Civil Process of Russia: textbook / ed. M. A. Vikut. M., 2004. 259 p.
2. *Mokhov A.A., Ryzhenkov A.Ya.* Proofs and Proving in Civil Proceedings of Russia: educational and practical manual / ed. Korotkova M. Volgograd: Alliance”, 2005. 79 p.
3. *Arsentiev V.V., Arsenyev V.D.* Questions of the General Theory of Judicial Proofs in the Soviet Criminal Process. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1964. 179 p.
4. *Schwartz M.W.* To the Question of Tampering with Evidence in an Arbitration Process // Arbitration disputes. 2010. No. 3. P. 79–92.
5. *Ovsyannikov I.V.* The Problem of the Reliability of Evidence in the Evidence Law of Russia // Modern law. 2004. № 7. P. 35–41.
6. *Fokina M.A.* Evaluation of Evidence and the New CPC of the Russian Federation // Arbitrary and Civil Process. 2003. No. 6. P. 18–22.
7. *Gromoshina N.A.* “Differentiation and Unification in Civil Proceedings”: extended abstract diss. ... doc. of law. M., 2010. 50p.
8. *Mikhno I.Yu., Shlundt I.Yu.* Unified Civilistic Process: Development Prospects // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019 No. 4. Vol. 3. P. 125–129.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-112-120

УДК 347.9

Н.Н. Ткачева

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ЗАЩИТЫ
В ИСКОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: в науке гражданского процессуального права, бесспорно, одним из основных видов судопроизводства выступает исковое, однако несмотря на популярность данного вида судопроизводства остается малоизученным вопрос о его предмете, который имеет важное как теоретическое, так и практическое значение. **Цель:** ответить на вопрос, что является предметом судебной защиты в исковом производстве, проанализировать правовые категории составляющие предмет защиты. **Методологическая основа:** в статье используются диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. **Результаты:** выявлены характерные черты искового производства, одной из которых является предмет судебной защиты. Отталкиваясь от правовой регламентации, выделены в качестве предмета защиты в исковом производстве: нарушенное или оспариваемое право, охраняемый законом интерес. **Выводы:** предметом исковой защиты являются как нарушенные либо оспариваемые права, свободы или охраняемые законом интересы, так и те, которые находятся под реальной угрозой их нарушения.

Ключевые слова: судебная защита, исковое производство, предмет защиты.

N.N. Tkacheva

ON THE SUBJECT OF PROTECTION
IN THE CLAIM PROCEEDINGS

Background: in the science of civil procedure law, undoubtedly, one of the main types of legal proceedings is the claim, but despite the popularity of this type of legal proceedings, the question of its subject remains poorly studied, which is important, both theoretically and practically. **Objective:** to answer the question of what the subject of judicial protection in the claim proceedings is, to analyze the legal categories that make up the subject of protection. **Methodology:** dialectical, formal-legal, comparative-legal methods are used in the research. **Results:** the characteristic features of the claim proceedings are revealed, one of which is the subject of judicial protection. Starting from the legal regulation, the following are singled out as the subject of protection in the claim proceedings: a violated or disputed right, an interest protected by law. **Conclusions:** the subject of the claim protection is both violated or disputed rights, freedoms or interests protected by law, and those that are under a real threat of their violation.

Key-words: judicial protection, claim proceedings, the subject of protection.

Судебная защита является одним из основных способов защиты нарушенного или оспариваемого права и охраняемого законом интереса граждан или организаций, гарантированных Конституцией РФ, осуществляемой в соответствии с ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹.

В Российской Федерации судебная защита осуществляется судом, арбитражным судом или третейским судом (ч. 1 ст. 11 ГК РФ).

Особый интерес вызывает судебная защита с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений, рассматриваемых судами общей юрисдикции в порядке искового производства (ст. 22 ГПК РФ), поскольку оно является традиционным и наиболее распространенным видом судопроизводства [1, с. 20; с. 152; 2, с. 151–168].

Статистика обращений в суды общей юрисдикции показывает, что граждане активно реализуют конституционное право на судебную защиту и обращаются в суды. В первом полугодии 2018 г. в суды общей юрисдикции поступило 8 168 664 гражданских дел, а в первом полугодии 2019 года 9 008 673 дел искового производства, что по статистическим данным судебного департамента на 840 009 дел больше, чем в 1 полугодии 2018 года и на 2 317 682 дела больше, чем поступило в 1 полугодии 2017 года².

Граждане или организации обращаются в суд для получения от государства защиты тех прав, которые, по их мнению, подверглись нарушению со стороны другого субъекта. Но перед тем, как реализовать принадлежащее каждому право на судебную защиту, необходимо выбрать способ и форму такой защиты. Как это сделать, с чьей помощью?

Определение формы защиты возможно с помощью универсального критерия, который является процедурным (в материально-правовом смысле) элементом, т.е. предмет защиты, определяемый по характеру связи субъектов правоотношений. В таком случае спорные материально-правовые отношения, право на судебную защиту и его гарантии, обеспечиваемые средствами национальной юрисдикции, становятся предметом судебной защиты [3, с. 54–55].

Что же является предметом исковой защиты в гражданском судопроизводстве?

Для более глубокого изучения поставленного вопроса необходимо определиться с основными терминами. Судопроизводство традиционно определяется как деятельность по рассмотрению дел в суде, что же касается термина «исковое», которое является производным от термина «иск», относящегося к числу фундаментальных категорий российской правовой системы, здесь все сложнее, поскольку определение понятия «иск» не содержит ни Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, ни иные федеральные законы. Ука-

¹ См.: Федеральный Конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1977. № 1, ст. 1; 2020. № 50, ч. 1, ст. 8029.

² См.: Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2019 года; Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 года; Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2017 года. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.05.2021).

занный пробел в действующем законодательстве, в свою очередь, восполняет теория гражданского процессуального права, которая, к сожалению, не дает однозначного определения понятия «иск» как одного из важнейших правовых понятий в гражданском судопроизводстве.

Проблема интерпретации понятия «иск» была и остается на сегодняшний день одной из самых дискуссионных проблем в науке гражданского процессуального права. Тем не менее, как справедливо отмечает О.В. Исаенкова, не представляется возможным заменить термин иск и производные от него на термины по смыслу. Сделав это будет сложно, например, отделить исковое производство от особого производства, что приведет к еще большей путанице, чем существующая ситуация. В связи с чем предлагается не отказываться от понятия «иск», а определить его [4, с. 18].

В процессуальной доктрине высказаны различные точки зрения ученых-процессуалистов о понятии иска [5; 6], которые подразделены на четыре группы: материально-правовая концепция; процессуально-правовая концепция; концепция двух самостоятельных правовых понятий: иска в материально-правовом смысле и иска в процессуальном смысле; концепция единого понятия иска, имеющего две стороны: материальную и процессуальную [7, с. 25].

Процессуально-правовая концепция понятия иска представляется более обоснованной в процессуальной науке, чем материально-правовая [8, с. 21]. О процессуальной сущности иска, т.е. понимании иска как средства защиты права, направленного именно к суду, а не к ответчику через суд, свидетельствует ряд положений действующего гражданского процессуального законодательства. Поэтому представляется целесообразным рассматривать иск как средство защиты права заинтересованного лица в гражданском судопроизводстве, а также как универсальный правовой инструмент по приведению судебной машины в действие с целью защиты нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса [9, с. 14].

Заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных или оспариваемых:

- прав;
- свобод;
- законных интересов (ч. 1 ст. 3 ГПК РФ).

Данные категории являются самостоятельными и независимыми друг от друга, рассмотрим их подробнее.

Права. Важнейшие права граждан, характеризующие положение личности в обществе, содержатся в Конституции РФ и именуются основными. Иные субъективные права, выраженные в соответствующих отраслях права, в кодексах или законах, имеют более узкий, специальный характер.

Учеными в науке традиционно различается право в объективном и субъективном смысле. О.В. Мартышин указывает, что норма (объективного права) конкретна, в отличие от субъективного права. Это обусловлено тем, что право принадлежит конкретному субъекту (лицу, организации, объединению лиц) и распространяется на столь же определенные объекты (предметы и отношения) [10, с. 258].

Все права граждан в обществе М.С. Строгович относил к субъективным правам, которые имеют различное нормативное закрепление. Но вне зависимости

от их вида основные или специальные, сущность всех субъективных прав, их природа — одна, и провести границу между ними невозможно, поскольку субъективные права в отдельных отраслях права представляют собой конкретизацию и детализацию соответствующих основных прав [11, с. 204].

Действительно, анализ правовых норм позволяет согласиться с позицией ученого, сформулированной более 100 лет назад. Например, право гражданина на судебную защиту является основным, закрепленным в Конституции РФ, которое уточняется и детализируется в совокупности процессуальных прав, которые предусмотрены в ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ и других федеральных законах, и реализуется именно через процессуальные права.

Субъективное право обеспечивается законом и позволяет гражданам пользоваться и распоряжаться материальными и духовными ценностями, благами, оценивать на основе норм закона свои действия и действия других лиц с точки зрения их законности. Такое понимание субъективных прав вызывает вопрос: права принадлежат гражданину изначально, вне зависимости от чего-либо в силу закона или приобретаются им в результате возникновения определенных правоотношений?

В науке существует точка зрения, согласно которой у гражданина не могут возникнуть субъективные права пока не возникнут определенные правоотношения, существует только правоспособность. Данной позиции придерживалась Е.А. Флейшиц, считавшая, что субъективное право существует только в правоотношении и вне его существовать не может [12, с. 257].

Иная позиция указывает на то, что закон наделяет граждан правами, эти права существуют, граждане ими обладают, а правоотношения, возникающие при наличии определенного юридического факта — это лишь форма реализации принадлежащих гражданам прав. Д.М. Генкин считал, что абсолютные субъективные права (к которым относятся такие, как право на жизнь, право на труд, право быть избранным в государственные органы) существуют вне правоотношений, возникая из нормы права [13, с. 32]. Действительно, трудно представить, что субъективное право принадлежащее гражданину, могло бы быть им утрачено с прекращением каких-либо правоотношений. Например, право на судебную защиту прав и свобод принадлежит каждому, реализация указанного права осуществляется путем обращения в суд в порядке, предусмотренном действующим законодательством, вынесение судебного акта по делу, т.е. окончание гражданских процессуальных правоотношений, не означает, что лицо утрачивает право на судебную защиту вообще и в том числе в будущем.

Российское право закрепляет за гражданами широкий спектр демократических прав и свобод, охраняет законные интересы. Первостепенной задачей государства является охрана прав и законных интересов граждан, создание условий для беспрепятственной их реализации. Свойство неотчуждаемости основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ) предполагает необходимость их адекватных гарантий со стороны государства.

Гарантированное Конституцией РФ право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) путем вынесения законного и обоснованного решения является универсальным, т.к. право на судебную защиту гарантировано для каждого субъекта гражданских процессуальных правоотношений. Право на судебную защиту по возбужденному гражданскому делу гарантируется тем, что суд при-

зван, в равной мере защищать права, как истца, так и ответчика, и третьих лиц в исковом производстве.

Именно заинтересованное лицо (истец) обращается в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права в порядке искового производства, его права подразумеваются нарушенными или оспоренными, пока в суде не будет доказано иное. Однако нельзя исключать ситуации, когда истец может предъявить необоснованный иск, и тем самым попытаться нарушить права ответчика. В силу чего при предъявлении необоснованного иска, суд обязан вынести решение об отказе в его удовлетворении. При этом сторона, в пользу которой разрешено дело, вправе просить отнести все свои расходы, вызванные судебным разбирательством, на лицо, не в пользу которого разрешено дело.

В качестве примера рассмотрим гражданское дело по исковому заявлению М.В. Юревича, который обратился в суд с иском к Обществу с ограниченной ответственностью «Сибирско-Уральская медиакомпания» о защите чести и достоинства, посчитав, что его права нарушены распространенной в сети интернет публикацией. Суд, рассмотрев дело, отказал в удовлетворении требований истца¹. В решении суд указал, что оценочные суждения об истце, даже если они носят обидный или провокационный характер, являются выражением субъективного мнения и не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Такой вывод суда обусловлен положением ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также ст. 29 Конституции РФ, согласно которым каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, а также свобода массовой информации. При рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Отказав в удовлетворении исковых требований, суд, таким образом, защитил права ответчика от правопритязаний истца.

Свободы человека. Свободы человека являются одним из самостоятельных предметов исковой защиты и используются в юриспруденции как самостоятельные понятия. Однако, как отмечает Малько А.В. и Терехиным В.А., категория «свободы» в отличие от субъективного права в науке разработана довольно слабо и большинство ученых обходят эту проблему стороной, полагая, как, кстати, и законодатель, термины «права» и «свободы» равнозначными [14, с. 11]. Аналогичной позиции придерживается и Строганова Н.И. относящая права и свободы к синонимичным категориям правовой науки, указывая, что анализ законодательства, а также теория государства и права подтверждают сложность разграничения рассматриваемых категорий [15, с. 3]. Право — подразумевает возможность выбора поведения, т.е. своеобразное проявление свободы, действовать или бездействовать и т.д. Аналогичное определение можно дать и термину «свобода». Вместе с тем представляется, что свобода более широкое понятие нежели право. В юридическом аспекте свобода многогранна — это абсолютная ценность, неотъемлемое право индивида.

¹См.: Гражданское дело № 2-274/2019 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. 2019.

Законный интерес. Д.М. Чечот активизировала в своей работе дискуссию, а также способствовала многочисленным теоретико-правовым исследованиям вопроса о существовании такой категории как «охраняемый законом интерес» [16, с. 43]. Специфическим правовым феноменом, представляющим из себя не принцип и не норму, называл Н.И. Матузов данную категорию [17, с. 115]. С принятием в 2002 году ГПК РФ вопросов о существовании правового явления как «законный интерес» более не возникало, поскольку он был закреплен законодательно в процессуальных нормах. Вместе с тем осталось много вопросов, требующих теоретического анализа и проработки. Одной из таких проблем выделялось отсутствие в законе четкого определения законного интереса в качестве предмета судебной защиты, что и послужило темой для исследования данного вопроса в диссертации Н.В. Кляуса, по его мнению которого законный интерес имеет двойственную природу (материально-правовую и процессуальную) [18, с. 4–6].

Поводом для обращения в суд, как правило, являются определенные правовые последствия, вызванные нарушением или оспариванием прав, свобод или законных интересов лица. Только факты действительности, а не возможность — их наступления, по мнению О.А. Красавчикова имеют юридическое значение [19, с. 62]. Это было бы логично, ведь негативные правовые последствия, например покупка некачественного товара, неизбежно влечет нарушение прав потребителя и в большинстве случаев обращение в суд за защитой. Однако анализ ч. 1 ст. 4 ГПК РФ указывает на отсутствие слова «нарушенных» как в ст. 3 ГПК РФ, что свидетельствует о том что, в суд обращаются не только тогда, когда право нарушено, но и в том случае, когда существует угроза его нарушения, оспаривания. Эта мысль так же отражена законодателем в ч. 4 п. 2 ст. 131 ГК РФ, в которой содержатся требования к исковому заявлению. В исковом заявлении, подаваемом в суд, должно быть указано, в чем заключается нарушение (либо угроза) нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования.

В момент существования угроза нарушения права имеет юридическое значение сама по себе, а прекратившись, не может порождать правовые последствия [20, с. 141]. Это означает, что угроза нарушения прав, свобод и законных интересов представляет собой самостоятельный юридический факт, который может являться не только основанием для обращения в суд, но и предметом защиты.

К числу основных начал гражданского законодательства ст. 1 ГК РФ относит необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, а абз. 3 ст. 12 ГК РФ устанавливает такой способ защиты гражданских прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Действующее законодательство прямо предусматривает, что заявление требования о пресечении действий, нарушающих право, может быть использовано конкретным субъектом в качестве способа защиты его нарушенного права.

Приведем пример: Тимонина обратилась в суд с исковым заявлением к Веселовой с требованием о восстановлении ее нарушенного права, устранении угрозы ее жизни, здоровья, уничтожения имущества. В исковом заявлении истец просила суд обязать ответчика вырубить аварийное дерево (ель), растущее на земельном участке ответчика¹. Как видно из предмета исковых требований

¹См.: Гражданское дело № 2- 4336/2016 // Архив Бабушкинского районного суда г. Москвы. 2016.

вред еще не причинен имуществу истца, также не предоставлено доказательств нарушения иных прав, однако существование угрозы нарушения прав истца явились поводом для обращения в суд. Согласно п. 4 Обзора судебной практики ВС РФ № 5 (2017) собственник жилого дома, в непосредственной близости от которого ведутся строительные работы, вправе требовать обеспечения застройщиком безопасного производства работ, если они создают угрозу его жизни или здоровью, а также имуществу¹.

Анализ судебной практики показывает, что не только свершившийся факт нарушения прав, свобод и законных интересов является основанием для обращения в суд в порядке искового производства, но и потенциальная угроза их нарушения.

Таким образом, проанализировав процессуальные нормы, а также судебную практику, можно сделать вывод, что предметом защиты в исковом производстве являются не только нарушенные либо оспариваемые права, свободы или охраняемые законом интересы, но и те права, свободы и интересы, в отношении которых существует реальная возможность их нарушения.

Вопросы, затронутые в данной статье, требуют дальнейшего изучения и осмысления как на теоретическом, так и практическом уровне. Научный интерес к данной проблеме очевиден, обусловлен актуальными тенденциями в области судебной защиты прав граждан и организаций.

Библиографический список

1. Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. 159 с.
2. Францифоров А.Ю. Отличие особого производства от искового производства и производства по делам, возникающим из публичных правоотношений // Публичное и частное право. 2009. № 3 (3). С. 151–168.
3. Сахнова Г.В., Шишмарева Т.Л. О судебных процедурах в гражданском процессе, или к вопросу о дифференциации процессуальной формы // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: сборник научных статей. Краснодар. СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2005. С. 54–55.
4. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе / О.В. Исаенкова, О.В. Николайченко, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева; под ред. О.В. Исаенковой. М.: Юрайт, 2019. 183 с.
5. Исаенкова О.В. Иск в гражданском судопроизводстве: учебное пособие / под ред. М.А. Вихута. Саратов, 1997. 96 с.
6. Гурвич М.А. Учение об иске (состав, виды): учебное пособие / отв. ред. М.С. Шакарян. М., 1981. 40 с.
7. Иск в гражданском судопроизводстве: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / О.В. Исаенкова, О.В. Николайченко, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева; под ред. О.В. Исаенковой. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 189 с.
8. Ткачева Н.Н. Проблемы обеспечения иска в гражданском судопроизводстве (по материалам практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 187 с.
9. Осокина Г.Л. Проблемы иска и права на иск: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1990. 44 с.
10. Теория государства и права: учебник / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. 496 с.

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12. Декабрь.

11. *Строгович М.С.* Избранные руды: в 3 т. / под ред. С.Н. Братусь. М.: Наука, 1990. Т. 1: Проблемы общей теории права 301 с.
12. *Флейшниц Е.А.* Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. 1960. С. 255–283.
13. *Генкин Д.М.* Право собственности в СССР. М., 1961. 223 с.
14. *Малько А.В., Терехин В.А.* Субъективные права, свободы и законные интересы личности как самостоятельные объекты судебной защиты // Ленинградский юридический журнал. 2010. С. 7–18.
15. *Строганова Н.И.* «Свобода человека: философская и правовая категория» // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 297–301.
16. *Чечот Д.М.* Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. 72 с.
17. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. 294 с.
18. *Кляус Н.В.* Законный интерес как предмет судебной защиты в гражданском судопроизводстве: автореф дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2007. 26 с.
19. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
20. *Бондаренко С.С.* Угроза нарушения гражданских прав // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2009. № 2 (57). Вып. 7. С. 140–145.

References

1. *Dobrovolsky A.A., Ivanova S.A.* The Main Problems of the Claim Form of Legal Protection. M., 1979. 159 p.
2. *Franciforov A.Yu.* The Difference Between Special Proceedings and Claim Proceedings and Proceedings in Cases Arising from Public Legal Relations. Public and Private Law. 2009. No. 3 (3). P. 151–168.
3. *Sakhnova G.V., Shishmareva T.L.* On Judicial Procedures in the Civil Process, or on the Issue of Differentiation of the Procedural Form // Theoretical and Practical Problems of Civil, Arbitration and Enforcement Proceedings: collection of scientific articles. Krasnodar. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov “Legal Center Press”. 2005. P. 54–55.
4. The Claim and the Claim Form of Protection in Civil Proceedings / O.V. Isaenkova, O.V. Nikolaichenko, T.V. Solovyova, N.N. Tkacheva; edited by O.V. Isaenkova. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 183 p.
5. *Isaenkova O.V.* Claim in Civil Proceedings: Textbook / ed. by M.A. Vikut. Saratov, 1997. 96 p.
6. *Gurvich M.A.* The Doctrine of the Claim (composition, types): a textbook / ed. by M.S. Shakaryan. M., 1981. 40 p.
7. The Claim in Civil Proceedings: a textbook for the bachelor’s degree, specialty and magistracy / O.V. Isaenkova, O.V. Nikolaichenko, T.V. Solovyova, N.N. Tkacheva; edited by O.V. Isaenkova. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 189 p.
8. *Tkacheva N.N.* Problems of Securing a Claim in Civil Court Proceedings (based on the materials of practice): dis. ... cand. of law. Saratov, 2004. 187 p.
9. *Osokina G.L.* Problems of a Claim and the Right to a Claim: extended abstract. dis. ... doc. of law. Tomsk, 1990. 44 p.
10. Theory of State and Law: textbook / edited by O.V. Martyshina. M., 2007. 496 p.
11. *Strogovich M.S.* Selected ores: in 3 volumes / edited by S.N. Bratus. M.: Nauka, 1990. Vol. 1: Problems of the general theory of law 301 p.
12. *Fleishnits E.A.* Correlation of Legal Capacity and Subjective Rights / / Questions of the General Theory of Soviet Law. 1960. P. 255–283.
13. *Genkin D.M.* The Law of Ownership in the USSR. M., 1961. 223 p.

14. *Malko A.V., Terekhin V.A.* Subjective Rights, Freedoms and Legitimate Interests of the Individual as Independent Objects of Judicial Protection // Leningrad Law Journal. 2010. P. 7–18.
15. *Stroganova N.I.* “Human Freedom: Philosophical and Legal Category” // Gaps in Russian Legislation. 2012. No. 3. P. 297–301.
16. *Chechot D.M.* Subjective Law and Forms of Its Protection. L., 1968. 72 p.
17. *Matuzov N.I.* The Legal System and Personality. Saratov. 1987. 294 p.
18. *Klyaus N.V.* Legitimate Interest as a Subject of Judicial Protection in Civil Proceedings: extended abstract diss. ... cand. of law. Novosibirsk. 2007. 26 p.
19. *Krasavchikov O.A.* Legal Facts in Soviet Civil Law. M., Gosyurizdat. 1958. 183 p.
20. *Bondarenko S.S.* The Threat of Violation of Civil Rights // Scientific vedomosti of the Belgorod State University. Ser.: Philosophy. Sociology. Law. 2009. No. 2 (57). Issue 7. P. 140–145.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-121-129

УДК 343.4

А.В. Голикова, Д.А. Ковлагина, Е.В. Пономаренко

ПАНДЕМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

***Введение:** в статье дается оценка законодательных новелл, появившихся в Уголовном кодексе РФ в период распространения пандемии коронавируса (COVID-19), с позиции их целесообразности и необходимости. Отмечается явная тенденция законодателя к расширению пределов уголовной ответственности за посяательства на общественную безопасность и общественный порядок, а также использования процесса диджитализации при конструировании норм уголовного законодательства. Полагаем, что есть потребность в мониторинге основных тенденций изменения уголовного закона за период пандемических кризисных мер (апрель 2020 – апрель 2021) для выявления направлений уголовной политики и оценки ее успешности за прошедший год. **Цель:** провести мониторинг изменений, внесенных в текст российского уголовного закона и выявить основные тенденции уголовной политики за период пандемических кризисных мер (апрель 2020 – апрель 2021) и оценить ее успешность. **Методологическая основа:** применялись системный и структурный подходы; формально-юридический, социологический, формально-логический, метод экспертных оценок. **Результаты:** научно-обоснованная оценка основных трендов российской уголовной политики в период пандемической ситуации позволили ответить на важные вопросы в области эффективного использования уголовного законодательства: оперативность реакции государства на потребности социума во время кризиса, связанного с пандемией; комфортность применения новелл; кри-*

© Голикова Арина Владимировна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: golikovaa@mail.ru

© Ковлагина Дарья Александровна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kov-darya@yandex.ru

© Пономаренко Елена Валерьевна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: pomomarenko@mail.ru

© Golikova Arina Vladimirovna, 2021

Candidate of law, Associate professor, Department of the Criminal and criminal-executive law (Saratov State Law Academy)

© Kovlagina Daria Aleksandrovna, 2021

Candidate of law, Associate professor, Department of the Criminal and criminal-executive law (Saratov State Law Academy)

© Ponomarenko Elena Valerievna, 2021

Candidate of law, Associate professor, Associate professor, Department of the Criminal and criminal-executive law (Saratov State Law Academy)

минологическая обоснованность внесенных запретов. **Выводы:** отмечается, что современные тренды уголовной политики не отвечают признаку системности, носят сиюминутный характер, не хватает им целостного комплексного подхода.

Ключевые слова: тренды уголовной политики, диджитализация, закон в пандемию.

A.V. Golikova, D.A. Kovlagina, E.V. Ponomarenko

THE PANDEMIC CRISIS AND CRIMINAL POLICY: EXPERT ASSESSMENT OF LEGISLATIVE INNOVATION

Background: the article assesses the legislative innovations that appeared in the Criminal Code of the Russian Federation during the spread of the coronavirus pandemic (COVID-19), from the position of their expediency and necessity. There is a clear tendency of the legislator to expand the limits of criminal liability for encroachments on public safety and public order, as well as the use of the process of digitalization in the construction of criminal legislation norms. We believe that there is a need to monitor the main trends in changes in the criminal law during the period of pandemic crisis measures (April 2020 – April 2021) to identify the directions of criminal policy and assess its success over the past year. **Objective:** to monitor the changes made to the text of the Russian criminal law and identify the main trends in criminal policy during the period of pandemic crisis measures (April 2020 – April 2021) and assess its success. **Methodology:** systematic and structural approaches were used; formal-legal, sociological, formal-logical, the method of expert assessments. **Results:** a scientifically based assessment of the main trends of Russian criminal policy during the pandemic situation allowed us to answer important questions in the field of effective use of criminal legislation: the efficiency of the state's response to the needs of society during the crisis associated with the pandemic; the comfort of using novelties; the criminological validity of the bans introduced. **Conclusions:** as a conclusion, it is noted that modern trends in criminal policy do not meet the criteria of consistency, are of a momentary nature, there is a lack of a holistic integrated approach.

Key-words: trends in criminal policy, digitalization, law in the time of the pandemic.

Социальные и политические процессы, происходящие в обществе, особенно влияют на вносимые в уголовный закон поправки. Однако любые законодательные инновации должны быть направлены на удовлетворение признанных или признаваемых общественных потребностей и соответствовать задачам уголовного закона. С марта 2020 года отечественным законодателем было принято свыше 15 законов, направленных (в большей своей части) на расширение пределов уголовной ответственности за посягательства на общественную безопасность и общественный порядок, а также на увеличение объема репрессий за преступления, совершаемых посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет).

Большое число научных публикаций [1, с. 133–148; 2, с. 523–532; 3, с. 60–64; 4, с. 81–89], отражающих мнения юристов, отреагировавших на изменения отечественного законодательства в связи с введением своеобразного и незнакомого ранее нашей правовой системе «режима ограничений» в ситуации пандемии COVID-19, содержат преимущественно описательный характер указанных поправок и дополнений. Научной оценке подвергались некоторые аспекты, свя-

занные с появлением новых оценочных категорий в тексте УК РФ и КоАП РФ, в частности: «общественно значимой информации» [5, с. 78–82] и «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных» [6, с. 425–462; 7]. Предприняты удачные попытки Верховным судом¹ своевременно разъяснить порядок применения новых положений уголовного, гражданского, процессуального и административного законодательства, сориентировавшие юридическое сообщество в направлении эффективной реализации соответствующих норм.

Мониторинг динамики преобразований УК РФ и научных публикаций за истекший пандемический год позволили выделить несколько тенденций, которые отражают уже устоявшуюся уголовную политику нашего государства.

Тренд уголовной политики, сопряженный с ситуацией пандемии.

Первая группа изменений продиктована исключительно необходимостью взять под контроль распространение опасного вируса, что привело к увеличению числа запретительных предписаний (импульсивные законодательные решения). Например, ужесточение уголовной ответственности по ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил» и расширение ее применения за счет переформирования состава из материального в «состав создания угрозы». Криминализация действий по созданию и тиражированию фейковых новостей в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, тоже повышают уголовную репрессию. С момента введения данных норм в уголовный закон по ст. 236 УК уже возбуждено 82 уголовных дела, 23 уголовных дела было возбуждено по статьям, предусматривающим ответственность за распространение ложных сведений, касающихся эпидемиологических угроз².

С одной стороны, использование государством средств уголовно-правового воздействия для прекращения (или как сейчас принято называть «предупреждения» вредоносного поведения населения) — логичный шаг, особенно в ситуации, когда традиционные методы контроля не справляются с объемом и разнообразием поставленных задач. Корректировка предписаний УК РФ и КоАП РФ в сфере оборота информации о пандемии и мерах ее купирования призвана обеспечить относительную стабильность и единообразное поведение разных участников общественных отношений, и достичь исключения паники, неадекватных (включая мародерские) действий и пр. Созданные уголовные и административные запреты системно выполняют общую функцию: поддержание соблюдения стихийно образуемых правил безопасности в сложившихся условиях пандемии.

С другой стороны, одним из главных ограничителей в применении мер уголовного или административного права выступает субъект ответственности. За практически одинаковые действия (или бездействия) физические лица априори подлежат строгой уголовной ответственности, а вот юридические лица — только лишь административной. Представляется, что признаки субъекта не могут служить условием снижения ответственности за деяние.

¹ См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения: 10.04.2021).

² См.: В России возбуждено более 80 уголовных дел за заражение коронавирусом по неосторожности. URL: https://news.mail.ru/incident/45979862/?frommail=1&exp_id=915 (дата обращения: 11.04.2021).

По результатам проведенного нами опроса, появление новых видов преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ поддержали только 6 экспертов. Остальные 22 сочли криминализацию неудачным решением законодателя: из них — 18 считают, что следовало бы предусмотреть административную ответственность, а 7 человек уверены, что стоит создать общий состав, предусматривающий ответственность за публичное «распространение заведомо ложной информации» разного вида.

Обозначенная тенденция, несмотря на актуальность указанных дополнений УК РФ, требует дополнительного внимания со стороны законодателя и переоценки для повышения эффективности действия публичных отраслей права в области обеспечения информационной безопасности.

Тренд уголовной политики, сопряженный с особенностями конструирования составов преступлений по принципу «создания угрозы», а не причинения реального вреда.

Еще один прием законодательной техники, проиллюстрированный отчасти примерами криминализации деяний из предыдущего пункта, подвергся критике экспертов. Традиционные для национального уголовного права способы криминализации деяний всегда основывались на категории общественной опасности поведения человека. Общественная опасность предопределяется либо объективно вредоносным действием в виде насилия или обмана, либо наличием реального ущерба. Указанный в заголовке вид составов не содержит ни одного из названных индикаторов общественной опасности, но описывает запрещенное деяние путем выделения «угрозы наступления вредных последствий» в результате преступления. Неоднозначность пределов такого запрета и невозможность отграничения таких видов преступлений от административно-наказуемых поступков существенно затрудняют практику применения закона, увеличивают пределы судебного усмотрения, переносят право проведения квалификационных действий с суда на эксперта в неюридической специальности.

Тенденцию массового использования в тексте УК РФ составов «создания угрозы» категорически не приемлют 29 из опрошенных экспертов. Из них 19 подчеркивают, что такие конструкции существенно затрудняют определение индивидуальной опасности и момента окончания преступления.

Обозначенный тренд требует переосмысления и формирования внушительной теоретической и практической базы, позволяющей правильно толковать признаки такого состава преступления.

Тренд уголовной политики, сопряженный с диджитализацией социума.

Следующее направление уголовной политики, обнаруженное нами при анализе эволюции текста УК РФ в период пандемического кризиса, также опосредовано общесоциальной, общемировой тенденцией увеличения объемов эксплуатации информационно-коммуникационных сетей для удовлетворения абсолютно разных потребностей (от интернет-торговли, до виртуальных экскурсий и браков). Переход многих сфер жизнедеятельности в цифровое пространство, упрощение процедурных вопросов внутри информационного потока и нивелирование проблемы ограничения свободы передвижения, это лишь малое количество «плюсов», которые стали доступны гражданам. Одновременно с этим, всеобщая цифровизация создает возможность совершить преступление в виртуальном пространстве либо стать его жертвой. Это порождает озабоченность мирового сообщества, что подтверждается принятием резолюции Генеральной Ассамблеей

ООН о разработке международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях¹.

В отечественном уголовном законе обеспокоенность проблемой проявилась в ряде нормативных актов, где речь идет об увеличении объема ответственности за совершение (иногда только вербального) преступления посредством информационно-коммуникационных сетей. Соответствующие квалифицированные виды составов на данный момент уже присутствуют в статьях: 110.1, 110.2, 128.1, 137, 205.2, 230, 238.1, 242, 242.1, 242.2, 280, 280.1, 354.1 УК РФ.

На наш взгляд, данная тенденция российской уголовной политики нецелесообразна. Всеобщая цифровизация — наше ближайшее будущее. Следовательно, вопрос как и где совершить преступление (например, хищение) в реальном (материальном) мире или в виртуальном (цифровом) пространстве, станет лишь выбором злоумышленника. Считать второй вариант эксклюзивным и безусловно более опасным некорректно. По состоянию на январь 2021 года пользователями сети Интернет являются уже 4,66 млрд человек².

Дополнительным аргументом необходимости исключения указанного вида обстоятельства из числа способов дифференциации уголовной ответственности служит тот факт, что все перечисленные выше статьи, «обогащенные» этим видом квалифицированного состава всегда подразумевают совершение преступления публично. Публичность равна общедоступности. Нет смысла спорить о том является ли сеть Интернет самым доступным способом обеспечения публичности распространяемой информации (как ложной, так и истинной). Полагаем, что отсутствует принципиальная разница в видах публичности с позиции определения степени общественной опасности: нет разделения ее на реальную и мнимую.

По результатам нашего опроса, существует и негативный эффект всеобщей цифровизации, т.к. есть статистика совершения преступлений «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (по мнению большинства экспертов (20)) т.е. преступления в публичном пространстве. Данный признак можно учесть как отягчающее наказание обстоятельство (по аналогии с состоянием опьянения) в ч. 1.2 ст. 63 УК РФ. Это мнение поддержали семь ученых.

Происходящий процесс диджитализации вынуждает вносить изменения в действующее законодательство, но такие исправления должны быть прогнозическими.

Тренд уголовной политики, сопряженный с обеспечением внутривнутриполитической безопасности.

Еще одна группа изменений, внесенных в УК РФ, обусловленная внутривнутриполитическими аспектами, продолжает выбранное ранее направление уголовной политики по усилению контроля за качеством информационного потока в связи с «протестными настроениями» в стране в начале 2021 года. Расширение числа лиц, относящихся к «иностранцам агентам» за счет включения в их число физических лиц, и ужесточение уголовной ответственности за нарушение ими многочисленных процедурных предписаний (ст. 330.1 УК РФ); растягивание пределов применения ст. 128.1 УК РФ «Клевета» за счет корректировки круга

¹ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 27 декабря 2019 г. «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях». URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/Res/74/247>. (дата обращения: 11.04.2021).

² См.: Самое важное о состоянии интернета на 2021 год. URL: <https://fishki.net/photo/3614609-samoe-vazhnoe-o-sostojanii-interneta-na-2021-god.html> (дата обращения: 27.03.2021).

возможных потерпевших путем закрепления оценочного признака «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных»; выделение новой разновидности уголовно-наказуемой клеветы и уголовно-наказуемого оскорбления в отношении ветеранов Великой Отечественной войны в ст. 354.1 УК РФ, — за счет использованных сложных конструкций нововведений существенно размывают границы между уголовным и административным правом, а также вносят дополнительную сумятицу в длительную дискуссию об отличиях клеветы, оскорбления, неуместной шутки и высказывания собственного суждения.

Закономерным можно считать возвращение в уголовный закон традиционного понятия «хулиганства, совершенного с применением насилия». Согласно мнению большинства ученых и практикующих юристов любое насилие [8, с. 124–140; 9, с. 522–534] (особенно в физической форме) автоматически делает поступок общественно-опасным, требующим внимания со стороны уголовного права. Почти половина (20) опрошенных экспертов уверены, что криминальное хулиганство должно включать в себя только физическое насилие (чтобы не путать с мелким хулиганством (или грубой формой поведения)).

Таким образом, хаотичность в принятии корректирующих положений в тексте уголовного закона, явно требует компенсаторных мер на этапе правоприменения. Возвращение к традиционному определению хулиганства в уголовном праве свидетельствует о том, что непросчитанные по квалификационным последствиям решения законодателя приводят к «обратному откату».

Тренд уголовной политики, сопряженный с антикоррупционным направлением государственной деятельности.

Относительно новым направлением уголовной политики за исследуемый период стоит назвать поддержку уголовно-процессуальных институтов и международно-правовых тенденций. Примерами служат два изменения в уголовном законе.

Неоднозначные комментарии сопровождают попытку законодателя конкретизировать признаки должностного лица, способного совершать преступления, запрещенные гл. 30 УК РФ. Напомним, что разделение гл. 23 и 30 в УК РФ 1996 г. стало отражением итогового отделения частного сектора экономики от сектора, регулируемого государственной властью и местным самоуправлением. Однако случившиеся изменения снова приводят к их смешению и тем самым порождают вопрос о необходимости вообще существования двух самостоятельных глав (которые в сущности различаются лишь субъектом преступления).

Из Пояснительной записки¹ к Проекту Федерального закона № 1013018-7 «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» следует, что расширение признаков должностного лица в примечании к ст. 285 УК РФ обусловлено в большей степени процессуальными причинами — потерпевшие зачастую не заинтересованы в публичной огласке и потому не обращаются в правоохранительные органы по факту совершенного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, по которому возбуждение уголовного дела осуществляется только по заявлению потерпевшего.

Между тем ч. 3 ст. 20 УПК РФ позволяет не относить преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 201 УК РФ к делам частного-публичного обвинения в случаях, если

¹ См.: Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 1013018-7 «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1013018-7> (дата обращения: 11.04.2021).

этим преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество. Представляется, если причины (как указано в пояснительной записке) являются действительно исключительно процессуальными, следовало просто расширить перечень случаев отнесения ч. 1 ст. 201 УК РФ к делам публичного обвинения, указав в качестве потерпевших и государственные внебюджетные фонды, публично-правовые компании, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, хозяйственные общества и т.д. Допустим, что причины расширения понятия должностного лица далеко не только процессуальные. Произшедшие изменения в признаках должностного лица в ст. 285 УК РФ объясняются исполнением Национального плана противодействия коррупции, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378. Данное изменение ст. 285 УК РФ перегружает нормативный материал и делает его излишне казуистичным, с чем согласны 17 из опрошенных экспертов. Другие 15 экспертов считают неприемлемым использовать уголовный закон для решения проблем уголовно-процессуального права.

В продолжении обозначенного тренда Федеральным законом от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» УК РФ был дополнен ст. 200.7, предусматривающей ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи). Своеобразная «пробельность» уголовного закона, не позволяющая привлечь за получение незаконного вознаграждения третейских судей к ответственности (ни по ст. 201, ни по ст. 285 УК РФ арбитры не являются субъектами преступления) увеличивала риск коррупционных злоупотреблений в сфере внесудебного решения споров. Во исполнение международных обязательств, обусловленных ратификацией Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и ее дополнительного протокола, а также Национального плана противодействия коррупции, утвержденного Указом Президента РФ, законодатель в ст. 200.7 УК РФ фактически продублировал диспозиции ст. 204 УК РФ (со всеми ее недоработками), для нового субъекта — третейского судьи (арбитра). Криминализация подкупа третейского судьи, в самостоятельной ст. 200.7 УК РФ, признана неоднозначным решением. Эксперты указали, что самостоятельный состав можно было не вводить, а использовать уже имеющиеся в УК РФ ресурсы. В частности: либо применять ст. 201 УК РФ, устанавливающую ответственность за злоупотребления коммерческим служащим, либо расширить перечень субъектов преступления, предусмотренного ст. 204 или ст. 202 УК РФ.

Таким образом, обозначенный тренд нивелирует значение уголовного права, как самого последнего средства в разрешении социальных конфликтов. Бесконечное пополнение предписаний уголовного закона и расширение уголовной репрессии, а также методичное перечисление признаков субъектов преступления, превращают самую репрессивную отрасль законодательства в инструмент корректировки диспозитивной части нормативного материала. Идея же уголовного права в редком применении для очень ограниченного числа деяний, которые

иным образом, кроме как угрозой уголовной ответственности, регулироваться не могут.

Таким образом, обобщая результаты доктринальных умозаключений и мнения экспертов-юристов относительно выявленных в рамках предписаний УК РФ трендов современной российской уголовной политики, приходим к следующим выводам:

1) оперативность реагирования Российского государства на потребности социума в период пандемии в области уголовного нормотворчества заслуживает комплимента. Первые дополнения УК РФ претерпел уже в апреле 2020 года, что придало уголовному праву большие возможности в регулировании общественных отношений в трудный для всего человечества момент и компенсировало имевшиеся в начале 2020 года пробелы в предписаниях. Одновременно нельзя игнорировать тот факт, что техническая сторона произведенных трансформаций текста закона оставляет большое поле для обоснованной дискуссии;

2) изменения, которым подвергнулся текст уголовного закона за последние 14 месяцев, не имеют прямого отношения к пандемии. Появление квалифицированного обстоятельства в виде «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет), создание самостоятельных статей УК РФ, предупреждающих манипулирование поведением населения за счет фейковых новостей относительно социально-важных сведений, относящихся к безопасности, лишь ускорилось благодаря пандемической ситуации. Можно сказать, что пандемия с ее изоляционным режимом обнажила проблемные аспекты взаимодействия людей в цифровой среде и стала катализатором в принятии обозначенных выше решений законодателя. Расширение пределов уголовно-правового воздействия за коррупционные сделки также относится к традиционным для отечественной уголовно-правовой политики направлениям работы. Наличие или отсутствие обстоятельства пандемии нельзя считать ключевым или важным аргументом, обусловившим изменения положений ст. 285 УК РФ и появление ст. 200.7 УК РФ;

3) подавляющая часть изменений, произведенных с текстом УК РФ в интересующий нас период, относятся к вербальным преступлениям, то есть к сфере оборота информации. Исходя из реакции экспертов именно эти виды посягательств не получили адекватной оценки со стороны законодателя: не ясна их правовая природа, уровень общественной опасности, не разработана юридическая техника для их описания в тексте нормативных документов. В то время как изменения классических составов преступлений восприняты и практикой и теорией уголовного права вполне положительно. Рассматриваемый аспект можно выделить в качестве приоритетного для современной российской уголовной политики, требующего концептуального подхода и прогностического осмысления.

Библиографический список

1. *Gradon K.* Crime in the Time of the Plague: Fake News Pandemic and the Challenges to Law-Enforcement and Intelligence Community // *Society Register*. 2020. № 4 (2). P. 133–148.
2. *Sidorenko E.L., Arzumanova L.L., Amvrosova O.N.* Adaptability and Flexibility of Law in the Context of Digitalization // *Engineering Economics: Decisions and Solutions from Eurasian Perspective*. Cham: Springer Nature, 2021. P. 523–532.

3. *Деревянская Т.П., Иликбаева Е.С.* Новеллы уголовного законодательства об обороте фальсифицированной медицинской продукции в период пандемии // Юрист. 2021. № 1. С. 60–64.

4. *Шутова А.А., Ефремова М.А., Никифорова А.А.* Уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений в период пандемии: вопросы теории и практики // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2021. Т. 31. № 1. С. 81–89.

5. *Трахов А.И., Бешукова З.М.* Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6(148). С. 78–82.

6. *Зеленцов А.Б., Немытина М.В.* Публичные интересы и производные от них юридические конструкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 425–462.

7. *Туманов Д.А.* Защита интересов неопределенного круга лиц (отдельные проблемы) // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 6 (64). С. 162–173.

8. *Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В.* и др. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 124–140.

9. *Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С.* Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 4. С. 522–534.

References

1. *Gradon K.* Crime in the Time of the Plague: Fake News Pandemic and the Challenges to Law-Enforcement and Intelligence Community // Society Register. 2020. № 4 (2). P. 133–148.

2. *Sidorenko E.L., Arzumanova L.L., Amvrosova O.N.* Adaptability and Flexibility of Law in the Context of Digitalization // Engineering Economics: Decisions and Solutions from Eurasian Perspective. Cham : Springer Nature, 2021. P. 523–532.

3. *Derevyanskaya T.P., Ilikbaeva E.S.* Novels of Criminal Legislation on the Circulation of Counterfeit Medical Products During a Pandemic // Lawyer. 2021. No. 1. P. 60–64.

4. *Shutova A.A., Efremova M.A., Nikiforova A.A.* Criminal Liability for the Dissemination of Deliberately False Information During a Pandemic: Theory and Practice // Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law. 2021. V. 31. No. 1. P. 81–89.

5. *Trakhov A.I., Beshukova Z.M.* Dissemination of Knowingly False Information (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): New Corpus Delicti with a Sign of Publicity // Theory and Practice of Social Development. 2020. No. 6 (148). P. 78–82.

6. *Zelentsov A.B., Nemytina M.V.* Public Interests and Legal Constructions Derived from Them // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2018. Vol. 22. No. 4. P. 425–462.

7. *Tumanov D.A.* Protection of the Interests of an Indefinite Circle of Persons (Individual Problems) // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 6 (64). P. 162–173.

8. *Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V.* and others. Social Danger of Crime: Concept and Verification Criteria // Law Enforcement. 2020. Vol. 4. No. 4. P. 124–140.

9. *Bezverkhov A.G., Norvartyan Yu.S.* Correlation of the Categories “Violence” and “Threat” in Modern Criminal Law of Russia // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2018. Vol. 9. No. 4. P. 522–534.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-130-136

УДК 343.4.

Л.В. Григорьева

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОЛОЖЕНИЙ
СТ. 128.1 УК РФ

Введение: в настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы результаты изменения отношения законодателя к клевете. Неоднозначные тенденции публичной ответственности за распространения заведомо ложных сведений, порочащих потерпевшего (в частности, связанные со спецификой объекта уголовно-правовой охраны и «побочным эффектом» процесса цифровизации) требуют пристального внимания в условиях современности. **Цель:** выделить последние качественные изменения в составе клеветы, основываясь на актуальном тексте уголовного закона, соотнести полученные данные с ситуацией в современном обществе, провести их научно-обоснованную юридическую оценку. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности (диалектический, сравнительный, анализ, формально-юридический). **Результаты:** автор на основе проведенного анализа составов клеветы и смежных с ними преступлений, выявил новые тенденции в дифференциации уголовной ответственности за данное преступление и дал им научно-обоснованную оценку. Сформулировано аргументированное предложение по преобразованию некоторых предписаний соответствующей статьи с целью совершенствования правовых норм. **Выводы:** современная редакция диспозиции статьи, предусматривающей уголовную ответственность за клевету, содержит избыточные признаки, предусмотренные в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, и категории, усложняющие квалификацию распространения заведомо ложных сведений, порочащих потерпевшего.

Ключевые слова: клевета, квалифицированная клевета, правонарушения, квалификация клеветы, публичные действия, преступление в информационно-коммуникационной сети.

L.V. Grigorieva

CRITICAL REVIEW OF THE PROVISIONS OF ARTICLE 128.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: this article deals with topical issues of the result of changing the attitude of the legislator to libel. Ambiguous trends of public responsibility for the dissemination of deliberately false information discrediting the victim, in particular, related to the specifics of the object of criminal legal protection and the “side effect” of the digitalization process, require close attention in modern conditions. **Objective:** to identify the latest qualitative changes in the composition of slander, based on the current text of the criminal law, to correlate the data obtained with the situation in modern society, to conduct their scientifically based legal assessment. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality (dialectical,

© Григорьева Людмила Викторовна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); email: Lgrigorieva2013@yandex.ru

© Grigorieva Ludmila Victorovna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal and criminal procedural law (Saratov State Law Academy)

comparative, analysis, formal legal ones). **Results:** the author, based on the analysis of the general and qualified elements of libel and related crimes, identified new trends in the differentiation of criminal responsibility for this crime and gave them a scientifically based assessment. A reasoned proposal is formulated to transform some of the provisions of the relevant article in order to improve the legal norms. **Conclusions:** the current version of the disposition of the article providing for criminal liability for libel contains excessive features provided for in Part 2 of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and categories that complicate the qualification of the dissemination of deliberately false information that discredits the victim.

Key-words: slander, qualified slander, offenses, qualification of slander, public actions, crime in the information and communication network.

Такое явление, как клевета, всегда вызывало негативную реакцию у большинства людей. Честь и достоинство человека не только относятся к наиболее важным личным неимущественным благам, но и во многом определяют место участника общественных отношений в социуме. Например, в законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹ ч. 2 ст. 3 говорится о достоинстве судьи. Аналогичные требования по поддержанию этой части гражданской (или профессиональной) позиции можно встретить в п. 8 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»², обязывающим служащих вести себя достойно; в ст. 349.1 Федерального закона от 30 декабря 2001 г. «Трудовой кодекс Российской Федерации»³ — относительно рисков для деловой репутации компании при конфликте интересов. В сфере предпринимательства, по мнению исследователей, ведущую роль в формировании положительных ресурсов организации играет деловая репутация [1].

Из художественной литературы [2; 3; 4] и исторических источников [5; 6] нам известны типы обществ, в которых честь, «доброе имя», «достоинство» человека ставили на одни весы с жизнью или властью. Зачастую именно «доброе имя» перевешивало естественные потребности и привычные модели поведения.

В наши дни честь и даже деловая репутация не играют настолько существенной роли в формировании статуса физического или юридического лица, но определяют мнение окружающих, а потому влияют на микроклимат в коллективе либо на количество потенциальных клиентов организации. Информационные потоки способны создавать общественное мнение среди значительных масс населения, что активно используется как прогрессивными предпринимателями, специалистами по рекламе и маркетингу, так и в откровенно опасных видах деятельности. Манипулирование достоверными и ложными сведениями стало способом ведения информационных войн, которые могут уничтожать не только бизнес-конкурентов, но и обычных граждан. Поэтому государство достаточно давно (первые упоминания об ответственности за клевету, по версии ученых, относятся к XI веку [7]) приняло на себя обязанность противостоять

¹ См.: Федеральный Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. ст. 1792.

² См.: Федеральный Закон РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

³ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

распространению лжи в любой форме. Современное уголовное законодательство содержит большое число статей, предусматривающих уголовную ответственность за использование сведений, не соответствующих действительности: при мошенничестве (ст. 159–159.6 УК РФ); при манипулировании фальсифицированными предметами (ст. 142, 238.1, 303, 327 УК РФ); при составлении подложных документов (ст. 142.1, 170.1, 322.2, 322.3 УК РФ), при создании паники (ст. 207, 207.1, 207.2 УК РФ) и др.

Вопрос об уголовной ответственности за клевету в нашей стране никогда не решался однозначно. Первоначальная редакция УК РФ 1996 года, устанавливающая соответствующую санкцию за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого человека, с процессуальной точки зрения требовала наличия заявления потерпевшего для инициирования процедуры уголовного преследования. То есть необходимо было существенное изменение социального положения потерпевшего, чтобы он почувствовал результат негативного воздействия распространенной ложной информации о его личности. Указанный аспект (отнесения клеветы к делам частного-публичного обвинения), а также недостаточно выраженная общественная опасность (на фоне явной персональной вредоносности) [8] позволила законодателю сместить акценты публичной ответственности за исследуемое деяние на административную. Значительный вклад в принятое решение внесла скромная по объему практика применения ст. 129 УК РФ, параллельно обширному гражданскому судопроизводству по возмещению морального вреда и восстановлению нарушенных прав пострадавших от клеветы.

В 2012 году состоялось триумфальное возвращение рассматриваемого публичного деликта в УК РФ. Во-первых, апеллируя к опыту зарубежного законодательства (в частности, США и Франция) создатели законопроекта в пояснительной записке¹ объявляют о необходимости введения уголовной ответственности за клевету, даже не сохранив ее «облегченного варианта» в КоАП РФ. Во-вторых, обновленная ст. 128.1 УК РФ получает целых 5 частей, дифференцирующих ответственность в зависимости от наличия отягчающих обстоятельств, к которым отнесены следующие: публичность распространения ложных сведений; использование виновным своего служебного положения; распространение обманной информации о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих; действия соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

При этом в квалифицированных видах ничего не сказано о личности потерпевшего (что относится к традиционным способам формирования составов с отягчающими обстоятельствами, например, несовершеннолетие или особый правовой статус, выделенный лишь в отношении к участникам судебного процесса в ст. 298.1 и военнослужащим в 335 УК РФ).

Не оценивая место клеветы в системе публичных деликтов, подобное упущение, на первый взгляд, должно вызывать недоумение. Что, если ложная информация влияет на процесс установления истины по делу в суде (она может относиться к характеристике личности человека принимающего решение) тогда

¹ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNew\)?OpenAgent&RN=106999-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew)?OpenAgent&RN=106999-6&02) (дата обращения: 06.03.2021).

почему те же действия в отношении должностного лица государственного органа власти не мешают реализации им должностных компетенций? Полагаем, что законодатель отказался от продолжения перечня разновидностей клеветы в отдельных статьях УК РФ, потому что рассматриваемое преступление относится к вмешательству в частную сферу жизни личности. В ситуациях, когда виновный путем клеветы старается помешать законной деятельности официальных лиц, объект уголовно-правовой охраны смещается с интересов личности на интересы государственной службы или правосудия. Тогда последствия конфликта успешно регулируются статьями, предусматривающими ответственность за воспрепятствование деятельности компетентных органов государства или иных лиц (например, ст. 141, 144, 169, 294, УК РФ).

Общественная опасность распространения ложных сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию человека неразрывно связана с личностью потерпевшего, и его восприятием тех последствий, которые он испытывает в результате действий злоумышленников: сокращение привычного круга общения, агрессивные высказывания или действия со стороны окружающих, ухудшение отношений внутри семьи или даже ее распад, лишение работы или места учебы и т.п. По той же причине уголовное преследование по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ возможно только по заявлению потерпевшего, так как ст. 20 УПК РФ считает неквалифицированный вид клеветы «делом частного обвинения» и допускает досудебное примирение сторон, не связанное с институтом освобождения от уголовной ответственности.

В свое время причиной устранения «традиционного состава клеветы» из УК РФ было не столько редкое применение ст. 129 УК РФ, как было уже отмечено, сколько желание потерпевших восстановить свои права, нарушенные неправомерным поведением виновных лиц и получить компенсацию морального вреда. Наилучшим образом обозначенные интересы жертв распространения ложной информации ранее сейчас удовлетворяют нормы гражданского законодательства (ст. 152 ГК РФ). Согласно официальным данным портала «Агентство правовой информации»¹ в 2019 года по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ было осуждено 64 человека, а оправдано 505. По ч. 2–5 той же статьи, — 7; 0; 9; 3 человека соответственно. Не изменилась ситуация и в 2020 году².

В отличие от основного состава клеветы, квалифицированные ее разновидности явно отображают именно общественную опасность, подчеркнутую социальную значимость действий злоумышленника. Во-первых, использование служебного положения при совершении исследуемого преступления влияет на степень опасности либо за счет особого доверия, которое испытывают люди к информации, исходящей от компетентного лица, либо за счет падения авторитета государственного органа (в случае распространения ложной информации о потерпевшем сотруднике государственной организации), либо за счет использования виновным официальных каналов распространения обозначенной информации. Во-вторых, распространение сведений, порочащих личность другого человека,

¹ См.: Судебная статистика. Портал «Агентство правовой информации». URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 06.04.2021).

² См.: *Линделл Д., Алехина М.* Сложнее бандитизма только клевета. По каким статьям чаще всего оправдывают российские суды. 10 июня 2020. Портал «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/06/11/5ed4d7099a79473ae5758b88> (дата обращения: 06.04.2021).

касающихся обвинения потерпевшего в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, равно как в посягательстве на половую неприкосновенность и половую свободу личности, существенно влияют на статус жертвы в социуме (иногда вплоть до увольнения или даже внесудебной расправы). Аналогичные негативные последствия может повлечь за собой и третий вариант клеветы — распространение ложных данных о наличии специфического заболевания, представляющего опасность для окружающих, у пострадавшего. Получение подобной информации действительно влияет на отношение людей к человеку и, как правило, не в позитивном ключе.

Представленные выше обстоятельства, с которыми законодатель связывает увеличение объема уголовной ответственности за клевету, не вызывают сомнений в их принадлежности к категории общественной опасности деяния. Вопрос о предписании, предусмотренном в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, на наш взгляд не обладает подобной однозначностью.

Публичное распространение информации, обладающей ограниченным правовым режимом использования (либо запрещенной к обороту) всегда затрагивает существенно основы социального взаимодействия, а потому, обладает общественной опасностью. Отечественный уголовный закон часто применяет указанный способ донесения сведений в качестве критерия дифференциации уголовной ответственности: ст. 110.1, 110.2, 205.2, 230, 242.1, 280 УК РФ и др. Одним из самостоятельных факторов публичности стоит назвать использование средств массовой информации при совершении запрещенных действий, упоминание которых в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, подчеркивает обязательства этих юридических лиц в обеспечении качества материалов, которые предоставляются для всеобщего обозрения.

В то же время публичная клевета, совершенная с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, — отнесена законодателем к квалифицированному виду состава, на наш взгляд, необоснованно. Информационно-телекоммуникационные сети (преимущественно сеть Интернет) давно стали одним из «мест» существования физических и юридических лиц, и, конечно, пространством для осуществления легальной и нелегальной деятельности. В частности, для оборота любых видов вербальной и иных форм информации. По состоянию на январь 2021 года пользователями сети Интернет являются 4,66 миллиарда человек¹. Таким образом, считать совершение преступления посредством информационно-телекоммуникационных сетей обстоятельством, отягчающим наказание или увеличивающим степень опасности правонарушения уже нельзя. Следует признать тот факт, что эта сфера — есть основное место циркулирования информационных потоков, характеризующаяся публичностью, и никакого эксклюзива в данной ситуации нет.

Выделение в качестве средства дифференциации уголовной ответственности за клевету большого круга потерпевших «нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных», обоснованно вызывает критические замечания [9]. Введен новый, не имеющей содержания (оценочный) термин в Федеральный закон. Попытки найти аналогичные смысловые конструкции в отечественном нормотворчестве к успеху не привели. Сравнение структурного признака так

¹См.: Самое важное о состоянии Интернета на 2021 год. URL: <https://fishki.net/photo/3614609-samoe-vazhnoe-o-sostojanii-interneta-na-2021-god.html> (дата обращения: 27.03.2021).

называемого «экстремистского мотива» — «мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 213 УК РФ) с категорией «индивидуально неопределенный круг лиц» позволяет найти некоторые параллели. Конкретизация потерпевших происходит не по индивидуальным признакам (большое число имманентно присущих данной личности свойств, позволяющих отличить ее от любого другого человека на этой планете), а по одному-двум свойствам, ограничивающих групповую принадлежность. Разграничить рассматриваемые признаки не представляется возможным. Кроме того, с внедрением очередного ненасыщенного смыслом словосочетания в диспозицию статьи, создана проблемная ситуация для правоприменителя. Возбуждение уголовного дела и последующее составление обвинительного заключения требуют установления всех потерпевших (физических или юридических лиц, либо государственных органов), что в данном случае может создать непреодолимую дилемму. При этом затруднения неизбежны и в применении ст. 75, 76 УК РФ, допускающих освобождение от уголовной ответственности по данной категории преступлений при удовлетворении всех потерпевших по делу. Если их круг изначально не должен быть определен, то виновные не смогут нейтрализовать последствия деликта.

Дополнительным аргументом, позволяющим безболезненно отказаться от нового отягчающего обстоятельства в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, считаем личностный характер клеветы (как традиционный вид посягательства на честь) достоинство и деловую репутацию человека, который раскрывали выше. В связи с чем «масовость» потерпевших в данном виде преступного поведения просто невозможна либо речь должна идти об ином объекте уголовно-правовой охраны, аналогично другим составам, чьи сущностные признаки объективной стороны также предполагают манипулирование информацией (например, ст. 207.1, 207.2 или 280 УК РФ).

Таким образом, с учетом вышеизложенного, предлагаем оптимизировать ч. 2 ст. 128.1 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Клевета, совершенная публично, а равно в средствах массовой информации, наказывается...». Публичность распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, — устоявшаяся в правоприменительной практике категория (используемая во многих статьях УК РФ), охватывающая аудиторию любых информационно-телекоммуникационных сетей. Отказ от описания в диспозиции статьи расширенного (до неопределенности) перечня потерпевших и типичных для современного человека приемов выражения мнения (в общедоступной сети Интернет) поможет стабилизировать стремительную динамику трансформации клеветы. С одной стороны, однозначность объекта уголовно-правовой охраны сохранит логичную процедуру инициирования уголовного преследования и позволит вовремя отказаться от него, если стороны конфликта придут к соглашению. Гуманизм и экономия уголовной репрессии — отличительные черты российского уголовного права. С другой стороны, устоявшийся и понятный как практикам, так и обывателям признак «публичности», охватывающий информационно-телекоммуникационную среду, продемонстрирует предусмотрительность и в чем-то прозорливость законодателя в эпоху стремительной и неизбежной цифровизации всех сфер жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Низовцева Н.Ф., Введенская М.В.* Понятие деловая репутация и имидж организации, основные отличия. Механизмы формирования деловой репутации организации // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 4.
2. *Пушкин А.С.* Капитанская дочка. СПб.: Лениздат, 2014. 319 с.
3. *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени: роман. СПб.: Лениздат, 2014. 222 с.
4. *Шекспир Уильям.* Король Лир. Кварто 1608. Фолио 1623 / изд. подготовил А.Н. Горбунов. М.: Наука, 2013. 373 с.
5. *Власова О.В.* Формирование представлений о чести и достоинстве личности в истории развития общества: эволюционно-правовое измерение // Вестник ПАГС. 2011. № 3. С. 44–50.
6. *Виноградов К.Б., Шарыгина Е.Б.* Уинстон Черчилль: молодые годы // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 146–165.
7. *Джафарова А.А.* Развитие отечественного уголовного законодательства о клевете до начала XX века // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 336–340.
8. *Чупрова А.Ю., Вавильчева Т.Ю.* К вопросу о криминализации клеветы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 126–131.
9. *Марина Нагорная.* За клевету в интернете предлагается ввести уголовную ответственность // Адвокатская газета. 2020. 17 дек.

References

1. *Nizovtseva N.F., Vvedenskaya M.V.* The Concept of Business Reputation and the Image of the Organization, the Main Differences. Mechanisms of Formation of Business Reputation of the Organization // Economics and management of innovative technologies. 2016. № 4.
2. *Pushkin A.S.* The Captain's Daughter. St. Petersburg: Lenizdat, 2014. 319 p.
3. *Lermontov M.Yu.* Hero of Our Time: a novel. St. Petersburg: Lenizdat, 2014. 222 p.
4. *William Shakespeare.* King Lear. Quarto 1608. Folio 1623 / ed. prepared by A.N. Gorbunov. M.: Nauka, 2013. 373 p.
5. *Vlasova O.V.* Formation of Ideas About the Honor and Dignity of the Individual in the History of the Development of Society: Evolutionary and Legal Dimension // Vestnik PAGS. 2011. № 3. P. 44–50.
6. *Vinogradov K.B., Sharygina E.B.* Winston Churchill: the Young Years. // New and recent history. 2000. No. 6. P. 146–165.
7. *Jafarova A.A.* Development of National Criminal Legislation on Libel Before the Beginning of the XX Century // Gaps in Russian legislation. 2014. No. 6. P. 336–340.
8. *Chuprova A.Yu., Vavilycheva T.Yu.* On the Issue of Criminalization of Libel // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 20. P. 126–131.
9. *Marina Nagornaya.* For Libel on the Internet, It Is Proposed to Introduce Criminal Liability. 2020. 17 Dec.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-137-144

УДК 343.4

Е.И. Климкина

КЛЕВЕТА В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Введение: в научных кругах клевета считается одним из интереснейших видов правонарушений, чья комплексная правовая природа позволяет законодателю регулярно производить с нею метаморфозы, в то же время усложняя рабочие моменты для правоприменителя. Своеобразие объекта правовой охраны и признаков потерпевшего, установленных последней редакцией ст. 128.1 УК РФ, помноженное на процессуальные особенности уголовного преследования за данное деяние, формирует нетривиальный клубок предпосылок для ошибочной квалификации. **Цель:** отследить последние трансформации уголовно наказуемой клеветы в контексте современной социальной ситуации, дать им научную юридическую оценку, выявить наиболее удачные и наименее конструктивные приемы законодателя. **Методологическая основа:** использовались общенаучные методы (системный, структурный методы) и методы правовых исследований (сравнительные и формально-правовые). **Результаты:** проанализированы предписания уголовного, административного, гражданского, а так же уголовно-процессуального законодательства в области регламентации ответственности за разглашение заведомо ложных сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию лица; аргументирована авторская позиция относительно отдельных признаков данного состава преступления и его квалифицированных разновидностей. **Выводы:** предлагается авторский комплекс научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию предписаний УК РФ и КоАП РФ в контексте современных представлений о тенденциях отечественного права.

Ключевые слова: клевета, квалифицированная клевета, правонарушения, квалификация клеветы, публичные действия, преступление в информационно-коммуникационной сети.

E.I. Klimkina

LIBEL IN MODERN CRIMINAL LAW

Background: in scientific circles, libel is considered one of the most interesting types of offenses, whose complex legal nature allows the legislator to regularly make metamorphoses with it, at the same time complicating working moments for the law enforcement officer. The peculiarity of the object of legal protection and the signs of the victim, established by the latest version of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, multiplied by the procedural features of criminal prosecution for this act, forms a non-trivial tangle of prerequisites for erroneous qualification. **Objective:** to track the latest transformations of criminal libel in the context of the current social situation, to give them a scientific legal assessment, to identify the most successful and least constructive methods of the legislator. **Methodology:** general scientific methods (systemic, structural methods) and methods of legal research (comparative and formal-legal ones). **Results:** the author analyzes the requirements of criminal, administrative,

© Климкина Елена Ивановна, 2021

Старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Klimkinaelena2010@yandex.ru

© Klimkina Elena Ivanovna, 2021

Senior Lecturer, Department of Criminal and penal enforcement law (Saratov State Law Academy)

civil, as well as criminal procedure legislation in the field of regulating liability for revealing deliberately false information that discredits the honor, dignity and business reputation of a person; argues the author's position on certain features of this crime and its qualified varieties. Conclusions: the author offers a set of scientifically based recommendations for improving the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Administrative Code of the Russian Federation, in the context of modern ideas about the trends of domestic law.

Key-words: *libel, qualified libel, offenses, qualification of libel, public actions, crime in the information and communication network.*

Клевета представляет собой сложное для юридического анализа явление, поскольку одновременно содержится в нормах нескольких отраслей права. С одной стороны, вред, причиняемый передачей ложных сведений, порочащих потерпевшего, является результатом гражданско-правового деликта (ст. 152 ГК РФ). Нарушаются личные неимущественные права граждан, что обычно влечет за собой утрату деловой репутации и (или) моральный вред. С другой стороны, клевета — классическое преступление, закрепленное в ст. 128.1 УК РФ, характеризующееся негативным поведением виновного лица в виде распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. С третьей стороны рассматриваемая категория представлена административно-наказуемым правонарушением, зафиксированным в ст. 5.61.1. КоАП РФ.

Неоднозначная общественная опасность клеветы позволила законодателю не только «организовать миграцию» этого вида деяния из УК РФ в КоАП РФ и обратно в 2011–2012 годах, но и отнести данное преступление (в области основного состава ст. 128.1 УК РФ) к делам частного обвинения в ст. 20 УПК РФ. Практически сложившаяся ситуация позволяет потерпевшему самостоятельно решать, в какой правовой плоскости воспринимать дискомфорт от действий злоумышленника: гражданско-правовой или уголовно-правовой. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 5 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»¹, отказ в возбуждении уголовного дела по статье Уголовного кодекса Российской Федерации, прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства. Даже после возбуждения уголовного дела оно может быть прекращено за примирением сторон. В то же время за жертвой клеветы сохраняется право одновременного уголовного преследования и реализации гражданского иска к виновному лицу, а следовательно осуществления разных видов ответственности.

Проведенное выше обобщение имеет значение по нескольким аспектам.

1. Очевидно, что вопросы квалификации клеветы (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ) во многом зависимы от восприятия ее пострадавшим. При этом состав рассматриваемого посягательства традиционно относят к так называемым формальным, то есть преступление считается оконченным до момента возникновения преступных

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 10.04.2021).

последствий, в данных обстоятельствах — в момент передачи хотя бы одному человеку сведений, составляющих предмет преступления. Возникает вопрос: как сопоставить данный факт с необходимостью волеизъявления потерпевшего для признания деяния заслуживающим внимания со стороны уголовного права?

Полноценная характеристика общественной опасности любого посягательства зависит не только от объекта уголовно-правовой охраны (в нашем случае — чести, достоинства, деловой репутации как группы значимых благ личности, декларированных в Конституции РФ), но и от существенности причиненного этому объекту вреда. «Непризнание обязательным элементом состава преступления общественно опасных последствий неизбежно приводит к расширению и ужесточению уголовной ответственности» [1, с. 163]. Каким образом можно зафиксировать негативные последствия для чести и достоинства, если эти категории относятся к этике и морали [2], не имеют четких границ и определений? «Честь и достоинство гражданина — высшая гуманитарная ценность, неотъемлемая составная часть правового статуса гражданина, важнейшая характеристика его нравственного облика» [3, с. 182]. Нормативного (или устоявшегося в юридической практике) определения не имеет также и категория «деловая репутация» [4].

Следовательно, оценить вредоносность распространения ложных порочащих сведений, а заодно и преступность содеянного может только сам потерпевший, что противоречит принципу законности по ч. 1 ст. 3 УК РФ. Статистика оправдательных приговоров по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ¹ подтверждает наш вывод.

При этом возможности гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации собственными силами гораздо шире потенциала уголовного права, когда речь идет о простой (неквалифицированной) клевете. В частности, согласно ст. 152 ГК РФ предусмотрено несколько способов пресечения начавшегося распространения негативных сведений о жертве: удаление информации; опровержение; публикация ответа потерпевшего; отзыв либо замена документов, содержащих ложные сведения; придание указанной информации статуса «не соответствующей действительности». Восстановление нарушенного личного права дополняется возмещением убытков, которые мог понести пострадавший, компенсацией морального вреда. Если сравнить эффект для потерпевшего от клеветы при применении норм гражданского права и права уголовного, то первое явно в приоритете.

С учетом положений ст. 20 УПК РФ относительно возможности прекращения уголовного преследования по обоюдному согласию потерпевшего и виновного в простой клевете роль уголовного права вообще сводится к нулю. Гражданско-правовая ответственность в случае обращения жертвы клеветы за защитой своих прав становится неизбежной, в то время как уголовная ответственность может так и не реализоваться. По-видимому, утверждать, что общественная опасность простой клеветы достаточна для отнесения ее к категории преступлений, нелогично.

Сказанное приводит нас к мысли об отсутствии должного уровня общественной опасности неквалифицированного вида клеветы для установления уголовного запрета, сопровождающегося не только уголовным наказанием, но и судимостью для виновных лиц. Предлагаем декриминализировать деяние,

¹ См.: Судебная статистика. Портал «Агентство правовой информации». URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 06.04.2021).

закрепленное сейчас в ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, что позволит достичь следующих целей: снижения уровня уголовной репрессии за посягательства на четко не определенный в праве объект; устранения противоречия между критериями фиксированной общественной опасности в диспозициях статей Особенной части УК РФ (по правилам ст. 3 УК РФ) и мнением потерпевшего на этот счет. Адекватным будет создание (точнее восстановление) административно наказуемого правонарушения в ст. 5.60 КоАП РФ в прежней редакции.

В свою очередь, социальное значение публичной разновидности исследуемого состава, в том числе в средствах массовой информации или информационно-коммуникационных сетях общего доступа, бесспорно. Официальные данные правоохранительных органов свидетельствуют о чрезвычайной распространенности преступного поведения, сопровождающегося использованием сети Интернет [5]. Законодатель уже активно использует указанное обстоятельство (совершение преступления посредством информационно-коммуникационных сетей) в качестве признака, дифференцирующего уголовную ответственность за преступления, предусмотренные ст. 110.2, 137, 205.2, 230, 280, 280.1 УК РФ и др. Полагаем, что в продолжение указанной тенденции, отражающей действительную уголовную политику, стоит использовать тот же прием законодательной техники применительно к составам деяний, запрещенных ст. 207, 207.1, 207.2, 275, 276, 306, 311, 319 УК РФ.

Совершение клеветы лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 128.1 УК РФ), а также особое значение распространяемых сведений (ч. 4 и ч. 5 ст. 128.1 УК РФ) не вызывают сомнений в высоком уровне социальной значимости подобных действий и существенности нарушения прав и свобод потерпевшего.

2. КоАП РФ устанавливает ответственность юридических лиц только за простую клевету (судя по диспозиции ст. 5.61.1 УК РФ). Таким образом, созданы несправедливые условия возложения юридической ответственности за рассматриваемое деяние для юридических и физических лиц. При совершении тех же действий публично средствами массовой информации или иными организациями (в сети Интернет, например) ответственность наступает только для граждан и только уголовная. Ни для кого не будет секретом предположение о том, что именно организации разного рода составляют средства массовой информации, упоминаемые в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ. Согласно п. 2 ст. 49 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации»¹ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2021 г.) не сама редакция (допустим, периодического издания или интернет-портала), но журналисты, чьи материалы подлежат опубликованию, обязаны проверять достоверность сообщаемой ими информации. Таким образом, соответствующее предписание КоАП РФ для юридических лиц призвано усилить контроль над качеством принимаемых и тиражируемых материалов. Тем более непоследовательным выглядит отсутствие в ст. 5.61.1 КоАП РФ обстоятельств совершения клеветы публично, с использованием средства массовой информации или информационно-коммуникационных сетей. Более того, допуская материал к распространению от имени юридического лица, ответственный сотрудник вполне может увидеть в тексте не только элементы экстремизма или призывы

¹См.: Российская газета. 1992. 8 февр.

к суицидальному поведению (запрещенные к размещению), но и признаки обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 128.1 УК РФ) либо сведения о болезни, представляющей опасность для окружающих (ч. 4 ст. 128.1 УК РФ). Превентивные меры, призванные сократить массовое распространение ложных и порочащих честь, достоинство и деловую репутацию индивида сведений путем возложения административной ответственности за клевету на юридических лиц, будут последовательны при условии создания возможности применения соответствующего положения КоАП РФ и при квалифицированных видах клеветы.

3. Продолжая обсуждение специфики объекта уголовно-правовой охраны от посягательства (все та же ст. 128.1 УК РФ), нельзя обойти вопрос и о признаках потерпевшего. Диспозиция обозначенной статьи указывает в качестве такового «лицо». Аналогичная формулировка использована и в ст. 5.61.1 КоАП РФ. Как известно, лица могут быть физическими и юридическими, но все ли они обладают способностью быть жертвой клеветы?

Доктринальные основы [6] уголовного права, а также приемы кодификации УК РФ и КоАП РФ, использующие в своей основе группировку правонарушений в зависимости от сферы жизнедеятельности, в рамках которой совершаются те или иные деяния, приводят к выводу об ограничении круга возможных потерпевших категорией «физические лица». Расположение соответствующего состава в главах «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» и «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» не допускает иных трактовок. В то же время Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 5 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» предоставляет всем лицам равные права в восстановлении «честного имени».

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, также отражает непоследовательность законодателя в решении вопросов обеспечения прав и свобод участников общественных отношений. Подрыв деловой репутации организации автоматически бросает тень на репутацию работников. И наоборот: некорректное или преступное поведение отдельных членов коллектива может испортить рейтинг всей компании. Распространение ложных и порочащих сведений одинаково выбивает из привычного ритма жизни как граждан, так и организации (которые состоят из граждан). Стоит ли проводить столь четкое разграничение между жертвами клеветы, когда речь идет о применении средств публичной ответственности? Как полагаем, трудности наблюдаются в использовании законодателем категорий «честь» и «достоинство», олицетворяющих личные неимущественные блага граждан, отсутствующие по понятным причинам у организаций и учреждений. Наличие указанных видов личных благ у физических лиц не должно стать помехой при охране деловой репутации юридических лиц. Преодоление противоречия видится нам в изменении местоположения клеветы в соответствующих федеральных законах. С учетом неконкретизированности содержания терминов «честь», «достоинство» и «деловая репутация», неопределенности негативных последствий, причиняемых потерпевшему, а также предложенной ранее декриминализации простой клеветы опасность этого правонарушения мы усматриваем в нарушении общественной нравственности путем распространения

ложной и дискредитирующей физических и юридических лиц информации. Таким образом, уголовно наказуемая клевета должна появиться в 25 главе УК РФ, а административно наказуемая — в гл. 6 КоАП РФ.

4. Разнообразие сведений, составляющих клевету, а также большое число видов ее распространения создают вариативность общественной опасности этого посягательства. Неслучайно вопрос привлечения именно к уголовной ответственности за него тесно связан с мнением потерпевшего относительно существенности нарушенных прав. В зависимости от конкретной жизненной ситуации и личностных свойств жертвы одна и та же ложная информация, порочащая лицо, может восприниматься либо спокойно, либо с юмором, либо крайне эмоционально (негативно). Единственным объективным критерием, позволяющим дифференцировать более опасную для личности клевету от менее опасной, служит преступный результат, вред, причиненный жертве. Искаженное мнение окружающих о человеке может не отразиться на его жизни или даже помочь «отрезать» от общения недостойных людей. Другой сценарий последствий клеветы, наоборот, способен разрушить привычные связи (семейные, коллективные, дружеские) и сформировать невыносимую для существования атмосферу упреков, издевательств и угроз. Традиционный для отечественного уголовного права институт преступлений с так называемой «двойной формой вины» успешно используется законодателем для дифференциации уголовной ответственности за ряд умышленных преступлений.

Введение еще одной части в ст. 128.1 УК РФ поможет корректно наказывать виновных лиц в тех случаях, когда, распространяя заведомо ложную и порочащую информацию, они должны были (и могли) предполагать крайне негативные последствия своих действий в отношении индивидуально определенного потерпевшего. Чрезмерные психоэмоциональные нагрузки вследствие клеветы могут спровоцировать ухудшение состояния здоровья пожилых людей или лиц, страдающих серьезными хроническими заболеваниями. «Также клевета может привести, например, к срыву значимой коммерческой сделки, к потере единственного источника дохода потерпевшего, что позволяет предложить выделение в качестве особо квалифицирующего признака клеветы наступление тяжких последствий» [7]. Тяжкие последствия в виде увольнения с работы по инициативе работодателя, расторжения брака, потери клиентской базы, прекращения бизнеса и др. будут, таким образом, учтены при формировании санкции законодателем.

Обобщая все сказанное выше, предлагаем внести следующие изменения в нормативное описание клеветы;

Перемещение клеветы (как в УК РФ, так и в КоАП РФ) из группы посягательств на интересы личности в группу правонарушений, подрывающих общественную нравственность.

Декриминализация простой (неквалифицированной) клеветы с восстановлением в КоАП РФ соответствующей статьи, предусматривающей ответственность физических лиц.

Изложение дефиниции простой клеветы в КоАП РФ в следующей редакции: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь

и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию либо репутацию юридического лица, наказывается...».

С учетом декриминализации основного состава ст. 128.1 УК РФ сформулировать следующим образом:

« а) публичная клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию либо репутацию юридического лица, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных;

б) клевета, совершенная с использованием своего служебного положения;

в) клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих;

г) клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности либо тяжкого или особо тяжкого преступления;

д) клевета, повлекшая за собой наступление тяжких последствий».

Статью 5.61.1 КоАП РФ расширить за счет включения в нее ответственности юридических лиц за квалифицированные виды клеветы.

Библиографический список

1. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Городец, 2007.

2. *Разгильдиев В.Т., Насиров Н.И.* Достоинство и честь человека и их уголовно-правовая охрана // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112).

3. *Ворошилова А.В.* Защита чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц в условиях современности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 2. С. 182–184.

4. *Килинкарров В.В.* К вопросу о понятии деловой репутации в российском праве // Вестник СПбГУ. Сер. 14: Право. 2011. № 1.

5. *Петров Иван.* МВД: В РФ выросло число преступлений в Интернете и в лесной сфере // Российская газета. 2020. 7 окт.

6. *Чередниченко Е.Е.* Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики). М.: Юрлитинформ, 2010. 141 с.

7. *Харитонов И.И.* Тенденции совершенствования норм об уголовной ответственности за клевету // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3.

References

1. *Kuznetsova N.F.* Problems of Qualification of Crimes: Lectures on the special course “Fundamentals of Qualification of Crimes”. M., 2007.

2. *Razgildiev V.T., Nasirov N.I.* Dignity and Honor of a Person and Their Criminal-Legal Protection // Bulletin of the SSLA. 2016. No. 5 (112).

3. *Voroshilova A.V.* Protection of Honor, Dignity and Business Reputation of Individuals and Legal Entities in the Conditions of Modernity // Actual Problems of Humanities and Natural Sciences. 2010. No. 2. P. 182–184.

4. *Kilinkarov V.V.* On the Question of the Concept of Business Reputation in Russian Law // Vestnik SPbU. Series 14. Law. 2011. No. 1.

5. *Petrov Ivan*. Ministry OF Internal Affairs: In the Russian Federation, the Number of Crimes on the Internet and in the Forest Sector Has Increased // *Rossiyskaya gazeta*. 2020. 07.10.

6. *Cherednichenko E.E.* Slander and Insult: Criminal-Legal Analysis (problems of theory and practice). Moscow: Yurlitinform, 2010. 141 p.

7. *Kharitonov I.I.* Trends in Improving the Norms on Criminal Liability for Libel // Gaps in Russian Legislation. 2015. No. 3.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-145-152
УДК 343.8

И.А. Смирнов

ПИСЬМЕННЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА С ПОЛОЖИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРИЗУЮЩИМИСЯ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Введение: для улучшения психолого-педагогической работы с осужденными необходимы инновационные предложения, способствующие повышению эффективности процесса ресоциализации. Предлагается ввести некоторые меры, направленные на самосознание и самодисциплину осужденных, мотивирующие их на положительное поведение и в то же время помогающих постепенной адаптации в свободное общество. **Цель:** повысить эффективность процесса исправления и ресоциализации положительно характеризующихся осужденных к лишению свободы. **Методологическая основа:** формально-юридический и логический метод, метод изучения нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой, анкетирования, статистический метод. **Результаты:** ретроспективный анализ советского пенитенциарного законодательства, а также актов уголовно-исполнительного законодательства некоторых стран Содружества Независимых Государств (СНГ), теоретико-эмпирическое исследование позволяют утверждать о возможности заключения письменных обязательств с осужденными, стимулирующие их положительное поведение и осуществляющие их постепенное восстановление в обществе. **Выводы:** выявлены особенности письменных обязательств о законопослушном поведении осужденных к лишению свободы; с учетом научной проработки данного вопроса в перспективе предлагается закрепить письменно обязательства (учитывая определенные особенности) законопослушного поведения осужденных к лишению свободы в уголовно-исполнительном законодательстве, основанием которого бы являлось приравнивание такого осужденного к начальной степени исправления положительно характеризующихся.

Ключевые слова: ресоциализация, положительно характеризующиеся осужденные к лишению свободы, письменные обязательства о законопослушном поведении, степени исправления.

I.A. Smirnov

WRITTEN OBLIGATIONS WITH POSITIVELY CHARACTERIZED PRISONERS SENTENCED TO IMPRISONMENT AS AN ELEMENT OF THEIR REINTEGRATION INTO SOCIETY

Background: strengthening psychological and pedagogical work with convicts requires innovative proposals that contribute to improving the efficiency of the process of re-

© Смирнов Иван Андреевич, 2021

Преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета (Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации); e-mail: vanosmirnovivan@rambler.ru

© Smirnov Ivan Andreevich, 2021

Lecturer, Department of Civil law disciplines of the Faculty of law (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation)

socialization. Specific measures aimed at self-awareness and self-discipline of convicts, motivating their positive behavior and at the same time implementing a gradual process of entering a free society, are proposed. Objective: improving the efficiency of the process of correction and re-socialization of positively characterized persons sentenced to imprisonment. Methodology: formal legal method, logical method, method of studying normative legal acts, comparative legal method, questionnaire method, statistical method. Results: a retrospective analysis of the Soviet penitentiary legislation, as well as acts of the penal enforcement legislation of some countries of the Commonwealth of Independent States (CIS), theoretical and empirical research allow us to assert the possibility of concluding written obligations with convicts that stimulate their positive behavior and carry out their gradual restoration in society. Conclusions: the features of written obligations on the law-abiding behavior of persons sentenced to imprisonment are revealed; taking into account the scientific study of this issue, it is proposed in the future to fix in writing the obligations (taking into account certain features) of the law-abiding behavior of persons sentenced to imprisonment in the penal enforcement legislation, the basis of which would be the equalization of such a convict to the initial degree of correction of positively characterized.

Key-word: re-socialization, positively characterized persons sentenced to imprisonment, written commitments on law-abiding behavior, degrees of correction.

С принятием в 2010 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одним из основных направлений, требующих преобразований являлась психолого-педагогическая работа с осужденными. Так, задачей для достижения поставленных целей являлось изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных с усилением психолого-педагогической работы с личностью¹. Между тем принятая в 2021 г. новая Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. не делает акцент на усиление данной работы, но в данном документе отмечается необходимость совершенствования воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными². Следует отметить, что одним из составляющих психолого-педагогической работы с осужденными выступают методы убеждения и принятие ответственности за свои действия. Известный факт, что наказание прежде всего связано с методами принуждения, выполнение предписанных законом действий в случае совершения общественно опасного деяния. Однако в период исполнения наказания осужденных к лишению свободы необходимо готовить к добропорядочной и честной жизни в обществе и одни императивные методы не всегда будут целесообразны в их ресоциализации. В.Г. Деев отмечал, что «проблема рационального сочетания методов убеждения и принуждения — одна из существенных для ИТУ³...» [1, с. 18]. В связи с этим необходим инновационный подход, который сформировал бы у осужденных чувство ответственности за свои деяния и обещания не нарушать установленный

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» (ред. от 23 сентября 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2021).

³ ИТУ расшифровывается как исправительно-трудовые учреждения (в период СССР), в настоящее время — исправительные колонии (прим. авт.).

порядок отбывания наказания, осуществлял бы их нравственное перенацеливание. Полагаем, что таким подходом могло бы стать заключение с осужденными письменных обязательств о законопослушном поведении. Кроме того, считаем, что заключение такого обязательства на начальном этапе отбывания наказания, позволяет говорить о начальных этапах исправления осужденных.

Ретроспективный взгляд советской практики и анализ исправительно-трудового законодательства позволяет отметить, что подобный опыт уже имелся и проявлялся он в следующем: в целях придания большей значимости, осужденного, подлежащего освобождению, могла быть взята подписка «с заверением честным трудом и примерным поведением заслужить хорошее к себе отношение граждан и семьи». Кроме этого, освобождение осужденных могло оформляться неким «ритуалом», где сотрудники исправительного учреждения (далее — ИУ) призывали бывшего заключенного достойно вести себя на свободе [2, с. 135].

Одним из условий условного освобождения осужденного из ИУ является привлечение к труду осужденного с примерным поведением. Соответствующее обязательство давалось в письменной форме¹. В.А. Елеонский по данному поводу писал, что такое условное освобождение применяется к лицам, вставшим на путь исправления, о чем свидетельствует их письменное обязательство доказать свое исправление в будущем [3, с. 97].

Отметим, что подобная практика имеется в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Беларусь. Принятие осужденным письменного обязательства подразумевает под собой собственноручное изложение осужденным намерений о соблюдении установленных правил отбывания наказания, добросовестного отношения к труду, возмещения ущерба и другие намерения. Юридическим последствием принятия соответствующего обязательства осужденными к лишению свободы является перевод на улучшенные условия отбывания наказания, возможность участия в самодеятельных организациях осужденных (в т.ч. если осужденный не является злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания и имеет соответствующее желание), приравнивание осужденного к степени «вставшего на путь исправления»².

В других странах СНГ также упоминается об использовании с осужденными определенных договоренностей и соглашений. Так, согласно Постановлению Правительства Кыргызской Республики от 26 февраля 2014 г. № 105 «Об утверждении Временной инструкции по оказанию социального содействия осужденным и лицам, освободившимся из исправительных учреждений» между осужденным, который готовится к освобождению из ИУ, и администрацией ИУ заключается

¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 марта 1983 г. «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 10, ст. 319; Закон РСФСР от 18 декабря 1970 г. «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР» (вместе с «Исправительно-трудовым кодексом РСФСР») (в ред. от 25 мая 1989 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51, ст. 1220.

² См.: Постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 10 ноября 2010 г. № 353 «Об аттестации осужденных к лишению свободы, деятельности самодеятельных организаций». Информационно-поисковая система (ИПС) «ЭТАЛОН-ONLINE». URL: https://etalonline.by/document/?regnum=w21123515&q_id=2367422 (дата обращения: 08.05.2021); Кодекс Республики Беларусь № 365-З от 11 января 2000 г. «Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь». Информационно-поисковая система (ИПС) «ЭТАЛОН-ONLINE». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК0000365> (дата обращения: 08.05.2021).

соглашение об оказании социального содействия в трудовом и бытовом устройстве. Осужденный имеет право отказаться от подобного соглашения¹.

В Молдавии с освободившимся из мест лишения свободы с осужденными могут быть заключены соглашения с советником пробаации. Данное соглашение предусматривает оказание постпенитенциарной помощи².

Уголовно-исполнительное законодательство Республики Туркменистан отмечает, что разработка и применение системы льгот, а также различных методов обращения с определенными категориями осужденных призвана добиваться их сотрудничества с администрацией ИУ³.

Остановимся на вопросе подобных договоренностей и соглашений в РФ. Институт компромисса имеет научную разработку в уголовно-правовой среде, под этим термином понимается соглашение, заключенное между государством в лице правоохранительных органов и преступником. Результатом такого соглашения для нарушителя является смягчение уголовной ответственности (минимизация отрицательных правовых последствий совершенного преступления) в связи с его положительным постпреступным поведением, совершении им позитивных поступков [4, с. 5; 5 с. 4; 6 с. 252].

О возможности использования компромиссов в уголовно-исполнительной сфере предлагает В.Е. Южанин, который указывает, что в отношении осужденных, избравших правопослушный образ жизни необходима определенная система регулирования их отношений, которая могла бы предусматривать возможность договоров и компромиссов [7, с. 17]. Об этом косвенно упоминали следующие исследователи: Б.З. Маликов указывает на конструктивное сотрудничество в деятельности работников УИС [8, с. 207]; В.И. Белослудцев основным принципом исправительной работы сотрудников с осужденными видит в организации сотрудничества на основе диалога [9, с. 25]; Ю.А. Кашуба указывает, что при досрочном освобождении особое внимание должно быть обращено на взятие с осужденных обязательств об устранении отрицательных черт характера и вредных привычек [10, с. 30]; А.А. Семин указывает на обязательность применения такого института не только при освобождении лица от уголовной ответственности, но и «в процессе реализации уголовной ответственности во всех ее формах» [4, с. 9].

Полагаем, что целесообразней руководствоваться понятием «письменные обязательства», подразумевающие определенные договорные отношения в пенитенциарной сфере. Вместе с тем отметим, что было проведено исследование относительно мнения сотрудников ИУ, деятельность которых непосредственно сопряжена с осужденными к лишению свободы (режимные службы, отделы по воспитательной работе с осужденными, психологические лаборатории и др.), о целесообразности заключения обязательств в письменном виде о законопослушном

¹ См.: Постановление Правительства Кыргызской Республики от 26 февраля 2014 г. № 105 «Об утверждении Временной инструкции по оказанию социального содействия осужденным и лицам, освободившимся из исправительных учреждений». Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/96152/10?mode=tekst> (дата обращения: 08.05.2021).

² См.: Министерства Юстиции Республики Молдова от 30 декабря 2019 г. № 347 «Об утверждении Положения о планировании пробаации». Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=119918&lang=ru (дата обращения: 08.05.2021).

³ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Туркменистана от 25 марта 2011 г. № 164-IV. Официальный сайт Министерства адалат Туркменистана. URL: <http://www.minjust.gov.tm/mcenter-single-ru/31> (дата обращения: 08.05.2021).

поведении с осужденными к лишению свободы, по результатам которого были получены следующие выводы: 1) 53,8% — проанкетированных сотрудников отметили целесообразность таких обязательств, т.к. это является стимулом для дополнительной ответственности; 2) 46,2% — отметили нецелесообразность. В целом мы можем видеть, что преобладает положительное мнение в данном вопросе.

Думается, что принятие письменных обязательств от осужденных к лишению свободы характеризует начальную степень положительного поведения. Дополнительно отметим, что в отношении положительно характеризующихся осужденных назрела необходимость нормативного определения степеней исправления с обозначением конкретных материальных оснований, выраженных в определенных критериях и признаках их исправления. На это указывает расхождение мнений сотрудников ИУ, судей, прокуроров относительно оценки поведения осужденных, толкования некоторых норм уголовно-исполнительного законодательства, связанные с отмеченным аспектом [11, с. 4–5]. Поэтому считаем, что первая степень исправления положительно характеризующихся осужденных могла бы быть присвоена осужденным к лишению свободы, принявшим письменные обязательства о законопослушном поведении.

Письменные обязательства с осужденными в первую очередь должны быть основаны на добровольных началах. Считаем, что содержание письменных обязательств о правопослушном поведении может быть следующим:

1) со стороны осужденного — соблюдение установленного порядка отбывания наказания, распорядка дня, поддержание социально-полезных связей, обучение (общеобразовательное, высшее, профессиональное), выполнение работ без оплаты труда по благоустройству ИУ и прилегающих к ним территорий, участие в воспитательных и социально-значимых мероприятиях, прохождение психологического тестирования, отказ от поддержания отношений с отрицательно характеризующимися осужденными и воровских традиций, намерения об устранении негативных черт характера и вредных привычек и другие обязательства;

2) со стороны администрации ИУ — постепенный перевод из одних условий отбывания лишения свободы в другие, сокращение срока перевода в облегченные условия отбывания наказания на 1/3 при соблюдении намерений, установленных в письменных обязательствах.

Тем самым в отношении положительно характеризующихся осужденных будет выстроена определенная система исправительного воздействия и ресоциализация данного действия должна заключаться не только в императивном соблюдении этих норм, но и в стимулировании добровольного их исполнения, что пробуждает и воспитывает самодисциплину. В данном случае одним из важных элементов процесса исправления и ресоциализации осужденных выступает их побуждение к совершению позитивных поступков на добровольной основе. Согласимся с мнением Х.Д. Аликперова, который отмечает, что аспект компромисса заключается не в продолжительности исправительного воздействия, а переносится на «психологию раскаяния, которая побуждает к совершению действий, связанных с самовоспитанием» [12, с. 11]. Г.В. Строева, занимаясь исследованием проблем самоисправления осужденных, отмечает, что в их исправлении важна активность самих осужденных (один из основных принципов в пенитенциарной педагогике) [13, с. 263]. Полагаем, что письменные обязательства о законопос-

лушном поведении с осужденными к лишению свободы должны оказать позитивное влияние на их самоисправление.

Вспомогательная функция письменных обязательств может заключаться в дополнительном стимуле соблюдения установленного порядка отбывания наказания. Например, согласно данным Федеральной службы исполнения наказаний за 2019 г. увеличился уровень нарушений установленного порядка отбывания наказания в ИУ Уголовно-исполнительной системе в расчете на 1000 человек на 11,1%. В сложившихся условиях, когда традиционного воздействия на осужденных с целью соблюдения режима и привития навыков законопослушного поведения недостаточно (привлечение к мерам дисциплинарного воздействия), возникает необходимость увеличения возможностей их соблюдения, что является вполне обоснованным принятием таких мер.

Таким образом, учитывая вышеизложенное резюмируем следующие выводы:

1) особенность письменных обязательств о законопослушном поведении должна выражаться в следующем: учитываться при определении степени исправления (необходимое условие для присвоения начальной степени исправления положительно характеризующихся осужденных), иметь добровольный характер, предполагать собственноручное изложение намерений и публичное принятие соответствующего письменного обязательства; подразумевать принятие со стороны администрации ИУ стимулирующих мер по выполнению намерений изложенных в обязательстве;

2) дальнейшая научная разработка данной тематики позволяет говорить о повышении эффективности исправительного и ресоциализационного воздействия на осужденных к лишению свободы, что в перспективе могло бы стать предложением о внесении дополнений в уголовно-исполнительное законодательство.

Библиографический список

1. Деев В.Г. Теоретические вопросы изучения и переориентации направленности личности осужденных молодежного возраста // Специфика изучения и переориентации направленности личности осужденных, содержащихся в ИТУ: материалы IV научно-практической конференции, проведенной в октябре 1978 г. на базе общественной лаборатории при ОИТУ УВД Тамбовского облисполкома. Рязань: РВШ МВД СССР, УВД Тамбовского облисполкома, 1979 г. С. 17–23.

2. Ротманов В.М. Роль подготовки осужденных к освобождению в закреплении положительной направленности их личности // Специфика изучения и переориентации направленности личности осужденных, содержащихся в ИТУ: материалы IV научно-практической конференции, проведенной в октябре 1978 г. на базе общественной лаборатории при ОИТУ УВД Тамбовского облисполкома. Рязань: РВШ МВД СССР, УВД Тамбовского облисполкома, 1979 г. С. 133–136.

3. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1984. 108 с.

4. Семин А.А. Уголовно-правовой компромисс и его влияние на ответственность субъекта: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Минск, 2006. 21 с.

5. Терских А.И. Компромисс в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 30 с.

6. Фильченко А.П. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2 (20). С. 251–259.

7. Южанин В.Е. Современные проблемы классификации осужденных и распределение их в исправительном учреждении // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2 (20). С. 14–18.
8. Маликов Б.З. Лишение свободы в политике наказания и законодательстве России: монография. Самара: Изд-во Самарского юридического института Минюста России, 2003. 230 с.
9. Белослудцев В.И. Педагогические основы исправления осужденных к длительным срокам лишения свободы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2000. 44 с.
10. Кашуба Ю.А. Отношение к совершенному деянию и возможность досрочного освобождения // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 4. С. 28–30.
11. Поэтапная ресоциализация положительно характеризующихся осужденных: практические рекомендации / В.Е. Южанин, И.А. Смирнов. Рязань: Академия ФСИН России, 2020. Кн. 157. 34 с.
12. Аликперов Х.Д., Зейналов М.А. Компромисс в борьбе с преступностью. М., 1999. 84 с.
13. Строева Г.В. Самоисправление осужденных // Вектор науки Тольятинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. 2011. № 4 (7). С. 263–267.

References

1. Deev V.G. Theoretical Issues of Studying and Reorienting the Personality Orientation of Youth Convicts // The Specifics of Studying and Reorienting the Orientation of the Personality of Convicts Held in Correctional Labor Institutions. Materials of the IV scientific and practical conference held in October 1978 on the basis of the public laboratory at the OITU of the Department of Internal Affairs of the Tambov Regional Executive Committee. Ryazan: RVSH of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Department of Internal Affairs of the Tambov Regional Executive Committee, 1979. P. 17–23.
2. Rotmanov V.M. The Role of Preparing Convicts for Release in Strengthening the Positive Orientation of Their Personality // The Specifics of Studying and Reorienting the Orientation of the Personality of Convicts Held in Correctional Labor Institutions. Materials of the IV scientific and practical conference held in October 1978 on the basis of the public laboratory at the OITU of the Department of Internal Affairs of the Tambov Regional Executive Committee. Ryazan: RVSH of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Department of Internal Affairs of the Tambov Regional Executive Committee, 1979. P. 133–136.
3. Eleonsky V.A. Incentive Norms of Criminal Law and Their Significance in the Activities of Internal Affairs Bodies. Khabarovsk: Khabarovsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1984. 108 p.
4. Semin A.A. Criminal Law Compromise and Its Impact on the Responsibility of the Subject: extended abstract. diss. cand. of law. Minsk, 2006. 21 p.
5. Terskikh A.I. Compromise in Russian Criminal Law: extended abstract. diss. cand. of law. Ekaterinburg, 2013. 30 p.
6. Filchenko A.P. Compromise as a Method of Criminal Law Regulation // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2013. No. 2 (20). P. 251–259.
7. Yuzhanin V.E. Modern Problems of Classification of Convicts and Their Distribution in a Correctional Institution // Criminal executive law. 2015. No. 2 (20). P. 14–18.
8. Malikov B.Z. Incarceration in the Policy of Punishment and Legislation of Russia: monograph. Samara: Publishing House of the Samara Law Institute of the Ministry of Justice of Russia, 2003. 230 p.
9. Belosludtsev V.I. Pedagogical Bases of Correction of Convicts to Long Terms of Imprisonment: extended abstract. diss. cand. of law. Chelyabinsk, 2000. 44 p.

10. *Kashuba Yu.A.* Attitude to the Committed Act and the Possibility of Early Release // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2017. No. 4. P. 28–30.
11. Step-by-step Re-socialization of Positively Characterized Convicts / V.E. Yuzhanin, I.A. Smirnov. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. Book 157. 34 p.
12. *Alikperov Kh.D., Zeynalov M.A.* Compromise in the Fight Against Crime. Moscow, 1999. 84 p.
13. *Stroeve G.V.* Self-Correction of Convicts // Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Pedagogy, Psychology. 2011. No. 4 (7). P. 263–267.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-153-159

УДК 655

М.И. Удалов, М.А. Шибалова

АКТУАЛЬНЫЕ СХЕМЫ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ НАЛОГОВОГО ВЫЧЕТА И СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

Введение: существующая в Российской Федерации налоговая система позволяет вернуть часть ранее уплаченного налога от дохода физических лиц в виде налогового вычета. Довольно часто граждане прибегают к разнообразным незаконным способам получения налогового вычета, в такой ситуации законодатели вынуждены реформировать сложившуюся не только налоговую, но также банковскую и бюджетную системы для противодействия получению налогового вычета путем использования мошеннических схем. **Цель:** анализ существующих видов мошенничества при получении инвестиционного, социального и имущественного налогового вычета, а также поиск наиболее эффективных способов противодействия им и профилактики совершения указанных незаконных действий среди граждан. **Методологическая основа:** юридический анализ существующего порядка получения налогового вычета, совокупность диалектического и системного методов исследования. Также в работе был использован формально-юридический метод — именно он позволил выявить определенные пробелы в законодательной базе налогового права путем интерпретации юридических фактов в логической последовательности. **Результаты:** предложены способы противодействия совершению налоговых преступлений, призванные наиболее эффективным образом повлиять на сокращение случаев получения налогового вычета незаконным путем. **Вывод:** в научной работе авторы выделили несколько вариантов противодействия указанным схемам мошенничества.

Ключевые слова: налоговое право, налоговый вычет, мошенничество, пробелы законодательной базы, инвестиционный счет, договор страхования жизни, имущественный налоговый вычет.

M.I. Udalov, M.A. Shibalova

CURRENT SCHEMES OF FRAUD IN OBTAINING A TAX DEDUCTION AND WAYS TO COUNTERACT THEM

Background: the existing tax system allows you to return part of the previously paid tax from the income of individuals in the form of a tax deduction. Quite often,

© Удалов Максим Игоревич, 2021

Старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса (Юридический институт Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых)

© Шибалова Мария Алексеевна, 2021

Студентка Юридического института (Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых); e-mail: masha.shibalova2001@gmail.com

© Udalov Maksim Igorevich, 2021

Senior Lecturer, Department of Civil law and procedure (Law Institute of the Vladimir State University named after Aleksander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov)

© Shibalova Maria Alekseevna, 2021

Student of the Law Institute (Vladimir State University named after Aleksander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov)

citizens resort to various illegal methods of obtaining tax deductions, in such a situation legislators are forced to reform the existing not only tax, but also the banking and budget systems to counteract the receipt of tax deductions through the use of fraudulent schemes. Objective: analysis of existing types of fraud in obtaining investment, social and property tax deduction, as well as finding the most effective ways to counteract and prevent the commission of these illegal actions among citizens. Methodology: legal analysis of the existing procedure for obtaining a tax deduction, a set of dialectical systemic research methods. Also in this work the formal legal method was used. This method involves the study of legal facts, their interpretation in a logical sequence using special legal terms and constructions, which made it possible to identify certain gaps in the legislative base of tax law. Results: the methods of countering the commission of tax crimes are proposed, designed to most effectively influence the reduction of cases of obtaining a tax deduction by illegal means. Conclusion: in the scientific work, the authors identified several options for countering these fraud schemes.

Key-words: tax law, tax deduction, fraud, gaps in the legal framework, investment account, life insurance contract, property tax deduction.

На данном этапе развития нашей страны можно говорить о том, что люди тратят крупные суммы денег на себя и нужды своих близких, не имея в своем большинстве достойного уровня дохода. В такой ситуации государство позволяет вернуть часть от потраченной суммы, то есть получить налоговый вычет в размере 13%. Но не каждый стремится поступать добросовестно по отношению к согражданам или государству: в последние годы участились случаи мошенничества при получении налогового вычета.

Схемы мошенничества каждый год совершенствуются, однако среди них остаются наиболее проверенные и простые, которые нарушают закон, а проверить их на соответствие российскому законодательству порой бывает затруднительно.

Представляется логичным начать с разбора налогового вычета как возможности вернуть ранее уплаченный налог в размере 13%. Налоговый вычет может получить налоговый резидент, который официально работает и платит подоходный налог 13%. Сам факт наличия российского гражданства не является определяющим фактором для статуса резидента РФ, так как важно не только быть гражданином, но и проживать в Российской Федерации большую часть календарного года (183 дня на протяжении 12 месяцев, причем данный период не считается прервавшимся, если лицо выезжало за пределы РФ на срок менее полугода для обучения/лечения/исполнения трудовых обязанностей).

Одним из видов вычетов является инвестиционный налоговый вычет.

По законодательству гражданин может иметь только один открытый инвестиционный счет в банке. Данное положение прописано в п. 2 ст. 10.1-1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 31 июля 2020 г.)¹. При этом открывшему счет профучастнику в рамках соответствующего договора могут быть переданы исключительно денежные средства в сумме не более 400 тыс. руб. за календарный год. В соответствии с требованиями налогового законодательства налоговая база по операциям, учитываемым на индивидуальном инвестиционном счете (ИИС) физического лица, определяется отдельно от прочих операций с финансовыми инструментами [1, с. 46].

¹См.: Собр. законодательства Рос Федерации. 1996. № 17, ст. 1918; 2020. № 31, ч. I, ст. 5018.

Для получения инвестиционного вычета необходимо, чтобы данный счет был действителен в течение 3 лет. Однако бывают случаи, когда граждане открывают два счета, в двух разных банках и хотят получить налоговый вычет сразу по двум ИИС. В настоящее время по инвестиционному счету можно получить (на выбор) два типа вычета: вычет на взносы, то есть возврат 13%, и вычет на доход, то есть возможность не платить 13% от прибыли, которая была получена от операций на ИИС. Нередки случаи, когда гражданин претендует на вычет по двум ИИС в разных банках, причем на разные типы вычетов. В такой ситуации ФНС может не заметить несоответствия закону, принять налоговые декларации и выплатить деньги [2, с. 48].

Для решения данной проблемы целесообразно создание межбанковского реестра инвестиционных счетов. Такое нововведение позволит искоренить проблему на самом начальном этапе ее возникновения, а именно в момент открытия второго инвестиционного счета, так как второй банк, в который гражданин обратится с целью открытия ИИС, благодаря реестру ИИС будет иметь информацию о том, что данное физическое лицо уже имеет действующий счет.

Почти каждый человек на территории нашей страны может воспользоваться правом на получение имущественного налогового вычета. Данный вид вычета можно получить по следующим основаниям:

на новое строительство или приобретение объекта жилой недвижимости, земельных участков под них (основной вычет);

на погашение процентов по кредитам, полученным от российских организаций или индивидуальных предпринимателей, фактически израсходованным на новое строительство или приобретение на территории Российской Федерации жилья (доли или долей в нем), земельного участка под него (вычет по %) ¹.

У вида вычета есть ряд особенностей, которыми пользуются мошенники при совершении сделок, противоречащих законодательству.

Нельзя получить налоговый вычет за апартаменты, так как они не являются жилым объектом недвижимости. Однако если изменить их назначение и наименование (то есть признать апартаменты жилыми объектами), то налоговый вычет может быть получен.

Можно получить налоговый вычет за ремонт и отделку квартиры, если объект приобретается в новостройке и в договоре прямо указано, что квартира продается без отделки. При этом учитываются расходы на следующие цели: приобретение строительных материалов, разработка проектно-сметной документации, проведение отделочных работ.

Можно получить налоговый вычет за проданную квартиру, если за данный объект недвижимости налоговый вычет не был получен.

Оба супруга могут получить налоговый вычет с возможностью распределить его по договоренности. По умолчанию вычет распределяется в равных долях (50%).

Нельзя получить налоговый вычет, если сделка купли-продажи заключена с гражданином, являющимся по отношению к налогоплательщику взаимозависимым. Взаимозависимыми признаются следующие лица: физическое лицо, его супруг (супруга), родители (в том числе усыновители), дети (в том числе усынов-

¹ См. ст. 220 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 20 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340; 2021. № 17, ст. 2887.

ленные), полнородные и неполнородные братья и сестры, опекун (попечитель) и подопечный (ст. 105.1 НК РФ);

Не будут учитываться при получении налогового вычета счет материнского (семейного) капитала, военная ипотека.

Обычно граждане, которые хотят получить имущественный вычет при покупке недвижимости, цена которого менее 2 000 000 руб., прибегают к двум вариантам мошеннических схем: завышение цены в договоре или добавление документов на ремонт. Согласно подп. 1 п. 1 ст. 220 НК РФ имущественный налоговый вычет предоставляется в размере фактически произведенных налогоплательщиком расходов на новое строительство либо приобретение на территории Российской Федерации одного или нескольких объектов имущества, стоимость которых не превышает 2 000 000 руб. Так как 2 000 000 руб. являются максимальной суммой имущественного вычета, представляется вполне разумной покупка квартиры не ниже данной стоимости.

На практике часто встречаются случаи с завышением стоимости квартиры в договоре, то есть стороны улавливаются о том, что продавцу будет передана сумма в размере 1 600 000 руб., а в бумагах указывается 2 000 000 руб. [3, с. 41]. Ситуация осложняется, когда в сделке купли-продажи задействован банк, а это означает, что будет осуществлена полная проверка документов и банк может отказать в проведении сделки. Однако в большинстве случаев менеджеры банков все же проводят сделки с завышением сумм в договорах. Такие действия являются основанием для того, чтобы привлечь данных лиц: как участников сделки (продавца и покупателя), так и менеджеров банков — к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ.

Для того чтобы решить проблему предотвращения мошенничества в данной сфере, необходимо не только усовершенствовать систему проверок на предмет сверхзаниженной и сверхзавышенной цены, но также проводить работу с персоналом банка с целью снизить риск внутреннего вмешательства в названные мошеннические схемы.

Пример из судебной практики (Постановление № 22-163/2017 от 30 ноября 2017 г. по делу № 22-163/2017¹). Гражданин, желая обогатиться путем хищения денежных средств из федерального бюджета, совершил деяние, которое можно квалифицировать по ст. 159 УК РФ. В частности, заполнив и представив налоговые декларации по форме 3-НДФЛ и заявления на возврат излишне уплаченного налога за 2013–2015 годы, он обратился в налоговый орган для получения налогового вычета. Основанием для обращения послужило приобретение недвижимой собственности.

В ходе рассмотрения дела выяснилось, что данная квартира была приобретена за счет собственных средств гражданина и за счет военной ипотеки. При подаче налоговых деклараций по форме 3-НДФЛ за 2013–2015 годы в связи с произведенными расходами на приобретение гражданин указал недостоверные сведения относительно суммы фактически произведенных им расходов на приобретение данного объекта в размере 2 000 000 руб., подтвердив достоверность представленных сведений своей подписью с заявлением о предоставлении ему имущественного налогового вычета за 2013 год в размере 109 278 руб., а за 2014 и 2015 года — в размере 150 722 руб., скрыв, что квартира была им приобретена

¹ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XbHpW9dd3b5b/> (дата обращения: 10.03.2021).

за счет средств федерального бюджета. Таким образом, гражданин затратил на приобретение данной недвижимости лишь 307 руб.

В результате налоговый орган был введен в заблуждение относительно фактически произведенных гражданином расходов на приобретение указанной квартиры, должностные лица подтвердили его право на получение заявленного налогового вычета путем вынесения решения о возврате переплаты. Указанные денежные средства поступили на банковский счет гражданина.

В решении суда указывалось, что гражданин похитил принадлежащие государству денежные средства в размере 259 960 руб. в счет возврата уплаченного налога на доход физических лиц за 2013–2015 годы, причинив тем самым государству ущерб в размере 259 960 руб. Похищенными денежными средствами гражданин распорядился по своему усмотрению.

Подобных примеров в судебной практике имеется довольно большое количество, и с каждым годом оно только увеличивается.

Согласно абз. 12 подп. 2 п. 1 ст. 220 НК РФ в фактические расходы на приобретение квартиры, комнаты или доли (долей) в них могут включаться следующие траты:

- расходы на приобретение квартиры, комнаты или доли (долей) в них или прав на квартиру, комнату в строящемся доме;
- расходы на приобретение отделочных материалов;
- расходы на работы, связанные с отделкой квартиры, комнаты или доли (долей) в них, а также расходы на разработку проектно-сметной документации на проведение отделочных работ¹.

Используя данный подпункт Налогового кодекса РФ, можно «докупить/выкупить» необходимые чеки и квитанции, которые будут подтверждать расходы на ремонт в приобретенной квартире, и тем самым увеличить сумму, которая будет подлежать возврату по налоговому вычету.

Возможным решением задачи противодействия этому виду мошенничества видится введение единой формы квитанционного учета, которая будет использоваться для подтверждения расходов на ремонт квартиры в качестве основания для получения имущественного вычета. Квитанция должна обязательно содержать фамилию, имя и отчество покупателя. Таким образом будет исключена возможность перекупки квитанций [4, с. 180].

К следующему наиболее популярному виду мошенничества при получении налогового вычета можно отнести фиктивную продажу недвижимого имущества близким родственникам. Как указывалось выше, согласно ст. 105.1 НК РФ близкие родственники являются взаимозависимыми лицами. К ним относятся: физическое лицо, его супруг (супруга), родители (в том числе усыновители), дети (в том числе усыновленные), полнородные и неполнородные братья и сестры, опекун (попечитель) и подопечный.

Предположим следующую ситуацию: гражданин А. хочет продать гражданке Б., которая является его родной сестрой, квартиру за 2 000 000 руб., находящуюся в собственности более 5 лет. Данные лица договариваются между собой о том, что сделка будет проведена, но денежные средства не будут выплачены. В таком случае гражданка Б. получит право на получение налогового вычета в размере

¹ См. абз. 12 подп. 2 п. 1 ст. 220 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 20 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340; 2021. № 17, ст. 2887.

260 000 руб. в связи с покупкой квартиры; факт передачи денег она сможет подтвердить распиской, которую они заранее подготовили с братом.

В данном случае налоговая служба не имеет возможности отследить родство участников сделки и фальсификацию платежного документа (расписки), поэтому в ходе камеральной проверки у ФНС не возникнет вопросов и денежные средства будут выплачены.

Подобная ситуация произошла в 2018 году в Алтайском крае. При проведении всестороннего анализа документов, представленных в инспекцию налогоплательщиком, стало ясно, что сделки купли-продажи имущества совершались формально с целью получения из бюджета налога на доходы физических лиц.

Перепродажа квартиры осуществлялась через 1–3 месяца, во всех сделках цена квартиры не изменялась. Подозрительным налоговикам показалось и то, что три собственника квартиры являются коллегами, два — родными братьями¹.

Налоговый Кодекс РФ предусматривает получение налогового вычета не только за приобретение недвижимости, но также по расходам за лечение (подп. 3 п. 1 ст. 219 НК РФ).

Социальный налоговый вычет на лечение может получить физическое лицо, которое оплатило:

медицинские услуги, которые были оказаны как самому физическому лицу, так и его супругу (супруге), родителям, а также детям и подопечным в возрасте до 18 лет;

лекарственные препараты, которые были прописаны врачом (они могут быть предназначены как для самого физического лица, так и для членов его семьи); расходы по договору добровольного медицинского страхования (ДМС), который был заключен для лечения физического лица, непосредственно оплачивавшего расходы, либо для членов его семьи.

Для получения социального вычета необходимо, чтобы медицинская организация (или ИП), оказавшая медицинские услуги, имела российскую лицензию на осуществление медицинской деятельности [5, с. 248].

Во многих российских санаториях оказывают медицинские услуги, за которые можно получить налоговый вычет, однако для этого нужно запросить справку, подтверждающую оплату медицинских услуг, с указанием кода услуги (код услуги 1 — лечение, не являющееся дорогостоящим; код услуги 2 — дорогостоящее лечение) [6, с. 71].

В связи с развитием внутреннего туризма в нашей стране можно встретить следующую мошенническую схему.

Гражданин А. оплатил лечение, проживание и питание в санатории Б. в размере 120 000 руб., из них только 40 000 руб. пошло на лечение гражданина. Однако в целях получения большей суммы налогового вычета он обратился к менеджеру санатория и попросил его указать в справке об оплате медицинских услуг и в договоре об оказании медицинских услуг сумму, равную 120 000 руб.

Таким образом, у гражданина А. оказались документы, подтверждающие факт оплаты и проведения медицинских услуг на сумму в 3 раза больше потраченной.

Резюмируя, можно говорить о том, что налоговое право — одна из самых быстроразвивающихся отраслей права на сегодняшний день. Налоговое законодательство меняется, совершенствуется, но вместе с ним совершенствуются и способы мошенничества в налоговой сфере.

¹URL: https://www.nalog.ru/rn22/news/activities_fts/8875175/ (дата обращения: 26.04.2021).

Авторам данной работы видятся несколько способов противодействия указанным схемам мошенничества:

1) процедурные меры воздействия. Данные меры должны быть направлены на развитие самого порядка представления документов в налоговый орган, на разработку наиболее эффективных методов выявления преступных действий, совершаемых с целью незаконного получения налогового вычета, и на пресечение их.

2) законодательные меры воздействия. Они подразумевают реформирование некоторых институтов налогового и банковского права. Это, например, введение единого межбанковского реестра инвестиционных счетов.

3) личностные меры воздействия. Данные меры должны быть направлены на развитие уважительного отношения граждан как друг к другу, так и к государству. С сотрудниками банка необходимо проводить профилактические беседы с целью предотвращения противоправного поведения.

Несмотря на то, что наше государство предусмотрело возможность возврата ранее уплаченного налога при совершении значимых для экономики и социальной политики государства действий, люди с каждым годом все чаще не хотят пользоваться этой возможностью честно, стараются путем уловок получить сумму в разы больше полагающейся. При этом они забывают об одном: для того чтобы жить в цивилизованном обществе, необходимо уважать закон и государство.

Библиографический список

1. *Малинина Т.А.* Инвестиционные налоговые вычеты для физических лиц в контексте сокращения налоговых льгот // *Финансовый журнал.* 2016. № 4. С. 46–52.
2. *Бондарева Н.А.* Особенности применения инвестиционных налоговых вычетов // *Учет. Анализ. Аудит.* 2020. № 2. С. 48–55.
3. *Горшкова Л.Л.* Особенности предоставления имущественного налогового вычета // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях.* 2009. № 15(231). С. 41–45.
4. *Файзеев Р.Т.* Перспективы развития противодействия мошенничествам в налоговой сфере // *Право и государство: теория и практика.* 2019. № 10 (78). С. 177–181.
5. *Солодимова Т.Ю.* Социальные налоговые вычеты. Отдельные аспекты предоставления // *Экономика, предпринимательство и право.* 2015. № 5(4). С. 247–252.
6. *Попова Н.Ф., Чикалина Н.А.* Мошенничество в сфере налогообложения в России // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2020. № 1(91). С. 68–73.

References

1. *Malinina T.A.* Investment Tax Deductions for Individuals in the Context of Reducing Tax benefits // *Financial Journal.* 2016. No. 4. P. 46–52.
2. *Bondareva N.A.* Features of the Application of Investment Tax Deductions // *Accounting. Analysis. Audit.* 2020. No. 2. P. 48–55.
3. *Gorshkova L.L.* Features of Providing a Property Tax Deduction // *Accounting in Budgetary and Non-Commercial Organizations.* 2009. No. 15(231). P. 41–45.
4. *Fayzeev R.T.* Prospects for the Development of Countering Fraud in the Tax Sphere // *Law and the State: theory and practice.* 2019. No. 10 (78). P. 177–181.
5. *Solodimova T.Yu.* Social Tax Deductions. Individual Aspects of the Provision of // *Economics, Entrepreneurship and Law.* 2015. No. 5(4). P. 247–252.
6. *Popova N.F., Chicalina N.A.* Fraud in the Field of Taxation in Russia // *International Scientific Research Journal.* 2020. No. 1(91). P. 68–73.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР. КРИМИНАЛИСТИКА

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-160-170

УДК 343.1

М.Т. Аширбекова, Н.О. Овчинникова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В СВЕТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ

***Введение:** векторы конституционного реформирования направлены на укрепление государственного суверенитета Российской Федерации и приоритета национального законодательства над международным, в связи с чем были внесены масштабные изменения в Конституцию Российской Федерации (далее — Конституция РФ), в ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и Федеральный Конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Указанные изменения ограничивают исполнимость решений ЕСПЧ в определенных законом случаях, а также не исключают возможность появления у российских граждан затруднений для обращения в ЕСПЧ за защитой своих прав. **Цель:** определить роль решений ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве России в условиях осуществления конституционной реформы, описать формы использования решений ЕСПЧ, в частности, рассмотреть вопросы имплементации решений ЕСПЧ в российское уголовно-процессуальное законодательство, пределы исполнимости указанных решений, а также выявить роль решений ЕСПЧ в качестве средств для устранения и преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве России. **Методологическая основа:** были использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** определены правовая природа решений ЕСПЧ; формы их использования в уголовном процессе с учетом новелл проведенной конституционной реформы; диапазон влияния Конституционного Суда РФ на исполнение решений ЕСПЧ и их дальнейшую имплементацию в национальное уголовно-процессуальное законодательство. **Выводы:** решения ЕСПЧ не являются источником уголовно-процессуального права, но они общеобязательны для исполнения, поскольку выступают в качестве прецедентов. Решения ЕСПЧ*

© Аширбекова Мадина Таукеновна, 2021

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»); e-mail: madina.55@mail.ru

© Овчинникова Наталья Олеговна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: natalya-afonina@list.ru

© Ashirbekova Madina Taukenovna, 2021

Doctor of law, Professor, Department of Criminal procedure (Volgograd Institute of Management (Branch) of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)

© Ovchinnikova Natalya Olegovna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal procedure (Saratov State Law Academy)

могут быть использованы в законотворчестве путем имплементации, а также непосредственно в правоприменении. Процедура имплементации не урегулирована нормами национального законодательства и в настоящее время поставлена в зависимость от правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: имплементация, исполнение, мотивировка, пробел, реформа, решение ЕСПЧ.

M.T. Ashirbekova, N.O. Ovchinnikova

THE USE OF ECHR DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE LIGHT OF THE RESULTS OF THE CONSTITUTIONAL REFORM

Background: the vectors of constitutional reform are aimed at strengthening the state sovereignty of Russia and the priority of national legislation over international law. In pursuit for these goals, large-scale amendments were made to the Constitution of the Russian Federation (hereinafter — the RF Constitution), to article 1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter — RF CCP) and to Federal Constitutional Law No. 1-FCL “On the Constitutional Court of the Russian Federation” of 21.07.1994 (hereinafter — the FCL “On the RF Constitutional Court”). These amendments limit the enforceability of the ECHR decisions in cases specified by law, and may create constraints for Russian citizens in exercising their right to apply for international protection in the ECHR, if their rights in criminal procedure are violated. **Objective:** to determine the role of the ECHR decisions in the criminal proceedings of Russia in the context of the implementation of the constitutional reform, to describe the forms of use of the ECHR decisions in the criminal proceedings of Russia, in particular, to consider the implementation of the ECHR decisions in the Russian criminal procedure legislation, the limits of the enforceability of these decisions, as well as to determine the possibilities of using the ECHR decisions as a means to eliminate and overcome gaps in the criminal procedure law of Russia. **Methodology:** formal-legal and comparative-legal methods were used in the work. **Results:** the legal nature of the ECHR decisions is determined; the forms of their use in criminal proceedings in the context of the constitutional reform, taking into account the existing gaps in the criminal procedure legislation of Russia; the range of influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on the execution of the ECHR decisions and their further implementation in the national criminal procedure legislation. **Conclusions:** the decisions of the ECHR are not a source of criminal procedure law, since they are precedents, but generally binding for execution. The decisions of the ECHR can be used in two forms: law-making and law enforcement, both to eliminate and overcome the shortcomings of criminal procedure law. The implementation procedure is not regulated by the norms of national legislation, and is currently dependent on the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key-words: implementation, execution, motivation, gap, reform, ECHR decision.

Несмотря на то, что в 2020 году Россия перестала лидировать по числу обращений ее граждан в Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), тем не менее, именно по жалобам наших граждан принято больше всего решений, а именно 8 923 из 41700 постановленных в указанном году¹. В среднем 2/3 жалоб, ежегодно поступающих от российских граждан, направлены на защиту их прав в сфере уголовного судопроизводства и, чаще всего, в связи с нарушениями

¹См.: Итоговый отчет Европейского Суда по правам человека за 2020 год. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2020_ENG.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) и Протоколов к ней. Чаще всего заявители жалуются на необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела, необоснованное заключение под стражу, нарушения права на разумный срок при применении названной меры пресечения, нарушения права на справедливое судебное разбирательство. Отмеченное обязывает обратиться к вопросам влияния решений ЕСПЧ на национальное уголовно-процессуальное законодательство.

Роль решений ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве России определяется формами их использования в законотворческой и правоприменительной деятельности. Под формами использования в законотворческой деятельности следует понимать имплементацию правовых позиций ЕСПЧ в национальное уголовно-процессуальное законодательство. Формами же использования решений ЕСПЧ в правоприменении являются: толкование выраженных в них правовых позиций; исполнение решений против России, мотивировка решений национальными судами при разрешении уголовных дел по существу; преюдиция; принятие решений национальными судами при возобновлении производства ввиду новых обстоятельств, поскольку по положениям п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции является новым обстоятельством. Посредством использования в законотворчестве и правоприменении решений ЕСПЧ могут быть решены задачи по устранению и преодолению пробелов уголовно-процессуального права (табл.).

Формы использования решений ЕСПЧ в российском уголовном судопроизводстве

Законотворчество	Правоприменение				
имплементация	толкование	исполнение	мотивировка	преюдиция	пересмотр ввиду новых обстоятельств
устранение пробела	преодоление пробела				

Законотворчество. Имплементация.

Европейский Суд по правам человека является межгосударственным органом судебной защиты прав лиц, имеющих гражданство государств, подписавших Конвенцию в качестве членов Совета Европы. Правовую основу деятельности Европейского Суда составляет Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) и Протоколы к ней¹. Согласно ст. 15 Консти-

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

туции РФ¹ и ст. 1 УПК РФ² Конвенция является составной частью уголовно-процессуального законодательства России и имеет приоритет при коллизии норм международного и национального права. Однако согласно последним изменениям, произошедшим в 2020 году, недопустимо применение правил международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией, в их истолковании, противоречащем Конституции РФ. Выявление указанных противоречий в соответствии с положениями п. 3.2, 3.3 ст. 3, ст. 104. 1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» возложено на Конституционный Суд России³.

Решения ЕСПЧ основаны на нормах Конвенции, являются общеобязательными для исполнения, подлежат официальному опубликованию и содержат, помимо разрешения конкретного правового спора, толкование норм Конвенции и Протоколов к ней. В отличие от Конвенции, основанные на ней решения ЕСПЧ, как акты реализации конвенционных норм, источниками для российского уголовно-процессуального права не являются. Следовательно, правовые позиции, выраженные в решениях ЕСПЧ, могут стать частью российского законодательства лишь посредством имплементации, т.е. включения их как нормоустановления, в национальное законодательство путем, «адаптирующего» нормотворчества. При этом важно отметить, что имплементация указанных норм в российское уголовно-процессуальное законодательство должна быть востребована для цели устранения и преодоления пробелов последнего. Примером может служить решение ЕСПЧ «Бурдов против России» (№ 2⁴), которое стало отправным для введения в УПК РФ ст. 6.1⁵, устанавливающей требование соблюдения разумных сроков производства по уголовному делу.

Однако для имплементации должен существовать оптимальный путь реализации, иначе говоря, алгоритм, этапы которого обуславливают, в итоге, обоснованность вводимых посредством имплементации норм и их синхронизацию с остальными нормами уголовно-процессуального законодательства.

С учетом результатов проводимой конституционной реформы, выразившейся в обновленных нормативных положениях п. 3.2, 3.3 ст. 3, ст. 104.1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», стало очевидно, что в процессе имплементации правовых позиций ЕСПЧ ключевая роль принадлежит Конституционному Суду России.

Его решения также не признаются источником уголовно-процессуального права, но фактически выступают таковыми [1, с. 16; 2, с. 115]. В данном случае можно говорить о судебном нормотворчестве в деятельности Конституционного Суда РФ. Признание уголовно-процессуальной нормы неконституционной создает правовой вакуум: та или иная группа общественных отношений остается неурегулированной до принятия нового закона. Данный вакуум заполняется правовой позицией Конституционного Суда РФ, то есть фактически новой нор-

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

³ См.: Федеральный Конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 9 ноября 2020 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447.

⁴ См.: Российская хроника Европейского суда // Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2009. № 4. С. 79–106.

⁵ См.: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2010. 4 мая.

мой, которую можно назвать «конституционной судебной нормой», выраженной в его постановлении. Указанная норма подлежит прямому применению вплоть до ее официального включения в текст закона [3, с. 85–93]. Иногда новое правовое регулирование, задаваемое правовой позицией Конституционного Суда РФ, не воспроизводится законодателем в содержании закона десятилетиями. Например, в широко известном постановлении Конституционного Суда РФ 2000 г. «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова¹» была определена возможность пользоваться услугами адвоката (защитника) лицом, фактически поставленным в положение подозреваемого, до приобретения им соответствующего процессуального статуса. Указанная правовая позиция нашла отражение в ст. 49 и 144 УПК РФ только спустя 13 лет.

Сложившаяся практика Конституционного Суда РФ показывает, что при разрешении вопроса о конституционности той или иной уголовно-процессуальной нормы, Конституционный Суд РФ постоянно основывает свои решения правовыми позициями ЕСПЧ, что выявляет зримую роль последних в конституционном судебном нормотворчестве. Однако эта практика может измениться. Это обусловлено тем, что нормы ст. 104.1-104.3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», обновленные в результате проведенной конституционной реформы, по сути, допускают «мягкую» ревизию постулата об общеобязательности и безусловной исполнимости решения ЕСПЧ. А это означает, что Конституционный Суд России при наличии соответствующего запроса от уполномоченных лиц и органов оценивает решения ЕСПЧ с точки зрения наличия в его правовой позиции положений в истолковании, предположительно приводящем к их расхождению с нормами Конституции РФ.

При отсутствии подобных расхождений между решениями ЕСПЧ и нормами Конституции РФ, Конституционный Суд РФ «переносит» правовое регулирование, заданное ЕСПЧ, в конституционную судебную норму, которая впоследствии подлежит включению в уголовно-процессуальное законодательство. Если в результате приведенной процедуры имплементации правовое регулирование обрели те или иные общественные отношения, которые ранее урегулированы не были, но нуждались в этом, либо, если указанные отношения были урегулированы неполно, не точно или противоречиво, то это позволяет утверждать о действенности устранения пробелов уголовно-процессуального права посредством нормотворчества Конституционного Суда РФ, основанном на правовых позициях ЕСПЧ.

Таким образом, решения ЕСПЧ влияют на российский нормотворческий процесс опосредованно через прохождение процедуры имплементации с обязательной предварительной оценкой исполнимости указанных решений Конституционным Судом РФ, инициированной соответствующими государственными органами и должностными лицами. И хотя обязательность указанной проверки законом не урегулирована, как и сама процедура имплементации, исходя из общего смысла норм Конституции РФ и ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», устанавливающих пределы действия общепризнанных принципов и

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 27, ст. 3881.

норм международного права и международных договоров на территории России, представляется, что законодатель не может включить правовые позиции ЕСПЧ в национальное законодательство без прохождения этой проверки.

Результатами прохождения описанного алгоритма от решения ЕСПЧ до нормы уголовно-процессуального законодательства являются изменения и дополнения, отражающие в законе правовые позиции ЕСПЧ по возникшим в ходе правоприменения в России ситуациям, требующим определенности в их урегулировании. Например, постановление ЕСПЧ по делу «Захаркин против Российской Федерации»¹ повлекло введение в ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»² дополнения, устанавливающего право подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, на свидание с лицами, представляющими их интересы в ЕСПЧ, для оказания им юридической помощи в связи с подачей жалобы в указанный суд.

Правоприменение. Исполнение, толкование, мотивировка, преюдиция, пересмотр.

Надо заметить, что отказ от требования общеобязательности и безусловной исполнимости решений ЕСПЧ на территории России стал допустимым задолго до проводимой ныне конституционной реформы. Так, ФКЗ от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»³ уполномочивал Конституционный Суд РФ по запросу соответствующего органа разрешать вопросы о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека в случае обнаружившейся коллизии в истолковании ЕСПЧ конвенционных норм и положений Конституции Российской Федерации.

Любое решение суда, в том числе и международного, основывается на истолковании применяемых норм, и именно это истолкование может противоречить основному национальному закону — Конституции РФ. Иными словами, собственно нормы международного договора — одно, а их истолкование в процессе применения — другое. В том случае, если межгосударственный суд применяет к конкретному случаю нормы международного договора в истолковании, которое приводит к их расхождению с Конституцией РФ, то закономерно возникает вопрос об устойчивости национальной правовой системы, поскольку Конституция РФ лежит в основе этой системы и закрепляет суверенитет государства. Расхождения в истолковании норм международного договора, в частности, Конвенции и Протоколов к ней, может иметь место потому, что указанная Конвенция — продукт естественно-правового типа правопонимания. Это означает, что базовые, безусловно, важные и неоспоримые положения Конвенции изложены

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 10 июня 2010 г. по делу «Захаркин (Zakharkin) против Российской Федерации» (жалоба № 1555/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 2.

² См.: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в ред. от 5 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2759; Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 193-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26, ч. I, ст. 3399.

³ См.: Федеральный Конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 16 дек.

в ней широко, распространяются на круг правовых ситуаций, который четко не определен. В связи с этим ЕСПЧ в каждом деле конкретизирует применение этих нормы определенными установлениями и детализирует сферу их действия с учетом конкретной ситуации, то есть интерпретирует по своему усмотрению. Соответственно, решения этого суда всегда являются прецедентными и, следовательно, формируют новые требования — правовые позиции, которые могут расходиться с положениями национального законодательства.

Но даже и в случае предположения о том, что решение международного суда расходится с Конституцией РФ — вопрос: подлежит ли это решение исполнению в обязательном порядке или нет, разрешается Конституционным Судом РФ по запросу уполномоченных лиц и органов, указанных в обновленной редакции ст. 104.1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

При этом Конституционный Суд РФ руководствуется правилами, которые были закреплены в его же постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П¹. Согласно данным правилам, постановление ЕСПЧ не может считаться обязательным для исполнения, если содержащееся в нем толкование положений Конвенции противоречит Конституции РФ, нарушая тем самым принципы суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государств. Так, на основании приведенных положений постановлением от 19 апреля 2016 г. № 12-П Конституционный Суд РФ признал невозможность исполнения постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России»².

Рассматриваемое полномочие Конституционного Суда РФ в результате конституционной реформы 2020 года получило закрепление в Основном законе — Конституции РФ. Согласно п. б ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ в порядке, установленном федеральным конституционным законом, решает вопрос об исполнимости решений межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров России в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, а также об исполнимости решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка в России.

В результате проводимой конституционной реформы значимые нововведения коснулись предмета рассмотрения Конституционного Суда РФ. Согласно ст. 97 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» теперь в предмет рассмотрения будут входить жалобы граждан, чьи конституционные права и свободы были нарушены нормами, примененными в конкретном уголовном деле, если исчерпаны все

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 30, ст. 4658.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу „Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 17, ст. 2480.

другие внутригосударственные средства судебной защиты. Под исчерпанием внутригосударственных средств судебной защиты понимается подача кассационной жалобы в суд максимально высокой для данной категории дел инстанции или надзорной жалобы, если обжалование возможно только в надзорном порядке, либо, если обжалуемое решение уже было предметом кассационного или надзорного обжалования, но это не привело к устранению нарушений прав заявителя. Также Конституционный Суд РФ может признать внутригосударственные средства судебной защиты исчерпанными, если сложившаяся правоприменительная практика суда, решение которого обычно исчерпывает внутригосударственные средства судебной защиты, или официальное толкование оспариваемого нормативного акта, данное в разъяснениях по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства России, свидетельствует о том, что иное применение оспариваемого нормативного акта, чем имевшее место в конкретном деле, не предполагается.

Обратиться в Конституционный Суд РФ за защитой нарушенных конституционных прав и свобод смогут физические и юридические лица, если они полагают, что в конкретном деле, затрагивающем их интересы, были применены неконституционные нормы федерального конституционного закона, федерального закона; нормативного акта Президента РФ, Правительства РФ, Совета Федерации, Государственной Думы РФ; регионального нормативного акта по вопросам ведения РФ, а также совместного ведения РФ и региона. Это, как видится, означает, что заинтересованные участники уголовного судопроизводства, прошедшие процедуру кассационного и надзорного обжалования судебных решений, затронувших их конституционные права и свободы, должны будут вначале обращаться за их защитой в Конституционный Суд РФ, и только затем — в ЕСПЧ.

С одной стороны — это дополнительная гарантия соблюдения прав участников уголовного процесса органами и должностными лицами, ведущими производство по делу, с другой стороны — это может оказаться нерезультативным средством защиты интересов заявителя. Так, если Конституционный Суд РФ, рассмотрев указанную жалобу, придет к выводу, что она не подлежит удовлетворению, то это автоматически делает бессмысленным последующее обращение в ЕСПЧ с этой же жалобой.

Более того, как видится из обсуждений, проводимых в целях развития гражданского общества, не исключается перспектива создания в России «своего» суда по правам человека¹. Президент России В.В. Путин по итогам встречи с членами Совета по правам человека в декабре 2020 года поручил председателю Верховного Суда Российской Федерации В. Лебедеву и министру юстиции К. Чуйченко рассмотреть вопрос о целесообразности создания российского суда по правам человека и подготовить по данному вопросу доклад до 1 июня 2021 года². Какие правовые последствия для участников уголовного процесса повлечет создание данного суда, насколько широким будет предмет его рассмотрения, будут ли в его состав входить иностранные судьи, пока предугадать невозможно.

¹ См.: Ключевская Н. Создание российского суда по правам человека: поиск рационального зерна. URL: <https://www.garant.ru/article/1452008/> (дата обращения: 19.05.2021).

² См.: Поручение Президента РФ от 28 января 2021 г. № Пр-133 «Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952> (дата обращения: 10.05.2021).

Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды на расширение сферы применения решений ЕСПЧ при разрешении уголовных дел по существу. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 27 июня 2013 года¹ обращено внимание на общеобязательность правовых позиций ЕСПЧ, содержащихся в его окончательных постановлениях, принятых не только в отношении Российской Федерации, но и в отношении других стран-участниц Конвенции, если обстоятельства рассматриваемого российскими судами дела были аналогичны обстоятельствам, ставшим предметом рассмотрения в ЕСПЧ. Толкование норм международного законодательства и национального законодательства, а также связанные с ними разъяснения, способны помочь разрешить конкретный правовой спор, когда решение по нему не очевидно ввиду отсутствия надлежащего правового регулирования, его неясности, противоречивости, неполноты. Использование российскими судами толковательных разъяснений Конвенции, сформулированных в решениях ЕСПЧ, при разрешении конкретного уголовного дела могут послужить средством преодоления пробела уголовно-процессуального права в отдельно взятом случае.

Определенно, в рамках российской правовой системы прецедентный характер решений ЕСПЧ не позволяет считать их источником уголовно-процессуального права, и источником российского права в целом. Поэтому указанные решения, если они не прошли процедуру имплементации, не подлежат включению в уголовно-процессуальное законодательство. В правоприменительной деятельности решения ЕСПЧ подлежат исполнению, могут иметь либо преюдициальное значение (представляется, что к решениям ЕСПЧ, вынесенным в отношении России, можно применить правило о преюдиции, закрепленное в ст. 90 УПК РФ, то есть обстоятельства, установленные в данном решении принимаются на веру без дополнительной проверки, если это решение не было признано неисполнимым), либо использоваться в толковательных разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, либо для мотивировки решений национальными судами, либо как основание для возбуждения производства ввиду новых обстоятельств по правилам ч. 5 ст. 415 УПК РФ. В этой связи Конституционный Суд РФ отметил, что пересмотр решений по указанному основанию допустим только на основании выводов ЕСПЧ [4, с. 24].

Выводы:

Роль решений ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве в условиях конституционного реформирования и их место в процедуре устранения и преодоления пробелов уголовно-процессуального права России определяется формами их использования (нормотворчеством и правоприменением). Но непосредственное использование решений ЕСПЧ в рамках указанных форм невозможно, поскольку поставлено в зависимость от ряда условий:

1. Решения ЕСПЧ являются прецедентами и не могут быть включены в систему источников уголовно-процессуального права.

2. Решения ЕСПЧ влияют на российский нормотворческий процесс опосредованно через прохождение процедуры имплементации с обязательной предварительной оценкой исполнимости указанных решений Конституционным Судом РФ, инициированной соответствующими государственными органами и

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. 2013. 5 июля.

должностными лицами. И хотя обязательность указанной проверки законом не урегулирована, как и сама процедура имплементации, исходя из общего смысла норм Конституции РФ и ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», устанавливающих пределы действия общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров на территории РФ, представляется, что законодатель не может включить правовые позиции ЕСПЧ в национальное законодательство без прохождения этой проверки.

4. Разрешая вопрос о конституционности нормы уголовно-процессуального права, в случае признания ее неконституционной, Конституционный Суд РФ взамен утратившего силу предписания, устанавливает новое правовое регулирование с использованием в своем постановлении правовых позиций ЕСПЧ, перенося их тем самым в конституционную судебную норму. Затем данная норма подлежит включению в уголовно-процессуальное законодательство посредством нормотворчества.

Решения ЕСПЧ общеобязательны для исполнения, за исключением ограничений их исполнимости по основаниям, установленным российским законодателем.

5. Толковательные разъяснения ЕСПЧ используются в правоприменении, когда они восприняты Верховным Судом РФ, а национальные суды, следуя соответствующим разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, ссылаются на конкретные постановления ЕСПЧ при мотивировке решения по уголовному делу. Указанные разъяснения способны помочь разрешить конкретный правовой спор, когда решение по нему не очевидно ввиду отсутствия надлежащего правового регулирования, его неясности, противоречивости, неполноты. То есть, толковательные разъяснения Конвенции, сформулированные в решениях ЕСПЧ, могут послужить средством преодоления пробела уголовно-процессуального права в отдельно взятом случае.

6. Изменения, связанные с расширением предмета рассмотрения Конституционного Суда РФ, повышают гарантии соблюдения прав участников уголовного процесса. Однако такой обновленный порядок судебного конституционного контроля может привести к утрате самого смысла обращения участников уголовного судопроизводства в ЕСПЧ за защитой своих прав, поскольку нельзя исключить возможность расхождения правовой позиции Конституционного Суда РФ с правовой позицией ЕСПЧ в истолковании последним примененных им конвенционных нормативных установлений.

Использование решений ЕСПЧ для целей устранения и преодоления пробелов уголовно-процессуального права можно проиллюстрировать следующими алгоритмами:

вынесение постановления ЕСПЧ, налагающего обязательства на Россию → проверка исполнимости решения ЕСПЧ Конституционным Судом РФ по запросу уполномоченных органов и должностных лиц → имплементация (нормотворчество, основанное на правовой позиции Конституционного Суда РФ, воспринявшего правовую позицию ЕСПЧ) → устранение пробела;

вынесение постановления ЕСПЧ в отношении России или иной страны-участницы Совета Европы → разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, основанные на постановлении ЕСПЧ → применение правовых позиций ЕСПЧ российским судом при разрешении уголовного дела по существу → преодоление пробела.

Библиографический список

1. *Овчинникова Н.О.* Пробелы в уголовно-процессуальном праве и способы их устранения и преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 28 с.
2. *Остапович И.Ю.* Нормативность решений Конституционного Суда Российской Федерации: методы ее рождения, объективные и субъективные границы // Вестник томского государственного университета: Право. 2019. № 31. С. 112–122.
3. *Овчинникова Н.О.* Пробелы в уголовно-процессуальном праве России: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 168 с.
4. *Коробка Е.* КС: Пересмотр дела на основании решения ЕСПЧ может быть связан только с выводами Европейского Суда // Адвокатская газета. 2020. № 10 (315). С. 22–27.

References

1. *Ovchinnikova N.O.* Gaps in Criminal Procedure Law and Ways to Eliminate and Overcome them: extended abstract. diss. ... cand. of law. Saratov, 2017. 28 p.
2. *Ostapovich I.Y.* Normativity of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Methods of its Birth, Objective and Subjective Boundaries // The Bulletin of Tomsk State University: Law. 2019. No. 31. P. 112–122.
3. *Ovchinnikova N.O.* Gaps in the Criminal Procedure Law of Russia: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2018. 168 p.
4. *Korobka E.* КС: The Review of the Case on the Basis of the Decision of the ECHR Can Only Be Connected with the Conclusions of the European Court. 2020. No. 10 (315). P. 22–27.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-171-175

УДК 343.98

Н.И. Малыхина

КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение: дискуссионность вопросов толкования в криминалистике видов качеств человека обуславливает необходимость уточнения и модернизации имеющихся разработок в целях совершенствования криминалистической деятельности по изучению участников уголовного судопроизводства. **Цель:** разработка упорядоченной системы качеств человека, подлежащих установлению и изучению на предварительном следствии и в суде. **Задачи:** выявить ключевые проблемы неоднозначного понимания качеств человека в криминалистике; определить виды качеств человека, разработать их классификацию и определения понятий. **Методологическая основа:** диалектический метод, комплекс общенаучных и специальных методов научного познания (анализ, синтез, сравнение, моделирование и др.), в т.ч. системный подход к определению разновидностей качеств человека. **Результаты:** приведены отличия между свойствами, состояниями человека и их признаками; в рамках авторской классификации предложена система качеств человека с учетом трех уровней изучения (биологического, психологического, социального). **Выводы:** предложенная система качеств человека может быть использована как основа для развития криминалистических научных исследований и совершенствования практической деятельности по вопросам изучения участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: качества человека, свойства и состояния человека, признаки человека, криминалистическое изучение человека, участники уголовного судопроизводства.

N.I. Malykhina

HUMAN QUALITIES AS AN OBJECT OF FORENSIC RESEARCH

Background: the controversial nature of the interpretation of the types of human qualities in forensic science necessitates the clarification and modern-ization of existing developments in order to improve forensic activities in the study of participants in criminal proceedings. **Objectives:** to develop an orderly system of human qualities to be established and studied during the pre-liminary investigation and in court. **Tasks:** to identify the key problems of an ambiguous understanding of human qualities in forensic science; determine the types of human qualities, develop their classification and definitions of con-cepts. **Methodology:** dialectical method, a complex of general scientific and special methods of scientific cognition (analysis, synthesis, comparison, model-ing, etc.), including a systematic approach to determining the varieties of hu-man qualities. **Results:** the differences between the properties, states of a per-son and their signs are carried out; within the framework of the author's classi-fication, a system of human

© Малыхина Наталья Ивановна, 2021

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nim1707@yandex.ru

© Malykhina Natalya Ivanovna, 2021

Doctor of law, Associate professor, Professor, Criminalistics department (Saratov State Law Academy)

qualities is proposed, taking into account three levels of study (biological, psychological, social). Conclusions: the proposed system of human qualities can be used as a basis for the development of forensic research and improvement of practical activities on the study of participants in criminal proceedings.

Key-words: *human qualities, properties and conditions of a person, signs of a person, forensic study of a person, participants in criminal proceedings.*

Актуальность и практическая значимость вопросов изучения качеств человека в криминалистической деятельности определяют повышенный интерес ученых к их исследованию. Данные вопросы являются объектом познания при разработке вопросов, связанных с отождествлением человека по признакам внешности, с установлением индивидуальных качеств неизвестного преступника в процессе расследования и др. Подготовительная стадия многих следственных действий включает изучение личностных особенностей участников уголовного судопроизводства, а в последующем использование данной информации для установления психологического контакта, выбора тактических приемов и проч.

На монографическом уровне вопросы изучения неизвестного преступника, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля исследованы в работах Р.Л. Ахмедшина, А.Г. Бедрезова, В.В. Вандышева, Н.Т. Ведерникова, Ф.В. Глазырина, Ю.Л. Дябловой, А.М. Зинина, С.В. Лаврухина, М.А. Лушечкиной, И.А. Макаренко, В.А. Образцова, Е.Е. Центрова и многих др. В последнее время ученые начали уделять внимание вопросам изучения свидетеля в судебном разбирательстве, подсудимого [1; 2], что определяет общую положительную тенденцию развития рассматриваемого направления не только на уровне предварительного следствия, но и в суде.

Вместе с тем детальное исследование предлагаемых авторами видов качеств человека, подлежащих установлению и изучению в криминалистической деятельности, позволило выявить следующие проблемы:

- а) неоднозначно определяются качества человека и их разновидности;
- б) в подавляющем большинстве отсутствуют разграничения между свойствами и признаками человека, признаки человека часто отождествляют с признаками внешности человека;
- в) оставляются без внимания (либо отождествляются со свойствами) состояния человека.

Как следствие, многочисленные, разнообразные по своему содержанию, научные воззрения о системе качеств человека порождают в криминалистике путаницу и полемику, оказывая негативное влияние на разработку методологии и методики изучения человека в криминалистической деятельности.

Разрешение указанных проблем видится в уточнении и разграничении понятий свойств, состояний и признаков человека, в связи с чем следует отметить следующее:

- 1) свойства и состояния являются качествами, характеризующими человека:
 - а) *свойства человека* — объективно существующие качества, характеризующие человека как телесное существо, субъекта одушевленной деятельности, а также индивида в социальной системе;

б) *состояния человека* — относительно устойчивые качества, характеризующие нахождение в определенном положении человека в биологической, психологической и социальной сферах;

2) признаки также являются качествами, характеризующими человека; при этом правильнее следует говорить не о признаках человека, а о *признаках его свойств и состояний*, поскольку «признаки человека» более емкое по своему содержанию понятие, использование которого в научном обороте главным образом и предопределило возникновение полемики о необходимости разграничения либо отождествления, в частности свойств и признаков человека; *признаки свойств и состояний человека* — характерологические качества, выражающие свойства и состояния человека, позволяющие провести отличия с иными лицами;

3) любое свойство и состояние человека может быть выражено многим количеством признаков;

4) взаимосвязь свойств, состояний и признаков свойств, состояний проявляется в различных формах: например, модификация свойства может привести к изменению либо появлению новых признаков свойств, в свою очередь, модификация признаков свойств может обусловить изменение свойства, а также «может быть следствием изменения формы или способа проявления свойства» [3, с. 102] без изменения свойства;

5) свойства и состояния человека являются наиболее устойчивыми качествами по сравнению с их признаками.

В зависимости от уровня изучения человека укажем биологический, психологический и социальный уровни и выделим с примерами следующие свойства, состояния и их признаки [4, с. 101–106].

1. Биологический уровень.

Биологические свойства человека — объективно существующие качества, характеризующие человека как телесное существо. К данной группе свойств следует отнести следующие: соматические (телесные качества — половые, возрастные особенности, размеры тела, черты лица и т.д.); функциональные (особенности движения тела, голосового аппарата и проч.); биохимические особенности (специфика состава крови, иных следов биологического происхождения), патологические нарушения выделенных свойств, и т.д.

Биологические состояния человека — относительно устойчивые качества, характеризующие нахождение человека в определенном биологическом положении: физическое (функциональное состояние внутренних органов, состояние физического здоровья в целом и др.); состояния алкогольного, наркотического, токсического опьянения, и проч.

Примеры признаков, выражающих биологические свойства: вторая группа крови — признак, выражающий специфику состава крови; мелкие морщины на лице — признак, выражающий телесные возрастные качества; отсутствие пальца на руке — признак, выражающий патологию строения руки, и т.п.

Признаки, выражающие биологические состояния: например недостаточная секреция гормонов щитовидной железы — признак, выражающий нарушения работы щитовидной железы; алкогольное опьянение средней степени — признак, выражающий состояние алкогольного опьянения, и др.

2. Психологический уровень.

Психические свойства человека — объективно существующие качества, характеризующие человека как субъекта одушевленной деятельности: «направленность, темперамент, способности, характер» (по М.И. Еникееву) [5, с. 5].

Психические состояния человека — относительно устойчивые качества, характеризующие уровень его психической активности: «мотивационные (желания, стремления, интересы, влечения, страсти); состояния разных уровней организованности сознания (они проявляются в различных уровнях внимательности); эмоциональные (эмоциональный тон ощущений, эмоциональный отклик на явления действительности, настроение, конфликтные эмоциональные состояния — стресс, аффект, фрустрация); волевые состояния — инициативности, целеустремленности, решительности, настойчивости» [6, с. 11]; психопатологические состояния и др.

Признаки, выражающие психические свойства: возбудимость, вспыльчивость, агрессивность — признаки, выражающие холерический тип темперамента; математические способности — признак, выражающий способности человека, и др. *Признаки, выражающие психические состояния:* вменяемое эмоциональное состояние, отличающееся наличием серьезных ограничений в сознании человека — признак, характеризующий физиологический аффект; малодушие — признак, выражающий волевое состояние человека и проч.

3. Социальный уровень.

Социальные свойства человека — объективно существующие качества, характеризующие человека как индивида в социальной системе. Данная группа свойств охватывает следующие качества человека: пол, возраст, фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, образование, принадлежность к определенной нации, народности, профессия, род занятий, религиозная принадлежность, наличие (отсутствие) судимости и др.

Социальные состояния человека — относительно устойчивые качества, характеризующие нахождение человека в определенном социальном положении (статусе). К социальным состояниям возможно отнести: семейное положение, жилищные условия, место регистрации и место фактического проживания, материальное положение, должностное положение, принадлежность к тем или иным общественным объединениям и проч.

Признаки, выражающие социальные свойства: инженер — признак, выражающий профессию человека; высшее техническое образование — признак, выражающий образование человека, и др. *Признаки, выражающие социальные состояния:* к примеру замужем — признак, выражающий семейное положение женщины; руководитель организации — признак, выражающий должностное положение человека, и т.д.

В качестве дополнительных оснований классификации, применение которых возможно для всех указанных свойств и состояний на каждом уровне, выделим следующие: а) по отношению к человеку в целом: общие и частные; б) по природе: внешние и внутренние; в) по происхождению: собственные и приобретенные; г) по степени значимости в расследовании преступления: существенные и несущественные, и др.

Дополнительными основаниями классификации признаков свойств и состояний человека можно определить: а) по отношению к человеку в целом: общие и частные; б) по природе: внешние и внутренние; в) по происхождению: собствен-

ные и приобретенные; г) по длительности периода: устойчивые и относительно устойчивые; д) по наличию связи с иными признаками: зависимые, независимые; е) по характеру их выражения: описательные, количественные; ё) по характеру влияния на другие признаки: факторные, результативные; ж) по степени значимости в расследовании преступления: существенные и несущественные; з) в зависимости от функционального назначения в процессе расследования преступлений: идентификационные, диагностические, регистрационные, розыскные и т.д.

Представленные классификации свойств, состояний человека и их признаков могут быть использованы в качестве основы для разработки типовой модели изучения участников уголовного судопроизводства, а также в целом для совершенствования положений общей теории криминалистики (криминалистической идентификации и диагностики и др.), криминалистической техники (габитоскопии, криминалистической регистрации и др.), криминалистической тактики (тактики следственных и судебных действий), криминалистической методики (моделирования поведения участников криминального события и др.), что в итоге будет способствовать повышению эффективности изучения участников уголовного судопроизводства субъектами криминалистической деятельности.

Библиографический список

1. *Бедризов А.Г.* Тактические рекомендации по судебному допросу свидетелей по уголовным делам // Известия Тульского государственного ун-та. Экономические и юридические науки. 2018. № 2–2. С. 32–37.
2. *Прейбис И.И.* Криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего подсудимого в ходе судебного разбирательства // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 137–143.
3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. М.: Юрист, 1997. Т. 2: Частные криминалистические теории. 464 с.
4. *Малыхина Н.И.* Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. 403 с.
5. *Еникеев М.И.* Основы судебной психологии. Психические свойства личности: учебное пособие. М.: РИО ВЮЗИ, 1982. 124 с.
6. *Еникеев М.И.* Основы судебной психологии. Общие вопросы. Психические процессы и состояния: учебное пособие. М.: РИО ВЮЗИ, 1982. 183 с.

References

1. *Bedrizov A.G.* Tactical Recommendations on Judicial Witness Interrogation in the Criminal Court // Izvestia of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2018. No. 2–2. P. 32–37.
2. *Preibis I.I.* Forensic Investigation of the Identity of a Minor Defendant During a Trial // Union of criminalists and criminologists. 2019. No. 2. P. 137–143.
3. *Belkin R.S.* Forensic Course. In 3 vol. M.: Jurist, 1997. Vol. 2: Private Forensic Theories. 464 p.
4. *Malykhina N.I.* Forensic theory of the criminal offender: dis. ... doctor of law. Saratov, 2017. 403 p.
5. *Enikeev M.I.* Fundamentals of Forensic Psychology. Psychic Properties of Personality: a tutorial. M.: RIO VYUZI, 1982. 124 p.
6. *Enikeev M.I.* Fundamentals of Forensic Psychology. General Issues. Mental Processes and States: a tutorial. M.: RIO VYUZI, 1982. 183 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-176-185

УДК 343.1

Г.И. Седова, А.Е. Федюнин, Н.М. Перетятко

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕВЕНТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Введение: в современном мире внедрение технологий обмена информацией развивается стремительными темпами, которые значительно опережают развитие законодательства. В связи с этим возникает вопрос о применении данных технологий в сфере уголовного судопроизводства с целью усиления его превентивных функций. Указанная проблема представляется особенно актуальной в силу того, что уголовно-процессуальные превенции прямо не закреплены в действующем законодательстве и могут быть реализованы только в рамках общегосударственной политики в области построения информационного пространства. **Цель:** определение превенций уголовного судопроизводства в условиях его цифровизации и внедрения новых методов обмена информацией в рамках построения информационного пространства, реализации гласности в деятельности судов и иных правоохранительных органов. **Методологическая основа:** анализ и синтез, формально-юридический и логический методы научного исследования, обобщение практики правоприменения. **Результаты:** проведен анализ ситуации, сложившейся в сфере реализации превенций уголовного судопроизводства на досудебных стадиях в контексте процесса цифровизации, исследовано влияние гласности на реализацию уголовно-процессуальных превенций в судебных стадиях уголовного процесса с учетом развития современных технологий доступа к информации. **Вывод:** превенции уголовного судопроизводства создают общественное информационное пространство, препятствующее совершению преступлений и реализуются через государственную политику в области средств массовой информации, а также цифровизацию делопроизводства, создание информационных баз, позволяющих эффективно контролировать криминогенную обстановку.

Ключевые слова: превенции, уголовное судопроизводство, гласность, информационное пространство.

© Седова Галина Ивановна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: se-gali1962@mail.ru

© Федюнин Антон Евгеньевич, 2021

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: aef@bk.ru

© Перетятко Наталья Михайловна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: naperetyatko@yandex.ru

© Sedova Galina Ivanovna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal proceedings (Saratov State Law Academy)

© Fedyunin Anton Evgenievich, 2021

Doctor of law, Professor, Department of Criminal proceedings (Saratov State Law Academy)

© Peretyatko Natalia Mikhailovna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal proceedings (Saratov State Law Academy)

G.I. Sedova, A.E. Fedyunin, N.M. Peretyatko

SOME ISSUES OF THE PREVENTIVE NATURE
OF THE CRIMINAL PROCESS IN THE INFORMATION SPACE

Background: in the modern world, the introduction of information exchange technologies is developing at a rapid pace, which is significantly ahead of the development of legislation. In this regard, the question arises about the use of these technologies in the field of criminal proceedings in order to strengthen its preventive functions. This problem is particularly relevant due to the fact that criminal procedural prevention is not directly enshrined in the current legislation, and can only be implemented within the framework of a national policy in the field of building an information space. **Objective:** to determine the prevention of criminal proceedings in the context of its digitalization and the introduction of new methods of information exchange within the framework of building an information space, implementing publicity in the activities of courts and other law enforcement agencies. **Methodology:** analysis and synthesis, formal legal and logical methods of scientific research, generalization of law enforcement practice. **Results:** the analysis of the situation in the field of implementation of criminal justice preventions at the pre-trial stages in the context of the digitalization process was carried out, the influence of publicity on the implementation of criminal procedural preventions in the judicial stages of the criminal process was investigated, taking into account the development of modern technologies of access to information. **Conclusion:** the prevention of criminal proceedings creates a public information space that prevents the commission of crimes and is implemented through the state policy in the field of mass media, as well as the digitalization of office work, the creation of information bases that allow you to effectively control the crime situation.

Key-words: prevention, criminal proceedings, publicity, information space.

Понятие уголовно-процессуальной превенции в российской юридической традиции обычно связывают с положениями ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Некоторые исследователи данной темы проводят сравнение современной профилактической деятельности в уголовном судопроизводстве с аналогичной, но регламентированной нормами УПК РСФСР 1960 года. Такое сравнение свидетельствует не в пользу современного варианта правового регулирования данной сферы правоотношений. Так, если «В УПК РСФСР 1960 г. с задачами по быстрому и полному раскрытию преступлений, изобличению виновных и обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, профилактическая функция уголовного судопроизводства прямо постулировалась (ст. 2), то в УПК РФ подобное установление отсутствует» [1, с. 43]. Между тем как действующие, так и относительно новые уголовно-процессуальные институты, позволяют утверждать, что это не совсем верно. Прежде всего, это касается досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемого, обвиняемого с органами предварительного расследования, в результате которого указанными органами выявляются новые эпизоды преступной деятельности, пресекаются действия по подготовке тяжких и особо тяжких преступлений, а также некоторых других уголовно-процессуальных институтов. Так, превентивность и гибкость правоприменения досудебного соглашения о сотрудничестве

отмечает А.В. Гриненко, исследуя практику «социального предназначения данной процедуры, которая может повлечь прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием» [2, с. 156]. Мы, соглашаясь с ним, тем не менее, считаем, что в этой ситуации, в закон следует вводить новое основание прекращения уголовного дела, потому что в сферу уголовно-процессуальных отношений в данном случае вовлечен новый участник, предусмотренный ст. 56.1 УПК РФ.

Другой аспект превентивной уголовно-процессуальной деятельности касается упрощенных процедур, связанных с расследованием преступлений небольшой и средней тяжести. Это сокращенное дознание и прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Применение указанных процедур позволяет лицам, впервые совершившим преступления и не представляющих большой общественной опасности, избежать уголовно-правовой санкции либо строгого наказания, что впоследствии предостережет этих лиц от повторных противоправных действий. Следует отметить, что указанные категории преступлений относятся к компетенции государственных органов исполнительной власти, которые, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ обладают правом производства оперативно-розыскной деятельности (органы дознания). Наиболее представительными среди них являются органы внутренних дел, в том числе подразделения полиции, в структуре которых имеются не только специализированные подразделения дознания, занимающиеся расследованием преступлений, по которым необязательно предварительное следствие, но и службы, в прямые обязанности которых входит профилактическая, превентивная деятельность.

Так, например, участковые уполномоченные полиции по роду своей деятельности наиболее приближены к населению определенной территории. В числе основных направлений деятельности указанных сотрудников полиции обозначены уголовно-процессуальные сферы: предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие преступлений¹. Не случайно следователи по итогам расследования уголовного дела, в случае, когда не установлен субъект, отвечающий за устранение выявленных причин и условий, способствовавших совершению преступления, направляют такую информацию в адрес участкового инспектора.

Помимо этого, необходимо обратить внимание и на такую особенность деятельности данного подразделения полиции, имеющую ярко выраженную превентивную направленность как выявление преступлений против личности и общественной безопасности небольшой и средней тяжести. Она реализуется в ходе выполнения участковым инспектором своих непосредственных функциональных обязанностей. Речь идет о таких составах преступлений как угроза убийством, побои, причинение легкого вреда здоровью, хулиганство.

Статистика блестяще демонстрирует следующую закономерность: на территории, где участковые инспекторы больше выявляют и передают в органы расследования первичных материалов о перечисленных видах преступлений

¹ См.: Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») (зарегистрировано в Минюсте России 3 июля 2019 г. № 55115). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2021).

«сокращается количество тяжких и особо тяжких преступлений (убийств, изнасилований, причинение тяжкого вреда здоровью)»¹. При этом обращает на себя внимание проблема нехватки участковых инспекторов [3, с. 209].

Одним из решений указанной проблемы может стать более активное использование средств компьютерных технологий, основанных на сети Интернет, в общении с населением обслуживаемой территории, которое бы не ограничивалось только информированием граждан о тех или иных мероприятиях со стороны ОВД. В частности, представляется актуальным создание соответствующих сайтов для обратной связи с гражданами, а также получения процессуально значимой информации о преступлениях. Основой для развития такой информационной инфраструктуры могло бы служить распространенное приложение «Я.район». Обмен информацией, более тесный и оперативный контакт с населением позволяет в самые короткие сроки выявлять преступления, принимать соответствующие процессуальные решения, улучшать криминогенную обстановку на отдельно взятой территории без увеличения численности участковых инспекторов и без их физического присутствия.

Поиск новых форм участия населения в уголовном судопроизводстве, в том числе и удаленно, в полной мере соответствует современным реалиям, когда на практике осуществляется электронное взаимодействие граждан и государства, в лице должностных лиц правоохранительных органов [4, с. 20]. В этом случае у населения появляются реальные возможности влиять на своевременное принятие решений по сообщениям о преступлениях, подавать жалобы, заявления, связанные с преступными проявлениями и, в конечном итоге, реально получать доступ к правосудию, гарантированному им Конституцией РФ. Такая организация социального взаимодействия служит пониманию рядовыми гражданами связи и влияния цифровых технологий с правовыми отношениями в государстве [5, с. 87].

В судебном же производстве, превентивность уголовного процесса можно проследить в применении одного из основных условий судебного разбирательства — его гласности. С полной уверенностью данное правило можно назвать уголовно-процессуальной превенцией. Это положение законодательно закреплено в ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, ст. 9 ФКЗ № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»², ч. 1 ст. 241 УПК РФ³, а также ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴. Одним из его аспектов является «общая глас-

¹ В структуре преступности 2/3 преступлений составляют преступления небольшой и средней тяжести (70,6%). Тяжкие и особо тяжкие преступления составляют 29,6%. Почти каждое четвертое преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации. Несмотря на рост регистрируемых преступлений, значительно сократилось количество преступлений против личности (- 17,4%), в т.ч. на 12,5% меньше зарегистрировано убийств и на 24,4% причинений тяжкого вреда здоровью повлекшего смерть потерпевшего. См.: Анализ состояния преступности на территории Саратовской области за 2020 г. URL: https://erp.genproc.gov.ru/web/proc_64 (дата обращения: 10.04.2021).

² См.: Федеральный Конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921.

⁴ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом №» (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

ность», т.е. возможность беспрепятственно присутствовать в открытом судебном заседании по рассматриваемому уголовному делу любому желающему, предполагающая также свободный доступ к информации о происходящем в судебном заседании, опубликование для публичного доступа и обсуждения информации, полученной в зале судебного заседания, а также принятых судебных решений. Правовая сущность гласности, как уголовно-процессуальной превенции, заключается в беспрепятственной реализации права каждого человека и гражданина на доступ к полной и достоверной процессуальной информации по любому правовому вопросу, в пределах, не противоречащих соблюдению государственной или иной охраняемой законом тайны.

Применение правила гласности судебного разбирательства способствует повышению доверия населения к судебной власти и, как следствие, росту авторитета судебных и иных правоохранительных органов в глазах общества. Кроме того, гласность способствует обеспечению реального общественного контроля за деятельностью указанных органов, выполнению воспитательной функции, повышению профилактического значения судебных процессов, гарантированию вынесения правосудного приговора, «обеспечению охраны прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве» [6, с. 26].

Т.Ю. Вилкова отмечает, что «достоинства гласного судебного разбирательства выявились с первых месяцев его существования» [7, с. 226]. В сфере уголовно-процессуальной деятельности гласность подразумевает политику максимальной открытости, свободы информации и предоставляет всем гражданам, в том числе и не задействованным в качестве участников судебного разбирательства по рассматриваемым уголовным делам, право присутствовать на их рассмотрении.

Гласность рассматривается многими авторами как гарантия обеспечения демократических начал в отправлении правосудия. Превентивное значение непосредственного участия активных граждан в судебном процессе состоит в том, что оно позволяет осуществлять неофициальный общественный контроль за соблюдением закона участвующими в деле органами и должностными лицами (Ю. Батурин, В. Егоров, В. Керимов, Л. Оников, А. Совокин [8, с. 362], Л.А. Нечаева [9, с. 31].

Ключевыми субъектами реализации уголовно-процессуальной превенции в Российской Федерации являются судебные и иные правоохранительные органы. Указанные субъекты, в качестве основных своих функций уполномочены применять предусмотренные законом меры привлечения к юридической ответственности за совершаемые правонарушения, а также осуществлять предупреждение преступлений. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» определяет в качестве таких субъектов органы государственной власти и местного самоуправления. Содержащийся в ч. 1 ст. 5 указанного Закона, «перечень таких субъектов носит исчерпывающий характер, не допускающий расширительного толкования»¹.

В настоящее время сложилась благоприятная ситуация для повышения роли и значения институтов гражданского общества в деятельности по обеспечению законности и предотвращения нарушений прав граждан. Расширение инфор-

¹ См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26, ч. 1, ст. 3851.

мационного пространства, использование современных коммуникационных технологий, позволяет направить гражданскую активность на осуществление эффективного общественного контроля над деятельностью исполнительной и судебной ветвей государственной власти и принимаемыми ими решениями. В соответствии с ФЗ от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «субъекты общественного контроля действуют в целях наблюдения за деятельностью органов государства и местного самоуправления, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки принимаемых ими актов, решений»¹. Можно говорить, что в современной юридической науке превенции часто рассматриваются в контексте «правового воздействия», «правового регулирования» и «правового прогнозирования». Все три понятия логически связаны между собой, поскольку в информационном пространстве превентивное юридическое воздействие базируется на правовом прогнозировании. Правовое прогнозирование, в свою очередь, основано на системном анализе вариантов практической реализации юридических норм. Таким образом, превенции представляют собой «опережающее регулирование», являющееся составной частью общего правового регулирования, которое в свою очередь представляет собой процесс воздействия существующих юридических норм на сложившиеся общественные отношения. В связи с этим Ю.А. Тихомиров отмечает, что «опережающее правовое воздействие в качестве результата правового прогнозирования должно способствовать эффективности и устойчивости социального, экономического и политического развития» [10, с. 11].

Превентивность рассматриваемого условия судебного разбирательства в уголовном процессе значительно усиливается в условиях, так называемой, «расширенной гласности», которая может быть реализована в рамках построения информационного общества, предполагающего доступ к информации в реальном времени всем заинтересованным лицам. А.А. Майоров отмечает, что «гласность в непосредственной профилактической деятельности выступает как средство информирования населения о преступности и явлениях, с ней связанных» [11, с. 3]. Гласность в данном случае может быть «активной» и «пассивной». Первая предполагает систематическое информирование населения через СМИ о наиболее резонансных уголовных делах, либо делах о преступлениях, представляющих особую опасность для общества, борьба с которыми невозможна без создания определенной общественной атмосферы. Вторая реализуется через размещения в открытых источниках всей информации о деятельности правоохранительных органов, которую граждане могут свободно получить через информационные системы. Стоит отметить, что оба варианта вполне реализуемы уже в настоящее время с использованием имеющихся технологий обработки, хранения и передачи информации.

Другим аспектом реализации общей превенции уголовного судопроизводства с использованием общей гласности в контексте построения информационного пространства является открытое судебное разбирательство. Оно позволяет гражданам осуществлять наблюдение за действиями судей и иных участников уголовного процесса. Такое наблюдение может обеспечиваться, в том числе дистанционно, с использованием средств телекоммуникаций. Гласный процесс создает важные условия для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора,

¹ См.: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. 1, ст. 4213.

препятствования нарушению закона судом и иными участниками процесса. С другой стороны, гласность обеспечивает реализацию гарантий охраны прав и законных интересов лиц — участников уголовного судопроизводства. Кроме того, открытое и гласное судебное разбирательство повышает как ответственность судей, так и иных участников процесса, обеспечивает порядок судебного разбирательства, объективность и всесторонность исследования доказательств и всех обстоятельств дела, и в целом создает весомые стимулы к соблюдению всеми участниками процесса норм поведения, профессиональной этики, эффективному выполнению должностных и профессиональных обязанностей.

Обстановка гласности и открытости объективно способствует более эффективному судебному следствию, оказывая превентивное психологическое воздействие на лиц, дающих показания, стимулируя их к точности и правдивости. Публичное судебное разбирательство в открытом для всех граждан информационном пространстве само по себе является превенцией нарушения процессуальных норм при разрешении уголовных дел. В публичном пространстве значительно затрудняется фальсификация доказательств и нарушение прав лиц, участвующих в уголовном процессе.

Публичное разбирательство уголовных дел в суде должно быть построено таким образом, чтобы все лица, присутствующие в судебном заседании, имели реальную возможность восприятия оглашаемой в зале информации. Особенно важно доведение до слушателей показаний свидетелей, подсудимого, содержания процессуальных документов, вещественных доказательств, заключений экспертов, а также принимаемых судом промежуточных и итоговых процессуальных решений. Таким образом, под предметом гласности следует понимать весь комплекс процессуальной информации по рассматриваемому в суде уголовному делу.

Несмотря на то, что в соответствии с российским законодательством и рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ, все суды обязаны создавать условия, обеспечивающие реализацию правила гласности при разбирательстве уголовных дел, а также предоставлять право на получение информации о деятельности и решениях органов судебной власти всем гражданам без каких-либо исключений, перечисленные механизмы работают лишь частично, по причине отсутствия необходимой материальной базы и правового обеспечения.

Проведение открытых судебных слушаний является основополагающим правилом, закрепленным в п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹. Европейский Суд в связи с этим неоднократно отмечал, что «публичный характер судопроизводства защищает стороны по делу от осуществления правосудия втайне, без контроля со стороны общественности, являясь одним из средств поддержания доверия к судам. При осуществлении правосудия, включая судебные разбирательства, легитимность обеспечивается за счет его публичного характера. Обеспечивая прозрачность осуществления правосудия, гласность спо-

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

собствует справедливости судебного разбирательства, гарантия которой является одним из основополагающих принципов любого демократического общества»¹.

Рассматривая превентивное значение гласности уголовного судопроизводства в контексте построения информационного пространства, следует отметить, что некоторые его элементы уже в настоящее время реализованы как технически, так и законодательно. Например, информирование общественности через СМИ о расследовании и рассмотрении в суде некоторых составов преступлений позволяет говорить о скоординированной государственной политике в данном направлении и достижении в ней определенных результатов. Имеются также определенные успехи в развитии информационного пространства судов, позволяющего в реальном времени получать сведения о рассмотрении дел и судебных решениях. В то же время вне правового поля остается вопрос о возможности дистанционного доступа к записям судебных заседаний, либо их просмотра в режиме реального времени заинтересованными лицами.

Превентивное значение гласности в уголовном процессе состоит в обеспечении возможности реализации общественного контроля за деятельностью судов и органов, обеспечивающих производство предварительного расследования. Гласность придает судебным процессам предупредительное значение, поскольку объективное и справедливое разрешение дела, восстановление прав и законных интересов граждан, потерпевших от преступления, неотвратимость наказания за совершение преступлений, демонстрирует обществу эффективность судебной власти.

Как видно, гласность в сфере уголовного судопроизводства представляет собой ключ к открытию информационного пространства, существование которого предоставляет возможность гражданам беспрепятственно получать информацию о ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, судебных решениях, знакомиться с правовыми нормами, состоянием криминогенной обстановки на территории проживания, получать ответы на многие другие правовые вопросы.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные превенции уголовного судопроизводства представляют собой совокупность правовых институтов, обеспечивающих предотвращение и пресечение преступлений путем осуществления деятельности в рамках реализации уголовно-процессуальных функций, в том числе, с использованием технологий в области цифровизации и информатизации. К таким институтам относится деятельность органа дознания в порядке ст. 40 УПК РФ осуществляемая участковыми уполномоченными полиции; досудебное соглашение о сотрудничестве; сокращенное дознание; прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; гласность судебного разбирательства. Указанные правовые институты наиболее эффективно могут

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 25 октября 2016 г. «Дело «Чаушев и другие (Chaushev and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 37037/03, 39053/03 и 2469/04). По делу обжалуются рассмотрение уголовного дела осужденных в закрытом судебном разбирательстве, представление государственным обвинением недопустимых и недостоверных доказательств, назначение заявителям строгих наказаний, хотя их вина не была доказана, а также враждебное по отношению к ним освещение судебного процесса средствами массовой информации, предвзятость суда, провокационные вопросы об их религии и препятствия совершению ими религиозных обрядов в месте заключения. По делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 5.

действовать в условиях цифровизации, с использованием информационных систем, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и государства, в лице должностных лиц правоохранительных органов.

Превенции уголовного судопроизводства во-первых, создают в обществе информационную среду, значительно усложняющую совершение преступлений и вторых, препятствуют нарушениям прав и свобод человека и гражданина при осуществлении правосудия. Практическое применение уголовно-процессуальных превенций невозможно без разработки государственной политики в области цифровизации делопроизводства, создания информационных баз, позволяющих эффективно контролировать криминогенную обстановку на обслуживаемой территории, внедрения технологий в области обработки, хранения и передачи информации, создания виртуальной среды, открывающей доступ к информации о деятельности правоохранительных органов и, в первую очередь - судов. В целом эффективная реализация превенций уголовно-процессуальной деятельности требует совершенствования как нормативно-правового, так и организационно-материального обеспечения с применением технологий, обеспечивающих построение информационного пространства.

Библиографический список

1. Кулакова М.Н. Следователь как субъект уголовно-процессуальной превенции // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 11. С. 42–44.
2. Гриненко А.В. Договорные отношения в российском уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 152–158.
3. Баккинин И.А. Проблемы профилактики правонарушений в работе участковых уполномоченных полиции с обращениями граждан // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 5. Ч. 1. С. 208–211.
4. Пржиленский В.И. Теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства в контексте возможностей его цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 17–29.
5. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
6. Попов И.А. Гласность как одно из средств обеспечения задач правосудия // Мировой судья. 2018. № 2. С. 25–28
7. Вилкова Т.Ю. Принцип гласности уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы. М.: Юрайт, 2019. 286 с.
8. Батулин Ю., Егоров В., Керимов В. и др. Гласность и демократия // Урок дает история / под общ. ред. В.Г. Афанасьева, Г.Л. Смирнова; сост. А.А. Ильин. М., 1989. С. 353–375.
9. Нечаева Л.А. Эволюция принципа гласности судопроизводства в России и зарубежных странах // Вестник МИЭП. 2014. № 3(16). С. 27–34.
10. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 240 с.
11. Майоров А.А. Принцип гласности в деятельности органов внутренних дел по профилактике преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1991. 20 с.

References

1. Kulakova M.N. Investigator as a Subject of Criminal Procedural Prevention // Bulletin of the Nizhny Novgorod Legal Academy. No. 11. 2016. P. 42–44.

2. *Grinenko A.V.* Contractual Relations in Russian Criminal Proceedings // Journal of Russian law. 2019. No. 2. P. 152–158.
3. *Bakkinin I.A.* Problems of Prevention of Offenses in the Work of District Police Officers with Appeals from Citizens // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 5 (part 1). P. 208–211.
4. *Przhilensky V.I.* Theoretical and Cognitive Foundations of Criminal Proceedings in the Context of the Possibilities of Its Digitalization // Journal of Russian Law. 2019. No. 7. P. 17–29.
5. *Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N.* Law in Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. P. 85–102.
6. *Popov I.A.* Glasnost as One of the Means of Ensuring the Tasks of Justice // Justice of the Peace. 2018. No. 2. P. 25–28
7. *Vilkova T.Yu.* The Principle of Publicity of Criminal Proceedings: History, Modernity, Prospects. M.: Yurayt, 2019. 286 p.
8. *Baturin Y., Egorov V., Kerimov V. et al.* Glasnost and Democracy // History Gives a Lesson ed. by V.G. Afanasyeva, G.L. Smirnova; Compiled by A.A. Ilyin. M., 1989. P. 353–375.
9. *Nechaeva L.A.* Evolution of the Principle of Publicity of Legal Proceedings in Russia and Foreign Countries // Vestnik MIEP. 2014. No. 3 (16). P. 27–34.
10. *Tikhomirov Yu.A.* Law: Forecasts and Risks. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2015. 240 p.
11. *Mayorov A.A.* The Principle of Publicity in the Activities of the Internal Affairs Bodies for the Prevention of Crimes: extended extract dis. ... cand. of law. M., Acad. USSR Ministry of Internal Affairs 1991. 20 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-186-193

УДК 343.1

В.Л. Григорян, М.А. Лавнов, Ю.В. Францифоров

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ, БАЗИРУЮЩИХСЯ НА ДОЗВОЛИТЕЛЬНОМ СПОСОБЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Введение: в статье на фундаментальном уровне исследуется круг вопросов, связанных с использованием дозволения в сфере уголовной юстиции, через призму идей целесообразности уголовного судопроизводства. В работе обосновывается тезис о том, что дозволение является одним из эффективных способов правового регулирования, наряду с обяыванием и запретами. **Цель:** исследования состоит в том, чтобы выявить основные формы реализации дозволения в сфере уголовного судопроизводства, сформулировать предложения по оптимизации действующего механизма правового регулирования с учетом применения частных начал. **Методологическая основа:** в работе использовались общенаучные и частнонаучные методы познания. В частности, применены диалектический, логический, системный, структурно-функциональный, формально-юридический методы, а также метод анализа действующего законодательства, научной литературы. **Результаты:** выявлена корреляция форм использования дозволения в зависимости от субъекта (участника) производства по уголовному делу. Сформулирован тезис о том, что широкое применение диспозитивных начал в механизме правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений создает высокие риски злоупотребления правом. **Выводы:** реализация результатов, полученных авторами исследования, позволит оптимизировать правовые основы дозволения и эффективность его применения в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: диспозитивность, дозволение, нравственные начала, публичность уголовного процесса, процессуальные гарантии, участники уголовного процесса, целесообразность.

© Григорян Ваган Левонович, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, доцент (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vagan1384@mail.ru

© Лавнов Михаил Александрович, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: m-lavnov@rambler.ru

© Францифоров Юрий Викторович, 2021

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, (Саратовская государственная юридическая академия)

© Grigoryan Vagan Levonovich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal procedure (Saratov State Law Academy)

© Lavnov Mikhail Aleksandrovich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal procedure (Saratov State Law Academy)

© Franciforov Yuri Viktorovich, 2021

Doctor of law, Professor, Professor, Department of Criminal procedure, (Saratov State Law Academy)

V.L. Grigoryan, M.A. Lavnov, Yu.V. Franciforov

PROBLEMS OF THE EFFECTIVENESS
OF THE IMPLEMENTATION OF NORMS BASED
ON THE PERMISSIBLE METHOD OF CRIMINAL
PROCEDURE REGULATION

Background: the article examines at a fundamental level, using the accumulated general theoretical experience, the range of issues related to the use of permission in the field of criminal justice. The paper substantiates the thesis that permission is one of the most effective ways of legal regulation, along with binding and prohibitions. **Objective:** to identify the main forms of implementation of permission in the field of criminal justice on the basis of generalization and analysis of procedural legislation, scientific ideas, to formulate proposals for optimizing the current mechanism of legal regulation, taking into account the use of private principles. **Methodology:** general scientific and private scientific methods of cognition were used in the research. In particular, dialectical, logical, systemic, structural-functional, formal-legal methods, as well as the method of analyzing the current legislation, scientific literature are applied. **Results:** the correlation of the forms of permission use depending on the subject (participant) of the criminal case proceedings is revealed. The thesis is formulated that the widespread use of dispositive principles in the mechanism of legal regulation of criminal procedural legal relations creates high risks of abuse of law. **Conclusions:** the implementation of the results obtained by the authors of the study will allow optimizing the legal basis of authorization and the effectiveness of its application in criminal proceedings..

Key-words: dispositivity, permissiveness, moral principles, publicity of the criminal process, procedural guarantees, participants of the criminal process, expediency.

В юридической литературе вопрос о правовой природе дозволений относится к числу общетеоретических. С.С. Алексеев в свое время заметил, что дозволения — это не нормы права, не правоотношения, не юридические факты, не элементы юридической техники, но они входят в состав правовой материи, активно участвуя в правовом регулировании [1, с. 352]. Отталкиваясь от приведенного утверждения, можно встретить различные суждения о понятии дозволений. Нам в большей степени импонирует точка зрения К.Е. Игнатенковой, согласно которой дозволение необходимо трактовать как способ правового регулирования, выражающийся посредством юридических норм, заключающийся в предоставлении субъекту в очерченных законом рамках свободы выбора варианта поведения, стимулирующий его правовую активность, творческие и созидательные качества, способствующий наиболее полному удовлетворению интересов личности, общества и государства [2, с. 14]. Хотя иногда в общей теории права способ регулирования определяется настолько широко, что позволяет воспринимать дозволение в качестве метода правового регулирования. Так, В.Л. Кулапов и И.С. Хохлова фактически отождествляют способ и метод правового регулирования, понимая под способом систему правовых предписаний и вкладывая в него комплекс юридических средств и приемов, процедур их использования [3, с. 62, 95], поскольку как раз для метода правового регулирования характерно указание на множество средств и приемов.

Думается, что именно неоднозначный подход к соотношению таких категорий как «способ правового регулирования» и «метод правового регулирования», их

безосновательное отождествление в общей теории права влекут причисление дозволения к методам правового регулирования и в отраслевых науках. В частности, О.Е. Кутафин по итогам рассуждений о методах конституционного права выделял запрет, предписание и дозволение [4, с. 38]. О методах предписания, дозволения, запрета и принуждения применительно к сфере регулирования уголовно-процессуальных отношений говорит С.Б. Россинский [5, с. 40]. Ю.В. Астафьев и вовсе называл дозволение специфическим методом регулирования, без использования которого уголовный процесс осуществляться не может [6, с. 103]. Безусловно, взаимосвязь и взаимообусловленность метода и способа правового регулирования, в том числе в плоскости уголовного судопроизводства, очевидна. Наряду с этим не совсем правильно как ставить знак равенства между анализируемыми правовыми явлениями, так и характеризовать один термин через другой, ведь способ исследуется под углом зрения воздействия на поведение участников уголовного судопроизводства в рамках отдельно взятой нормы либо обособленной группы норм, а метод служит критерием разграничения уголовно-процессуального права в целом с иными отраслями права.

Общеизвестно, что уголовно-процессуальное право зиждется на императивном методе регулирования, при котором главными способами воздействия на поведение участников процесса выступают обязывание (предписание) и запрет. Не случайно уголовно-процессуальная деятельность базируется на принципе публичности, адресованном властным субъектам уголовного судопроизводства и предполагающем их обязанность реализовывать свои полномочия вне зависимости от волеизъявления иных участников. Между тем, даже при императивном методе регулирования, не исключается применение дозволения при конструировании уголовно-процессуальных норм особенно в части регламентации прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и т.д. Сказанное не означает, что мы признаем сосуществование в рамках уголовного процесса императивного и диспозитивного методов правового регулирования, ввиду чего критически расцениваем заявления ученых-процессуалистов о диспозитивности как принципе уголовного судопроизводства [7, с. 70]. Полагаем, что совокупность некоторых правил, лежащих за пределами публичности точнее именовать «частным началом уголовного процесса» как это делает Е.А. Артамонова [8, с. 59]. Вряд ли уместно отрицать тот факт, что с принятием в 2001 году действующего УПК РФ и внесением в него ряда последующих изменений в уголовном судопроизводстве существенно расширяются частные начала (особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, досудебное соглашение о сотрудничестве, прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа и др.). В сложившихся условиях эффективными способами правового регулирования, оказывающими воздействие на поведение участников процесса в ходе производства по уголовному делу, являются не только обязывание и запрет, но и дозволение, способствующее последовательному развитию социума в уголовно-процессуальных отношениях на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Свою выраженность дозволения находят, прежде всего, в уголовно-процессуальных нормах управомочивающего характера, допускающих свободу выбора того или иного поведения. При этом конструирование подобных норм осуществляется таким образом, что лицам, не наделенным властными полномочиями, предоставляется возможность действовать по своему усмотрению, т.е. совершать

или не совершать предусмотренные нормой действия, а государственным органам и должностным лицам — выбрать один из альтернативных вариантов должного поведения, и от этого выбора они уклониться не могут. Вне зависимости от адресата норм, с помощью которых проявляются дозволения, их реализация требует обеспечения вполне конкретными условиями, поскольку ничем не ограниченные дозволения таят в себе опасность произвола, злоупотребления правом. Условиями использования дозволений при производстве по уголовным делам служат обстоятельства, наличествующие изначально и (или) возникающие в ходе расследования и судебного разбирательства, а также усмотрение участников процесса.

Применительно к лицам, имеющим собственный либо представляемый интерес в деле, условия, ограничивающие дозволения и препятствующие злоупотреблениям, сформулированы в законе весьма определенно. К примеру, выбор обвиняемым особого порядка принятия судебного решения, регламентированного главой 40 УПК РФ, обуславливается согласием с предъявленным обвинением, наличием ходатайства и категорией совершенного преступления (преступления небольшой или средней тяжести). Соответствующее ходатайство обвиняемому необходимо заявить добровольно, после проведения консультаций с защитником и при осознании его характера и последствий. Но даже в случае, когда обозначенные условия выдержаны, особый порядок может не состояться при возражении против него подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего либо по собственной инициативе судьи (усмотрение участников уголовного процесса). Аналогично использование дозволения ставится в рамки при сокращенном дознании, основанием для производства которого выступает ходатайство подозреваемого. В качестве условий осуществления дознания в сокращенной форме указываются: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, обозначенных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ; признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также неоспаривание им правовой оценки деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела; отсутствие перечисленных ст. 226.2 УПК РФ обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме. Ознакомление с содержанием ст. 226.2 УПК РФ позволяет разглядеть зависимость возможности (невозможности) расследования уголовного дела в форме сокращенного дознания не только от обстоятельств объективного свойства (несовершеннолетие подозреваемого, невладеение им языком уголовного судопроизводства и др.), но и от субъективного усмотрения потерпевшего. Кстати, впоследствии уже при рассмотрении дела по существу усмотрение сторон и судьи могут повлечь возвращение уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.

Чтобы побудить людей совершать одни действия и воздержаться от других, необходимо, как считал С.В. Познышев, чувствительно заинтересовать эгоизм человеческий в совершении первых действий и несовершении вторых; только право может наложить достаточную для общественного прогресса узду на эгоизм человеческий [9, с. 15]. Дозволения в проанализированных компромиссных процедурах реализуются через свободу выбора при помощи стимулирующих средств, которыми для обвиняемого (подозреваемого) в будущем становятся льготы при назначении наказания. В связи с изложенным вероятность злоупотребления правом на одну из рассмотренных дифференцированных форм уголовного су-

допроизводства повышается. Именно поэтому закрепление в УПК РФ условий, ограничивающих в разумных пределах дозволения на использование особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и сокращенного дознания, представляется вполне оправданным. Подобные условия формулируются законодателем и для надлежащего применения дозволений в традиционном порядке уголовного процесса. Базирующаяся на дозволении как способе правового регулирования возможность обвиняемого и его защитника знакомиться с материалами уголовного дела без ограничений во времени также создает предпосылки для злоупотреблений. Обвиняемый, например, может умышленно знакомиться с материалами дела до истечения предельного срока содержания под стражей, что при определенной ситуации влечет его немедленное освобождение (ч. 6 ст. 109 УПК РФ). С целью недопущения злоупотребления правом на ознакомление с материалами дела условием ограничения дозволения здесь является усмотрение следователя (и в дальнейшем судьи) которые при явном затягивании времени совместными усилиями вправе установить конкретный срок для ознакомления.

Как видно из предшествующих суждений, относительно частных лиц дозволений справедливо очерчиваются рамки, препятствующими злоупотреблениям в том или ином виде. Проблема тут кроется в другом аспекте; речь идет об отсутствии гарантий использования результатов дозволенных действий, осуществляемых этими лицами для удовлетворения своих (либо представляемых интересов). Ярким примером выступает разрешение защитнику самостоятельно собирать доказательства. На законодательном уровне регламентируются даже способы собирания доказательств защитником: опрос граждан с их согласия, получение предметов, документов и иных сведений, привлечение специалиста и т.д. Между тем в процессуальном смысле обязанностью по собиранию доказательств наделяются властные субъекты процесса, а потому от них зависит, преобразуется ли информация, добытая адвокатом-защитником, в доказательства. Таким образом, защитнику дозволяется то, что для государственных органов и должностных лиц не является значимым, и, соответственно, вполне может не привести к желаемому правовому результату. Как следствие, нивелируется цель дозволения.

Аналогичная ситуация наблюдается и при обращении к институту досудебного соглашения о сотрудничестве. Обвиняемому (подозреваемому) разрешается заявить ходатайство, и при положительном решении следователя и прокурора заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, по условиям которого подозреваемый или обвиняемый принимает на себя конкретные обязательства (изобличить соучастников, поспособствовать розыску имущества, добытого преступным путем). При этом нигде в законе не оговаривается, где и как фиксируются действия подозреваемого, обвиняемого, направленные на активное содействие раскрытию преступления и расследованию уголовного дела. Более того, из анализа положений ст. 317.6 УПК РФ вытекает, что если государственный обвинитель не подтвердит факт активного содействия обвиняемого следствию (т.е. в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления), то судебное разбирательство назначается в общем (а не в особом) порядке, несмотря на поступление уголовного дела в суд с представлением прокурора. Мотивированность заявления государственного

обвинителя, не подтвердившего активное содействие обвиняемого следствию, также не предусматривается в качестве обязательного требования (достаточно лишь заявить об этом без должной аргументации). Данный случай не позволяет утверждать, что использование результатов дозволительных действий, нацеленных на удовлетворение законных интересов подозреваемого, обвиняемого (получение льгот при назначении наказания), обеспечивается надлежащими гарантиями.

Напротив, в идентичной ситуации результативность дозволительных действий властных субъектов обвинения гарантируется законодателем. Постараемся аргументировать данную позицию. Заключение с подозреваемым, обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве — это право прокурора, содержащее элементы дозволения. Стимулом для его реализации выступает обусловленная публичными интересами потенциальная возможность изобличить соучастников подозреваемого, обвиняемого, осуществить их уголовное преследование, разыскать имущество, добытое преступным путем. Однако после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве не исключается сообщение подозреваемым, обвиняемым недостоверной информации о вышеперечисленных обстоятельствах. Учитывая, что дела соучастников рассматриваются судом значительно позднее уголовного дела лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, недостоверность представленной им информации может выясниться тогда, когда ему уже назначено наказание с применением льгот. Чтобы обеспечить в таком случае использование результатов дозволительных действий прокурора, заключившего с подозреваемым, обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимыми гарантиями, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ в УПК РФ внесены изменения¹, которыми выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, включено в число оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном, кассационном и надзорном порядках (ст. 389.15, 401.15 и 412.9 УПК РФ).

Еще одна насущная проблема — это расплывчатость формулировок, употребляемых при регламентации ограничительных условий применения дозволений властными участниками процесса, либо их тотальное отсутствие. Принцип свободы оценки доказательств строится на внутреннем убеждении профессиональных субъектов уголовного судопроизводства. Условиями ограничения следственного и судейского усмотрения здесь выступают положения закона, материалы уголовного дела и морально-этическая категория «совесть». Нравственное требование справедливости, предъявляемое к приговору, позволяет суду принимать вариативные решения по вопросам уголовного наказания. Конечно, нельзя не согласиться с В.Д. Сорокиным, что система норм нравственности, существующая гораздо дольше, чем система норм права, имеет в своем арсенале все те же дозволения [10, с. 98–99]. Однако безосновательное проникновение нравственно-этических составляющих в плоскость уголовного судопроизводства чревато произволом, всякого рода злоупотреблениями. Даже учитывая тот факт, что законодателем презюмируются высокий уровень профессиональной

¹ См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2016. 8 июля.

подготовки правоприменителя, его добропорядочность при вынесении решений по уголовным делам [6, с. 104], дозволения зачастую трактуются в отрыве от исходных начал уголовно-процессуальной деятельности. Если же эти начала по каким-либо причинам не находят прямого отражения в системе принципов уголовного судопроизводства, то ситуация полностью выходит из-под контроля. Так, возможности следователя по определению порядка расследования и выбору оптимальных следственных действий, проистекающие из дозволительного способа правового регулирования, придают его деятельности односторонний (обвинительный) характер, поскольку требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела напрямую не включено в систему принципов уголовного процесса. Иногда, ввиду отсутствия формулировок (ограничительных условий) совсем не ясно, какими критериями следует руководствоваться государственным органам и должностным лицам, чтобы воспользоваться или не воспользоваться дозволением, например, прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон либо нет. Думается, что предлагаемое некоторыми учеными внедрение в уголовное судопроизводство принципа целесообразности [11, с. 57–58] будет обязывать властных субъектов процесса аргументировать свой выбор в пользу того или иного решения. А пока дозволения, адресованные профессиональным участникам уголовного судопроизводства, страдают правовой неопределенностью и абстрактностью формулировок, опасность произвола в них потенциально заложена.

Резюмируя вышеизложенное, уместно говорить, что сегодня требуется оптимизация правовой основы дозволений в уголовном судопроизводстве по двум направлениям.

Во-первых, относительно частных лиц существует потребность в расширении гарантий использования результатов дозволительных действий, осуществляемых ими для удовлетворения своих либо представляемых интересов.

Во-вторых, если вести речь о властных субъектах процесса, то применительно к ним нуждаются в конкретизации условия, ограничивающие применение дозволений, так как при имеющемся подходе законодателя и некой аморфности формулировок дозволения таят в себе риск произвола со стороны государственных органов и должностных лиц, отстаивающих публичные интересы.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. *Игнатенкова К.Е.* Дозволение как способ правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 26 с.
3. *Кулапов В.Л., Хохлова И.С.* Способ правового регулирования. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 176 с.
4. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. 444 с.
5. *Россинский С.Б.* Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2009. 736 с.
6. *Астафьев Ю.В.* Нормы-дозволения в российском уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 102–108.
7. *Дикарев И.С.* Диспозитивность в уголовном процессе России / под ред. А.П. Кругликова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 164 с.
8. *Артамонова Е.А.* Частное начало в российском уголовном судопроизводстве / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 164 с.

9. *Познышев С.В.* Учебник уголовного права: Общая часть. Очерк основных начал общей и особенной части уголовного права. М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. Т. 1. 300 с.

10. *Сорокин В.Д.* Правовое регулирование. Предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 661 с.

11. *Савельев К.А., Иванов В.В.* Принцип целесообразности в российском уголовном процессе: «за» и «против» // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2019. № 3. С. 54–58.

References

1. *Alekseev S.S.* Law: ABC — Theory — Philosophy: The Experience of Complex Research. М.: “Statut”, 1999. 712 p.

2. *Ignatenkova K.E.* Permissiveness as a Method of Legal Regulation: extended abstract dis. ... cand. of law. Saratov, 2006. 26 p.

3. *Kulapov V.L., Khokhlova I.S.* The Method of Legal Regulation. Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Professional Education “Saratov State Law Academy”, 2010. P. 176 p.

4. *Kutafin O.E.* The Subject of Constitutional Law. Moscow: Yurist, 2001. 444 p.

5. *Rossinsky S.B.* Criminal Process: textbook. Moscow: Eksmo, 2009. 736 p.

6. *Astafyev Yu.V.* Norms-Permits in the Russian Criminal Process // *Judicial power and criminal process* // *Judicial power and criminal procedure.* 2016. No. 1. P. 102–108.

7. *Dikarev I.S.* Dispositivity in the Criminal Process of Russia / ed. by A. P. Kruglikov. Volgograd: Publishing House of the Volga, 2005. 164 p.

8. *Artamonova E.A.* Private Beginning in Russian Criminal Proceedings / ed. by V.M. Kornukov. Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Professional Education “Saratov State Academy of Law”, 2004. 164 p.

9. *Poznyshhev S.V.* Textbook of Criminal Law: General part. An Outline of the Main Principles of the General and Special Part of Criminal Law. Vol. 1. Moscow: Legal Publishing house of the People’s Commissariat of Justice, 1923. Vol. 1. 300 p.

10. *Sorokin V.D.* Legal Regulation. Subject, Method, Process (macro level). St. Petersburg: Law Center Press, 2003. 661 p.

11. *Savelyev K.A., Ivanov V.V.* The Principle of Expediency in the Russian Criminal Process: “For” and “Against” // *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice.* 2019. No. 3. P. 54–58.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-194-200

УДК 343.982

Д.А. Ефремов

ФАКТОРЫ ЛИЧНОСТНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ПРОИЗВОДСТВЕ ОЧНОЙ СТАВКИ

Введение: актуальность статьи определяется существующей необходимостью повышения эффективности очной ставки как процессуального средства устранения существенных противоречий в показаниях нескольких участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии. **Цель:** выявить и охарактеризовать основные факторы личностной и информационной природы, подлежащие анализу со стороны следователя на стадии принятия решения о производстве очной ставки. **Методологическая основа:** поставленная цель достигается за счет применения общенаучных (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический) методов. **Результаты:** по итогам проведенного исследования автором определяются и описываются основополагающие факторы личностного и информационного характера, способные повлиять на достижение положительного результата на очной ставке и подлежащие всестороннему анализу со стороны следователя в стадии принятия соответствующего решения. **Выводы:** очная ставка как процессуальное средство устранения существенных противоречий в показаниях участников процесса расследования преступлений станет эффективным инструментом преодоления ложных показаний посредством оказания целенаправленного психологического воздействия с предварительным учетом факторов личностной и информационной природы.

Ключевые слова: очная ставка, свойства личности, информация, решение, психологическое воздействие, эмоциональная устойчивость, противоречия в показаниях.

D.A. Efremov

PERSONAL AND INFORMATIONAL FACTORS AND THEIR IMPACT ON THE DECISION TO CONDUCT A FACE-TO-FACE INTERROGATION

Background: the relevance of the article is determined by the existing need to increase the effectiveness of face-to-face interrogation as a procedural means of eliminating significant contradictions in the testimony of several participants in criminal proceedings at the pre-trial stage. **Objective:** to identify and characterize the major personal and informational factors to be analyzed by a criminal investigator during making a decision concerning the implementation of face-to-face interrogation. **Methodology:** this goal is achieved through the use of general scientific (dialectical, analysis, comparison) and private scientific (comparative legal, formal legal) methods. **Results:** based on the results of the conducted research, the author identifies and describes the fundamental factors of a personal and informational nature that can affect the achievement of a positive

© Ефремов Дмитрий Алексеевич, 2021

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: dimefremov@mail.ru

© Efremov Dmitriy Alekseevich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminalistics (Saratov State Law Academy)

result at the face-to-face interrogation and are subject to a comprehensive analysis by the investigator at the stage of making the appropriate decision. Conclusion: a face-to-face interrogation as a procedural means of eliminating significant contradictions in the testimony of participants in the crime investigation process will become an effective tool for overcoming false testimony by providing targeted psychological influence with preliminary consideration of personal and informational factors.

Key-words: *face-to-face rate, personality properties, information, factors, decision, psychological impact, emotional stability, contradictions in the testimony.*

Система доказательств по каждому уголовному делу представляет собой сложную информационную конструкцию, состоящую из множества взаимоподкрепляющих структурных элементов. Процесс ее построения — комплексная, планомерная и целенаправленная деятельность следователя по производству различных процессуальных действий. Некоторые из них являются активными «поставщиками» определенного объема данных, другие — служат средствами проверки, уточнения имеющихся сведений, а также инструментами устранения информационных конфликтов в данной системе.

Одним из таких следственных действий является очная ставка, под которой следует понимать попеременное получение показаний от ранее допрошенных лиц в присутствии друг друга по особо значимым для расследования уголовного дела обстоятельствам, в отношении которых имеются существенные противоречия¹.

Теоретический анализ криминалистических проблем организации и тактики проведения очной ставки в разное время проводили многие ученые, среди которых, в частности, следует выделить О.Я. Баева, Н.В. Бахарева, А.К. Гаврилова, А.К. Давлетова, А.А. Закатова, В.С. Комаркова, В.Е. Коновалову, Е.С. Лапина, А.Б. Соловьева, Д.А. Солодова и др.

Несмотря на достаточно высокую степень научно-криминалистической разработанности вопросов производства рассматриваемого следственного действия, существует потребность в дальнейших узконаправленных теоретических изысканиях, в том числе в сфере организационных аспектов очной ставки. Одной из проблем в данной области является анализ факторов различной природы следователем при принятии решения о производстве очной ставки, что представляется особенно актуальным в силу высокого уровня тактического риска в процессе следственного действия.

В специальной литературе в качестве определяющих факторов для принятия решения о необходимости производства очной ставки указываются следующие: общее состояние расследования по делу; объем и значение собранных доказательств; наличие неиспользованных источников формирования других доказательств; взаимоотношения между участниками очной ставки; существенность имеющихся противоречий в показаниях; ожидаемый баланс «выигрыша-проигрыша» по результатам очной ставки; возможность изменения данного соотношения доступными средствами; возможность устранения (нейтрализации) отрицательных последствий риска [1, с. 117].

¹ Важность обстоятельства для расследования прежде всего определяется его значимостью для юридической оценки содеянного или прямым требованием уголовно-процессуального закона (ст. 73 УПК РФ) на необходимость его установления. Существенность противоречий определяется через логическое установление их взаимоисключаемости.

Вместе с тем для минимизации уровня тактического риска и обеспечения положительного для расследования результата следователю также необходимо уделить особое внимание анализу факторов личностного и информационного характера при принятии решения о производстве очной ставки. Следует отметить, что указанные факторы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Рассматриваемое следственное действие сможет достигнуть своего положительного результата исключительно посредством направленного психологического воздействия на лицо, чьи показания не синхронизируются с другими элементами системы доказательств, что обеспечивается, в частности, объемом и качеством информации, представляемой его оппонентом.

Достижение поставленных целей очной ставки будет обеспечено за счет преодоления психологической устойчивости лица, чьи показания входят в конфликт с некоторыми элементами системы доказательств (в том числе с показаниями другого участника процесса расследования). «Психологическая устойчивость понимается как целостная характеристика личности, обеспечивающая ее устойчивость к фрустрирующему и стрессогенному воздействию трудных ситуаций» [2, с. 367]. В этой связи при принятии решения о производстве очной ставки следователь должен провести оценку соотношения уровня такой устойчивости лица — объекта психологического воздействия к предстоящей стрессогенной ситуации. В том случае, если в ходе проведенного личностного анализа установлена вероятность существенного превышения уровня такой устойчивости как к предстоящей стрессогенной ситуации, так и в соотношении с психологическими свойствами другого участника, следователю необходимо решить вопрос обо всех существующих вариантах своего активного включения в процесс такого воздействия путем комплексной реализации возможных в прогнозируемой ситуации тактических комбинаций на очной ставке. Такое активное участие следователя должно выражаться в предъявлении изобличающих вещественных доказательств и документов, а также осуществлении иных тактико-психологических приемов целенаправленного воздействия.

Определяющее значение психологического воздействия на очной ставке предопределяет необходимость предварительной аналитической работы следователя по установлению причин противоречия показаний участников на предмет умышленного действия либо добросовестного заблуждения.

В силу высокого уровня психологического напряжения, обусловленного прежде всего конфликтностью позиций участников, представляется, что очная ставка не является вполне приемлемым инструментом преодоления противоречий в показаниях в ситуациях, когда лицо владеет не соответствующей действительности информацией в силу некачественного (например, фрагментарного) ее восприятия либо в силу специфики личностных свойств, не позволивших данному лицу провести правильную оценку воспринятого. Абсолютно справедливо отмечается «большое положительное значение очной ставки как средства непосредственного тактико-психологического воздействия одного участника очной ставки, дающего правдивые показания, на другого» [3, с. 149].

Очевидно, что в ситуациях на очной ставке, когда лицо, обладающее криминалистически значимыми данными о преступлении и внутренне ложно убежденное в их «объективной» действительности, находясь под сильным психологическим воздействием в подавляющем большинстве случаев окончательно замкнется в себе либо займет еще более остроконфликтную позицию. Обоснована и справед-

лива позиция Ю.В. Чуфаровского в отношении того, что «непременным условием очной ставки является активное психологическое воздействие на дающего ложные показания со стороны другого участника очной ставки. В противном случае очная ставка только усугубит противоречивость показаний» [4, с. 181].

Учитывая указанное обстоятельство, следователю при принятии решения о производстве очной ставки крайне важно провести дополнительную аналитическую работу по установлению объективных причин несоответствия показаний такого лица и в случае установления фактора добросовестности в его показаниях отказаться от проведения очной ставки, изыскав иные процессуальные, организационные и тактические средства преодоления существующих противоречий.

Определяющим для достижения полезной результативности очной ставки является соответствие действительности показаний одного из ее участников (фактор объективности обладаемой информации).

Отсутствует всякий смысл в проведении очной ставки в ситуациях, когда в ходе расследования по уголовному делу установлено, что информационное содержание показаний у обоих лиц не соответствует действительности. Очная ставка должна служить не просто процессуальным инструментом устранения существенных противоречий в показаниях, но и (что более важно) способом установления объективной действительности в отношении обстоятельств уголовного дела. В данном случае не имеет никакого фактического значения изменение показаний любого из участников рассматриваемого следственного действия. В основе каждого устранения существенного противоречия на очной ставке должно лежать стремление следователя установить истинное информационное содержание в доказательствах и их соотношение между собой. Очная ставка с заранее определенным ложным результатом априори несет больше деструктивного, нежели полезного для процесса расследования преступлений.

Достижение полезного результата на очной ставке должно быть обусловлено реальным стремлением и заблаговременным самонастроением следователя на его обеспечение. К сожалению, практике давно известны случаи иного отношения к анализируемому следственному действию, когда «следователь при наличии серьезных расхождений в показаниях допрашиваемых свидетелей или обвиняемых на очной ставке спрашивает каждого из допрашиваемых, подтверждают ли они данные ими ранее показания. Обычно они подтверждают их. Следователь, отметив это в протоколе очной ставки, считает, что он сделал все возможное для устранения противоречий в показаниях. В результате такого формализма человек, давший неверное показание, только укрепляется в своей лжи или заблуждении» [5, с. 146–147].

В данном случае совершенно справедливо замечание Е.С. Лапина о том, что в подобных ситуациях «очная ставка „ведет себя” несоответственно своему понятию или своему назначению, своей идее. Такие очные ставки, что делаются для проформы, которыми никаких новых обстоятельств не устанавливается, не нужны судопроизводству, они вредны для уголовного дела. Проводятся они лишь для искусственного создания дополнительного доказательства» [6, с. 134].

Результативность очной ставки может носить не только «нулевой» характер, когда по итогам ее формального проведения сохраняется конфронтация показаний ее участников, но и может привести к негативным для расследования последствиям в виде изменения позиции добросовестным ее участником в ложную сторону под обратным психологическим воздействием со стороны его оппонента.

Предупредить развитие подобной проблемной ситуации помогут, в частности, установление и анализ факторов потенциального авторитетного доминирования, среди которых следует выделить существенное возрастное превалирование, а также социальную зависимость одного из ее участников.

Анализ возрастного соотношения участников очной ставки необходим во всех случаях при решении организационных вопросов подготовительного этапа данного следственного действия. Изучение рассматриваемого фактора должно происходить не обособлено, а в соотношении с иными факторами личностного и информационного характера. Так, принимать решение о производстве очной ставки в ситуациях, когда определена существенная разница в возрасте ее участников, целесообразно, если следователем установлен высокий уровень психологической устойчивости добросовестного лица, младшего по возрастным параметрам, его эмоциональная стабильность, а также объем и достоверность обладаемой им информации об обстоятельствах преступления, подтверждаемая иными источниками доказательств в уголовном деле.

Социальная зависимость одного из участников от другого как фактор потенциального авторитетного давления на очной ставке также подлежит установлению, всестороннему исследованию и прогнозированию ее потенциального негативного влияния на ход и результаты рассматриваемого следственного действия. Характер такой зависимости может быть обусловлен родственной, должностной либо финансовой обязанностью и т.п.

Принятие решения о проведении очной ставки в условиях существования факторов авторитетного доминирования предопределяет последующее особо активное участие следователя в виде параллельной с избличающими показаниями реализацией средств тактического воздействия на лицо, дающее ложные показания.

Для достижения необходимого уровня психологического воздействия на такое лицо при проведении очной ставки имеет значение не только объективность показаний, представляемых его оппонентом (другим участником), но и источник получения этой информации, который необходимо установить следователю в стадии принятия соответствующего решения. Предпочтительной в таком случае является ситуация, когда лицо, посредством представления показаний которого будет осуществляться преодоление противоречия, обладает информацией об обстоятельствах расследуемого преступления из первоисточника. Приоритет при принятии решения о производстве очной ставки следует отдавать добросовестным участникам рассматриваемого следственного действия, показания которых сформировались путем непосредственного восприятия объективной действительности в ходе течения криминальных процессов. У следователя в таком случае появляется возможность для подтверждения этих сведений путем проведения иных следственных действий (например, проверки показаний на месте, предъявления для опознания и т. п.) и использования полученных результатов на очной ставке в отношении участника, чьи показания противоречивы по причине их ложности. С другой стороны, показания, информационное содержание которых сформировано опосредованно (в частности, со слов иных участников предварительного расследования), не окажут должного психологического воздействия для устранения существующих противоречий.

Другим значимым фактором для предстоящего преодоления существенных противоречий на очной ставке является предварительный анализ следователем

личностной эмоциональной устойчивости участвующих лиц, чьи показания могут не совпадать. Как известно, ряд следственных действий (в т.ч. и очная ставка), суть которых связана с получением показаний непосредственно в ходе проведения следственного действия, характеризуются возможностью получения информации двух видов — как вербальной, так и невербальной. Несмотря на то, что невербальный информационный ряд в данном случае носит исключительно ориентирующий характер, он тем не менее может выступать полезным маркером для следователя, свидетельствующим, например, о ложности содержания показаний лица, его отношении к содеянному и к процессу расследования в целом, правильности выбранной следователем линии тактического поведения и т.п.

В этой связи на стадии решения организационных вопросов применительно к очной ставке будет весьма полезным провести предварительную оценку эмоциональной устойчивости лица, дающего противоречивые показания в силу их ложности. Под эмоциональной устойчивостью (эмоциональной стабильностью) следует понимать психологическую характеристику взрослого человека, представляющую его как эмоционально зрелую личность и проявляющуюся в том, что человек нормально реагирует на эмоциогенную ситуацию, вполне может контролировать свои эмоциональные состояния и реакции [7, с. 450]. Таким образом, установление потенциальной эмоциональной неустойчивости лица на внешние раздражители при принятии соответствующего процессуального решения и последующая правильная работа следователя с невербальными проявлениями ориентирующего характера поможет ускорить процесс преодоления противоречивых ложных показаний на очной ставке.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что очная ставка является важным процессуальным инструментом формирования согласующихся между собой информационных элементов в системе доказательств путем устранения существующих противоречий в показаниях участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии. Достижению цели данного следственного действия будет способствовать предварительная комплексная и планомерная организационная деятельность следователя, в т.ч. его аналитическая работа в стадии принятия соответствующего решения. Использование очной ставки в качестве средства устранения существующих противоречий в показаниях наиболее целесообразно в случаях недобросовестности одного из ее участников, а преодоление таких противоречий должно осуществляться следователем посредством активного оказания системного и целенаправленного психологического воздействия на соответствующее лицо с предварительным учетом факторов личностной и информационной природы.

Библиографический список

1. *Баев О.Я., Солодов Д.А.* Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации профессионалов: практическое пособие. М.: Эксмо, 2010. 240 с.
2. *Дарвиш О.Б.* Психологическая устойчивость как базовая характеристика личности // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 7. С. 362–370.
3. *Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина.* М.: Экзамен, 2014. Т. 2. 559 с.
4. *Чуфаровский Ю.В.* Психология оперативно-разыскной и следственной деятельности: учебное пособие. М.: Проспект, 2014. 208 с.

5. *Тарасов-Родионов П.И.* Предварительное следствие: пособие для следователей / под ред. Г.Н. Александрова и С.Я. Розенблита. М.: Госюриздат, 1955. 247 с.
6. *Лапин Е.С.* Ошибки в понятиях и проведении следственных действий. М.: ИНФРА-М, 2020. 214 с.
7. *Немов Р.С.* Психологический словарь. М.: ВЛАДОС, 2007. 560 с.

References

1. *Baev O.Ya., Solodov D.A.* Production of Investigative Actions: Forensic Analysis of the Criminal Procedure Code of Russia, Practice, Recommendations of Professionals: a practical guide. Moscow: Eksmo, 2010. 240 p.
2. *Darvish O.B.* Psychological Stability as a Basic Characteristic of Personality // Siberian Pedagogical Journal. 2008. No. 7. P. 362–370.
3. Criminalistics: textbook / Under the general editorship of A.I. Bastrykin. M.: Publishing house “Exam”, 2014. Volume 2. 559 p.
4. *Chufarovskiy Yu.V.* Psychology of Operational-Investigative and Investigative Activities: a textbook. Moscow: Prospekt, 2014. 208 p.
5. *Tarasov-Rodionov P.I.* Preliminary Investigation: manual for investigators. Edited by G.N. Aleksandrov and S. Ya. Rosenblit. M. Gosyurizdat, 1955. 247 p.
6. *Lapin E.S.* Errors in the Concepts and Conduct of Investigative Actions. Moscow: INFRA-M, 2020. 214 p.
7. *Nemov R.S.* Psychological Dictionary. M.: VLADOS, 2007. 560 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-201-206

УДК 342

Е.В. Королева

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СУДА В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Введение: актуальность данной работы определяется тем, что российское законодательство не раскрывает всю полноту и значимость полномочий председателя суда, в связи с чем в научном сообществе активно исследуются проблемы, изъяны и пределы его (председателя суда) статуса. **Цель:** охарактеризовать правовое положение председателя суда, руководствуясь действующим законодательством, международно-правовыми актами и научной доктриной. Для полноты изучения объекта исследования особое внимание уделено международным рекомендациям, регламентирующим границы и особенности статуса и роли председателей судов. **Методологическая основа:** анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, метод исследования экспертных оценок. **Результаты:** установлено, что в российском праве недостаточно регламентированы нормы-принципы, нормы-гарантии, отражающие статус председателя суда, пределы его деятельности во избежание недопущения вмешательства в деятельность судьи. **Выводы:** по результатам проведенного исследования автор полагает, что целесообразно принять во внимание международные тенденции, предполагающие четкую конкретизацию пределов компетенции председателя суда и отражающие принципы работы, направленные на обеспечение независимого и беспристрастного правосудия.

Ключевые слова: судья, председатель суда, судебная власть, правосудие, статус, судебная система, судоустройство.

E.V. Koroleva

THE LEGAL STATUS OF THE CHAIRMAN OF THE COURT IN RUSSIAN AND INTERNATIONAL LAW

Background: the relevance of this work is determined by the fact that Russian legislation does not reveal the fullness and significance of the powers of the chairman of the court, and therefore the problems, flaws and limits of his (the chairman of the court) status are actively being investigated in the scientific community. **Objective:** to characterize the legal position of the chairman of the court, guided by the current legislation, international legal acts and scientific doctrine. For the completeness of the study of the object of research, special attention is paid to international recommendations regulating the boundaries and features of the status and role of court chairmen. **Methodology:** analysis, synthesis, comparative legal method, method of research of expert assessments. **Results:** it is established that the Russian law does not sufficiently regulate the norms-principles, norms-guarantees reflecting the status of the chairman of the court, the limits of his activity in order to avoid preventing interference in the judge's activities. **Conclusions:** based on the results of the study, the author believes that

© Королева Елена Владимировна, 2021
Аспирант (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации); e-mail: koroleva-jurist@yandex.ru
© Koroleva Elena Vladimirovna, 2021
Postgraduate (The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

it is advisable to take into account international trends that imply a clear specification of the limits of the competence of the chairman of the court and reflect the principles of work aimed at ensuring independent and impartial justice.

Key-words: *judge, President of the court, judicial power, justice, status, judicial system, judicial system.*

Правовой статус председателя суда в российском законодательстве определен достаточно лаконично и конкретно. В узком смысле председатель суда осуществляет руководство судом и в силу своего организационно-правового положения способствует совершенствованию эффективности его (суда) работы.

В то же время данная позиция подлежит дополнению в силу следующих обстоятельств:

председатель суда обладает дискреционными полномочиями, которые позволяют обеспечить реализацию принципа независимости и самостоятельности судебной власти и эффективность правосудия;

как отмечает М.И. Клеандров, председатель суда должен обладать специальными способностями по руководству судебским коллективом, причем подобные компетенции должны быть проверены при проведении аттестации кандидатов на должность председателей судов и их заместителей [1, с. 82–94];

помимо организационно-правовой (административной) компетенции председатель суда продолжает осуществлять судебную деятельность по отправлению правосудия, как и все другие судьи, а также наделен специальными квазисудебными полномочиями в конкретном деле;

председатель суда, как и любой судья, обладает единым правовым статусом и гарантиями, обязан соблюдать единые требования, предъявляемые к судьям в соответствии с Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», что также его отличает от руководителя в различных органах законодательной и исполнительной власти.

В доктрине статус председателя суда носит двойственную юридическую природу. Одна часть его полномочий направлена на осуществление процессуальных действий при рассмотрении конкретных дел в суде, а другая — на организацию работы суда [2, с. 114]. Сам Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 рассматривает статус председателя суда исключительно через призму компетенции организационно-правового характера, что, безусловно, является пробелом и отличается от фактической правовой действительности (особенно остро данный вопрос встает при сравнении компетенций администраторов и председателей судов)¹.

Д.Н. Бахрах, напротив, выделяет только административно-правовую специфику статуса председателя суда, полагая, что председатель суда, осуществляя руководство подчиненными ему работниками, органами, выступает исключительно в качестве главы учреждения, администратора; организуя работу судей, аппарата суда, он занимается не правосудием, а административной деятельностью [3, с. 64, 66].

Как отмечает Д.Н. Лукоянов, рассмотревший в своем исследовании статус председателей районных судов, элементами правового статуса председателя суда являются единые требования к должности председателя, срок полномочий, а

¹ См.: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Российская газета. 1992. 29 июля.

также общеправовые принципы, функции и задачи его деятельности, предусмотренные федеральным законодательством полномочия, гарантии, компенсации и ответственность [4, с. 4].

Помимо организационно-правовых компетенций, Г.Т. Ермошин выделяет особые полномочия председателя суда, в том числе следующие [5, с. 74–86]:

председатель суда, где открылась вакантная должность судьи, сообщает об этом в соответствующую квалификационную коллегию судей не позднее чем через 10 дней после открытия вакансии (ст. 5 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1);

на судью, который подлежит квалификационной аттестации, не позднее чем за месяц до ее проведения председателем соответствующего суда составляется характеристика, которая должна отражать оценку профессиональной деятельности судьи, его деловых и нравственных качеств;

судьям, пребывающим в отставке, удостоверения судьи подписываются и выдаются председателем суда, в котором они работали в качестве судей непосредственно перед уходом в отставку (п. 3 ст. 21 Закона № 3132-1).

В отечественном законодательстве не закреплено понятие «председатель суда». Из отдельных правовых норм устанавливаются конкретные функции, определяющие значение и пределы компетенции председателя суда.

Прежде всего, председатель суда, как и все судьи, в соответствии с п. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации независим и подчиняется только Конституции РФ и Федеральному закону.

На председателя суда распространяются и иные конституционные гарантии, согласно которым он как судья несменяем (ст. 121 Конституции РФ), неприкосновенен (ст. 122 Конституции РФ). В то же время вопрос о несменяемости председателя является условным. Федеральным конституционным законодательством закреплен срок полномочий председателя суда, по истечении которого он может быть назначен на данную должность на новый срок неограниченное количество раз. Данный вопрос остается дискуссионным в научной среде и средствах массовой информации.

Статус судьи, в том числе и председателя суда, раскрывается благодаря следующим элементам:

- 1) требования, предъявляемые к судье (образовательный ценз, опыт в юридической сфере и т.д.);
- 2) обязанности судей;
- 3) система гарантий (статусные, то есть обеспечивающие независимость судьи, материально-правовые, социально-экономические и т.д.);
- 4) ответственность судей.

Поскольку председатель суда осуществляет организационно-распорядительные полномочия, стоит обратить внимание на Кодекс судейской этики. Согласно ч. 2, 3 ст. 12 Кодекса судейской этики судья, имеющий организационно-распорядительные полномочия в отношении других судей, должен не только исполнять обязанности по отправлению правосудия, но и добросовестно осуществлять возложенные на него административные полномочия. В частности, председатель суда при осуществлении организационно-распорядительных полномочий не вправе допускать действия (бездействие), ограничивающие независимость

судей, оказывать давление на них, иным образом воздействовать на судей при отправлении правосудия¹.

Таким образом, председатель суда должен обеспечить контроль над своевременным и качественным исполнением судьями возложенных на них обязанностей посредством должного материально-технического, социально-экономического обеспечения суда, контролировать равномерное распределение нагрузки между судьями.

В ч. 6 ст. 12 Кодекса судейской этики отмечено, что председатель суда должен добросовестно использовать свое право решать кадровые вопросы, избегать необоснованных назначений, покровительства, семейственности.

Более расширенные, практикоориентированные, полномочия председателей судов рассмотрены в Типовых правилах внутреннего распорядка суда, утвержденных Постановлением Совета судей РФ от 18 апреля 2003 г. № 101². В частности, согласно п. 2.1. типовых правил, в полномочия председателя суда входят следующие действия: распределение обязанностей между заместителями председателя суда и судьями; утверждение должностных инструкций работников суда; рациональная организация труда работников, а также судей и администратора суда; обеспечение судей, аппарата суда и администратора суда рабочим местом, необходимыми условиями труда; обеспечение строгого соблюдения служебной и трудовой дисциплины; содействие созданию в суде деловой, творческой обстановки; всемерная поддержка и развитие инициативы и активности судей и работников суда; своевременное рассмотрение критических замечаний судей и работников суда с последующим информированием о принятых мерах.

Поскольку председатель суда продолжает осуществлять не только организационно-правовые, управленческие, но и функциональные задачи, реализация судебной деятельности раскрывается не только в общеправовом положении, нашедшем отражение в Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1. Объем процессуальных функций раскрывается в Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ, а также в Кодексе административного судопроизводства РФ и Кодексе об административных правонарушениях РФ. Кодифицированное законодательство закрепляет не только процессуальные полномочия председателя наравне с другими судьями (в случае рассмотрения им дела), но и отдельные квазисудебные полномочия, которые должны способствовать эффективности правосудия и включают в себя контроль над деятельностью судей по отправлению правосудия. Речь идет об участии председателя суда в судопроизводстве, в ускорении рассмотрения дел, отводе судьи, а также при рассмотрении ходатайств о восстановлении процессуальных сроков при подаче жалоб в вышестоящие судебные инстанции. Также стоит отметить отдельные полномочия Председателя Верховного суда РФ в выражении несогласия с определением судьи судебной коллегии Верховного суда РФ об отказе в передаче кассационной/надзорной жалобы и представления.

¹ См.: Кодекс судейской этики (утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) (в ред. от 8 декабря 2016 г.) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

² См.: Постановление Совета судей РФ от 18 апреля 2003 г. № 101 «Об утверждении Типовых правил внутреннего распорядка судов». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=15090290970486062081030017&cacheid=9EF14DEED674810D846F1B01ADEA6549&mode=splus&base=LAW&n=118627&rnd=1C6F8243F2398F1382A1CF28FECAAAD5#2g28ob05kkk> (дата обращения: 14.02.2021).

В то же время при более детальном изучении отдельных квазисудебных процессуальных полномочий председателя суда может возникнуть вопрос о соблюдении принципа независимости и невмешательства в деятельность судьи при отправлении правосудия. Данный тезис связан с тем, что любое, даже незначительное, вмешательство председателя суда может повлиять на дальнейшее разрешение дела, поскольку реагирование председателя суда может повлечь за собой дополнительную психологическую нагрузку на судью относительно более тщательного рассмотрения дела, а для сторон — породить сомнения в непредвзятости судьи.

Что касается международного права, то в нем большее внимание уделяется соблюдению общепризнанных основополагающих гарантий независимости судебной власти, а не отдельным организационным полномочиям.

Европейская хартия о статусе судей (1998) закрепила, что «цель статуса судей состоит в обеспечении компетентности, независимости и беспристрастности». Причем такой статус не позволяет принять и применять нормативные акты, умаляющие независимость, беспристрастность суда, а также позволяющие полагать, что имеются риски или сомнения в доверии к суду (судье) при рассмотрении дела¹.

Отдельно стоит рассмотреть выводы, изложенные в Заключении № 19 Совета европейских судей (ССЈЕ) от 10 ноября 2016 года о роли председателей судов. По мнению ССЈЕ, в большей степени независимость председателей судов выражается в процедуре назначения и отстранения от должности, поскольку данные механизмы отражают фактическую возможность вмешательства государства в судебную власть. Назначение председателей судов должно быть таким же, как при отборе и назначении судей, включая процесс оценки кандидатов, определение органа, уполномоченного выбирать и/или назначать судей².

Согласно п. 45, 47 заключения № 19 Совета европейских судей (ССЈЕ) от 10 ноября 2016 года европейские стандарты осуществления судебной деятельности должны распространить обязательность соблюдения принципов, которыми руководствуются судьи (беспристрастность, независимость, неукоснительное соблюдение закона и т.д.), и на председателей судов, чтобы процедура досрочного отстранения председателей судов была прозрачной и был исключен какой-либо риск политического влияния на председателей судов, чтобы не допустить вмешательства министерства юстиции или иного государственного органа в этот процесс. В противном случае судебная власть теряет свой авторитет при отправлении правосудия, а эффективность судебной защиты прав и свобод ставится под сомнение ввиду допущения прямого или косвенного воздействия со стороны государства или отдельных должностных лиц.

Согласно п. 46 и 47 Рекомендации Комитета министров Совета Европы «Рекомендация СЕ (2010) о судьях: независимость, эффективность и ответственность», решение об отборе и развитии карьеры судей должен принимать независимый от исполнительной и законодательной власти орган. По крайней мере, половина членов этого органа должны быть судьями, избранными своими коллегами для обеспечения их независимости. Однако в случаях, когда конституционные или

¹ См.: Европейская хартия о статусе судей (8–10 июля 1998 г.): сборник нормативных актов о суде и статусе судей. 2004. Вып. 3. Кн. 2.

² См.: Заключение № 19 (2016) Консультативного совета европейских судей «Роль председателей судов» (ССЈЕ(2016)2) (принято в г. Страсбурге 10 ноября 2016 года) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 4. С. 149–156.

иные правовые основания требуют, чтобы глава государства, правительство или законодательный орган принимали решения о выборе и карьере судей, независимый компетентный орган (без ущерба согласно положениям главы IV о совете судей), состоящий из представителей судебной системы, должен иметь право давать рекомендации или замечания, которые на практике имеют решающее значение для соответствующего органа по отбору судей¹.

В заключение стоит еще раз обратить внимание на неоднозначность и существенную разницу в понимании роли председателя суда в отечественном и международном праве. В российском законодательстве минимально закреплено значение общеправовых гарантий для председателя суда, в основном раскрыто содержательное понимание организационной деятельности и совершения отдельных процессуальных и квазисудебных полномочий. Что касается международного права, то в нем, напротив, регламентированы принципы независимости председателей судов, описаны процедуры и ситуации, исключающие допущение вмешательства иных ветвей государственной власти в деятельность судов, а также раскрыты принципы, закрепляющие необходимость гарантирования не только внешней, но внутренней независимости судей от председателя суда.

Библиографический список

1. *Клеандров М.И.* В чем смысл квалификационного экзамена кандидата в судьи? // Российское правосудие. 2008. № 1. С. 82–94.
2. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы / В.П. Кашепов, А.А. Гравина, О.В. Макарова и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. 240 с.
3. *Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н.* Административное право: учебник для вузов. 3-е изд., пересм., и доп. М.: Норма, 2007. 816 с.
4. *Лукоянов Д.Н.* Правовой статус председателя районного суда как организатора эффективного правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 29 с.
5. *Ермошин Г.Т.* Судейские должности: структура, объем полномочий, порядок замещения // Российское правосудие. Научно-практический журнал. 2009. № 5 (37). С. 74–86.

References

1. *Kleandrov M.I.* What is the Meaning of the Qualification Exam of a Candidate for a Judge? // Russian Justice. 2008. No. 1. P. 82-94.
2. Organization and Activity of Courts of General Jurisdiction: Novels and Prospects / V.P. Kashepov, A.A. Gravina, O.V. Makarova, etc.; ed. V. P. Kashepov. M.: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation: Law firm CONTRACT, 2016. 240 p.
3. *Bakhrakh D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N.* Administrative Law: textbook for universities. 3rd ed., revised, and suppl. M.: Norma, 2007. 816 p.
4. *Lukoyanov D.N.* The Legal Status of the Chairman of the District Court as an Organizer of Effective Justice: extended abstract diss. ... cand. of law. M., 2011. 29 p.
5. *Yermoshin G.T.* Judicial Positions: Structure, Scope of Powers, Order of Replacement // Russian justice. Scientific and practical journal. 2009. No. 5 (37). P. 74-86.

¹ См.: Рекомендация № Rec (2010)12 Комитета министров Совета Европы «О судьях: независимость, эффективность и ответственность» (принята 17 ноября 2010 г. на 1098-м заседании Комитета министров). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56051#0055720289768345976> (дата обращения: 14.02.2021).

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-207-222
УДК 341.01

А.А. Васильев, Е.С. Аничкин, А.Е. Канакова

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА*

Введение: на сегодняшний день правовое регулирование развития международного научно-технического сотрудничества носит декларативный характер и не содержит единых правовых подходов к отдельным аспектам сотрудничества в сфере науки и технологий. Такая ситуация ограничивает науку территорией конкретного государства и не дает возможности выйти на более масштабный уровень проведения исследований. **Цель:** поиск наиболее оптимального подхода к модели правового регулирования международного научно-технического сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества. **Методологическая основа:** общенаучные методы познания (анализ, синтез, моделирование) и частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, формально-логический), которые способствовали всестороннему и предметному исследованию поставленных вопросов. **Результаты:** создание потенциальной модели правового регулирования международного научно-технического сотрудничества, четкое определение ее структуры, которая включает в себя все важные и необходимые аспекты правового регулирования международного научно-технического сотрудничества и сохраняет баланс

© Васильев Антон Александрович, 2021
Доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, директор юридического института (Алтайский государственный университет); e-mail: anton_vasiliev@mail.ru
© Аничкин Евгений Сергеевич, 2021
Доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и международного права (Алтайский государственный университет); e-mail: rrd231@rambler.ru
© Канакова Анна Евгеньевна, 2021
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права (Алтайский государственный университет); e-mail: kananna19@yandex.ru

© Vasiliev Anton Aleksandrovich, 2021
Doctor of law, Head of the Department of Theory and history of state and law, Director of the Law Institute (Altai State University)
© Anichkin Evgeniy Sergeevich, 2021
Doctor of law, Head of the Department of Constitutional and international law (Altai State University)
© Kanakova Anna Evgenievna, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Department of Constitutional and international law (Altai State University)

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-29-15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

между императивными и диспозитивными аспектами данного правового регулирования. **Выводы:** по результатам проведенного исследования авторы полагают, что становление правового регулирования международного научно-технологического сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества вне рамок конкретной концептуальной модели оказывает негативное влияние на эффективность принимаемых в данной сфере правовых актов, потому что это создает условия для их несогласованности, упущения всех возможных рисков, образования правовых пробелов и фокусировки внимания на неосновных моментах осуществляемого правового регулирования.

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество, Шанхайская организация сотрудничества, концепция правового регулирования, модель правового регулирования, наука.

A.A. Vasiliev, E.S. Anichkin, A.E. Kanakova

CONCEPTUAL MODEL OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL COOPERATION OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION COUNTRIES

Background: today, the legal regulation of the development of international scientific and technical cooperation is declarative in nature and does not contain uniform legal approaches to certain aspects of cooperation in the field of science and technology. This situation restricts science to the territory of a particular state and does not allow us to reach a more extensive level of research. **Objective:** search for the most optimal approach to the model of legal regulation of international scientific and technical cooperation of the Shanghai Cooperation Organization countries. **Methodology:** general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, modeling) and private scientific methods of cognition (comparative-legal, formal-logical), which contributed to a comprehensive and substantive study of the issues raised. **Results:** creation of a potential model of legal regulation of international scientific and technical cooperation, a clear definition of its structure, which includes all the important and necessary aspects of legal regulation of international scientific and technical cooperation and maintains a balance between the imperative and dispositive aspects of this legal regulation. **Conclusions:** according to the results of the research, the authors believe that the formation of legal regulation of international scientific and technological cooperation of the Shanghai Cooperation Organization countries outside the framework of a specific conceptual model has a negative impact on the effectiveness of legal acts adopted in this area because this creates conditions for their inconsistency, omission of all possible risks, the formation of legal gaps and focusing on the non-main points of the ongoing legal regulation.

Key-words: international scientific and technical cooperation, Shanghai Cooperation Organization, concept of legal regulation, model of legal regulation, science.

Разработка оптимальной модели правового регулирования международного научно-технического сотрудничества государств Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС) является одной из приоритетных задач данного межгосударственного объединения. Значение этой задачи возрастает в связи с недостаточным нормативным и институциональным обеспечением научно-технического сотрудничества государств ШОС, а также наличием препятствий и дефектов в правовом обеспечении надлежащей научно-технической интегра-

ции. С одной стороны, такой недостаток нормативного и институционального обеспечения международного научно-технического сотрудничества объясним с точки зрения предпосылок создания Шанхайской организации сотрудничества. В основе создания данного межгосударственного объединения лежат задачи по обеспечению безопасности членов ШОС: борьба с терроризмом, геополитическая напряженность на границе с Афганистаном, наркотрафик и пр. С другой стороны, после учреждения ШОС стали очевидны выгоды от сотрудничества по другим направлениям межгосударственного взаимодействия: образование, культура, экономическое взаимодействие и др. Соответственно, члены ШОС в целом ряде документов определили для себя необходимость расширения и углубления сотрудничества по самому широкому кругу вопросов, в том числе в сфере науки и техники. Так, в Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС от 16 августа 2007 г. были заложены основы для расширения сфер сотрудничества участников ШОС, включая вопросы научно-инновационной деятельности¹. Что привело к принятию правительствами стран ШОС Соглашения о научно-техническом сотрудничестве от 13 сентября 2013 г.². В Стратегии развития ШОС до 2025 г.³ подчеркивается необходимость развития научно-технических связей государств-участников ШОС. Была учреждена постоянно действующая рабочая группа по научно-техническому сотрудничеству ШОС, что подчеркивает значимость данного направления работы.

Необходимость развития научно-технического сотрудничества в рамках ШОС предопределяется еще и тем, что еще до создания данной организации между Правительством Российской Федерации и правительствами стран (Республики Таджикистан⁴; Республики Узбекистан⁵; Республики Казахстан⁶; Киргизской Республики⁷; Китайской Народной Республикой⁸ и Республикой Индия⁹), ныне входящих в ШОС, были заключены соглашения о научно-техническом сотрудничестве. Необходимо отметить, что положения указанных Соглашений имеют в

¹ См.: Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 16 августа 2007 г. // Бюллетень международных договоров. 2018. № 7.

² См.: Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве от 13 сентября 2013 г. // Бюллетень международных договоров. 2016. № 3.

³ См.: Стратегия развития Шанхайской Организации Сотрудничества до 2025 года. Сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2019–2020 годах. URL.: <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172545.pdf> (дата обращения:

⁴ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о научно-техническом сотрудничестве от 25 мая 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. № 2.

⁵ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о научно-техническом сотрудничестве от 27 июля 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 1996. № 3.

⁶ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о научно-техническом сотрудничестве от 25 ноября 1996 г. // Бюллетень международных договоров. 1997. № 6.

⁷ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о научно-техническом сотрудничестве от 10 октября 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 1997. № 12.

⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 12 ноября 1992 г. № 866 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 20, ст. 1702.

⁹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июня 1994 г. № 751 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о научно-техническом сотрудничестве» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 10, ст. 1176.

большинстве случаев абстрактный и декларативный характер, однако сам факт их существования обозначает потребность в регулировании данной сферы, что эффективно обеспечат Соглашения между государствами-членами ШОС.

Интенсификация научно-технических связей зависит от уровня социально-экономического развития и роли научно-технологического сектора в каждом отдельно взятом государстве ШОС. При этом объединение научно-технологического потенциала разных государств несет за собой целый ряд положительных следствий для стран ШОС: синергетический эффект для научно-технологического комплекса; улучшение качества жизни за счет инновационных технологий; научное обеспечение в сфере безопасности, миграции, трансграничного сотрудничества; использование науки в качестве мягкой силы для снятия существующей напряженности в ряде стран ШОС (как, например, в случае с Киргизией и Таджикистаном). Значение международного научно-технического сотрудничества отмечается в научной литературе. Так, в монографии «Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект)» [1, с. 93–114] авторы пишут: «Несмотря на то, что ШОС изначально создавалась с целью совместной защиты границ соседних государств, практически сразу ее деятельность получила и экономическую направленность».

Моделирование, как исследовательский прием предполагает создание идеальной конструкции некоей реальности для разработки конкретных решений, мер и способов воздействия на моделируемый объект [2, с. 121–135]. В качестве объекта, который подлежит моделированию в нашем случае, выступает деятельность государств-участников ШОС, органов ШОС, а также ученых и их коллабораций в сфере научно-технического сотрудничества. Поиск необходимых и адекватных мер правового воздействия на взаимоотношения субъектов научно-технического сотрудничества предопределяет перспективы и уровень эффективности международного научно-технического сотрудничества (далее — МНТС). Модель правового регулирования позволяет создать сценарий правовой политики, оценить все риски и ограничения в правовом регулировании, исключая различного рода эксперименты в реальной политической и социальной практике, а также оценить эффективность правового регулирования после ее внедрения в действительность. По своей сути модель правового регулирования воплощает в себе потенциал концепции опережающего правового регулирования [3, с. 1–10].

Несмотря на наличие большого количества работ по тематике МНТС, а также ряда работ по проблематике его правового регулирования, отсутствует блок специальных работ по МНТС в рамках ШОС.

Вопросам МНТС в целом посвящен ряд научных исследований. Однако они либо касаются частных вопросов, либо не затрагивают данную тематику в рамках ШОС. Так, исследования И.Г. Дежиной [4, с. 28–37; 5, с. 143–155.] в рамках выполнения гранта № 09-06-00362-а «Международное сотрудничество в сфере науки и высоких технологий в условиях интернационализации национальных инновационных систем» преимущественно посвящены экономической оценке различных форм международного научного сотрудничества, которая не предполагает глубокого анализа правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Теоретическим и историческим аспектам становления МНТО и формированию новой мирополитической реальности — международным научно-технологическим отношениям посвящена статья А.В. Крутских и А.В. Бирюкова [6, с. 6–26].

Опираясь на теорию длинных экономических циклов и концепцию смены технологических укладов, авторы рассматривают динамику технико-экономического развития начиная с XVIII века и ее международно-политические последствия. Основные выводы статьи связаны с выдвиганием проблематики воздействия научно-технического прогресса на международные отношения в глобальную повестку дня международной политики и мировой экономики, а также формулирование новых подходов к управлению этим процессом.

Значительный вклад в развитие заявленной тематики внес М.В. Шугуров. Так, в статье «Перспективы международного научно-технического сотрудничества и передачи технологий в повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [7, с. 42–55] автор отразил фундаментальный вопрос, а именно раскрыл новую парадигму НТП и МНТС как факторов перехода к устойчивому развитию. Данным автором было проанализировано МНТС в рамках международных организаций (ЮНКТАД [8, с. 62–76], ЮНИДО [9, с. 58–72], ВОИС [10, с. 144–165] и т.д.), а также в межгосударственных объединениях (БРИКС [11, с. 31–49], СНГ [12, с. 352–358], ЕАЭС [13, с. 287–293], ЕС [14, с. 139–146]). Отдельно нужно отметить, что Шугуров М.В. проводил анализ определенных вопросов МНТС в отношении ШОС [15, с. 62–72].

Вопросу правового регулирования научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза) посвящена диссертация Е.К. Нечаевой [16, с. 1–33]. Несмотря на то, что в задачах данного исследования не значилась разработка правовой модели МНТС, некоторые положения данной работы (например, об основных правовых формах международного сотрудничества в сфере научных исследований и технологического развития) могут быть использованы при проведении дальнейших самостоятельных исследований в отношении ШОС. Н.В. Казарина [17, с. 169–171] предлагает различать две плоскости правового регулирования научно-технического сотрудничества: договорно-правовое сотрудничество и организационно-правовое сотрудничество. Однако развернутой концепции правового регулирования в сфере МНТС с учетом выявленных особенностей автором не предложено.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что несмотря на популярность тематики МНТС, практически отсутствуют работы по правовому регулированию МНТС в рамках ШОС.

Методология исследования определяется исходя из специфики цели исследования и особенностей предмета и включает в себя разнообразные подходы и методы, имеющиеся в арсенале юридической науки.

Атрибутом многих юридических исследований является совокупность общенаучных методов (анализ, синтез), необходимых для обеспечения полноты и достоверности проведения исследования и его результатов. Метод правового моделирования был положен в основу разработки отдельных элементов модели правового регулирования МНТС в странах ШОС. По итогам исследования разработан оптимальный вариант данной модели.

Важным методом проводимого исследования является формально-юридический метод, состоящий во фронтальном изучении актов, регулирующих вопросы МНТС в странах ШОС. На основании этого анализа формируется общее представление о состоянии правового регулирования в обозначенной сфере. Также применение формально-юридического метода позволяет выявить в нормативных

актах технико-юридические неточности и ошибки, нарушения требований формальной логики. Наконец, с опорой на формально-юридический метод, формулируются предложения по созданию модели МНТС и совершенствованию правового регулирования МНТС.

В контексте тематики настоящего исследования особую значимость приобретает сравнительно-правовой метод. Этот метод позволил определить адекватные современным вызовам меры по созданию данной модели. Кроме того, сравнительному анализу подвергается не только национальное законодательство, но и международное право, действующее в рамках ШОС.

Полагаем, что эта модель включает в себя ряд необходимых элементов:

цели и задачи правового регулирования МНТС;

принципы правового регулирования МНТС;

набор методов и способов правового регулирования (режим правового регулирования по концепции С.С. Алексеева);

оценку препятствий, существующих дефектов правового регулирования и рисков в сфере МНТС;

правовые формы оптимального международного научного и научно-технического сотрудничества;

институциональное обеспечение МНТС;

ресурсное и финансовое обеспечение развития МНТС;

разработку конкретных нормативных и иных мер для реализации модели правового регулирования.

Поскольку наполнение элементов модели правового регулирования в отношении каждого отдельного межгосударственного объединения уникально и зависит от специфического набора факторов (сферы сотрудничества, степень интеграции, интенсивность и взаимная заинтересованность сторон и др.), то можно вести речь о моделях правового регулирования международного научно-технического сотрудничества в отношении различных международных объединений.

Цель правового регулирования МНТС в рамках ШОС заключается в создании необходимых юридических условий для наращивания научно-технического потенциала государств-участников ШОС: обмена научными достижениями и технологиями, проведения совместных научных исследований, создания совместных лабораторий, обновления научно-лабораторной и приборной базы [18, с. 69].

В Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации определены цели международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации безотносительно к конкретным международным организациям:

развитие отечественной науки и глобально конкурентоспособных инновационных секторов экономики — с акцентом на усиление национального интеллектуального потенциала;

решение проблем, связанных с «Большими вызовами» — с особым вниманием к их проекции на Российскую Федерацию и на ее партнеров по МНТС;

обеспечение международного лидерства России в том числе за счет повышения вклада Российской Федерации в определение глобальной научно-технологической повестки и ее реализации¹. В рамках ШОС Россия может инициировать

¹ См.: Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8-952). URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (дата обращения: 16.05.2021).

формирование приоритетов научно-технологического сотрудничества, выступать ведущей страной в налаживании многостороннего научно-технического сотрудничества, тем самым подтверждая свой статус одного из лидеров в международной сфере.

Общими задачами в правовом регулировании научно-технического сотрудничества участников ШОС могут быть следующие:

сбалансированное сочетание общих правовых основ международного научно-технического сотрудничества и конкретизации форм и механизмов такого сотрудничества с учетом особенностей государства-участника ШОС;

модернизация существующих и создание новых международных и национальных организационных структур по вопросам научно-технического сотрудничества (формирование постоянного действующей правительственной комиссии ШОС в сфере научно-технического сотрудничества);

преодоление тех положений национального законодательства, которые создают необоснованные препятствия для научно-технического сотрудничества, а также его совершенствование в части создания наиболее благоприятных условий для двухстороннего и многостороннего научно-технического сотрудничества (программы совместных исследований, обмен знаниями и технологиями, защита интеллектуальной собственности и т.п.).

Принципы правового регулирования международного научно-технического сотрудничества до сих пор слабо доктринально и нормативно проработаны. По сути вопрос детально рассматривался в публикациях Е.С. Аничкина, он выделяет 3 уровня принципов правового регулирования международного научно-технического сотрудничества:

1) основные принципы международного права (принцип суверенного равенства государств, принцип уважения прав человека, принцип добросовестного выполнения государствами своих обязательств, принцип сотрудничества государств);

2) отраслевые принципы международного научного права как обособленной отрасли международного публичного права, включающие в себя: принцип свободы выбора форм организации научных связей, принцип взаимной выгоды, принцип соблюдения национальных интересов, принцип предоставления национального режима для субъектов, участвующих в совместных научно-технических проектах, принцип свободы научных исследований, принцип эквивалентности при обмене научно-техническими достижениями);

3) принципы отдельных компонентов международного научного права, например, принцип надлежащей охраны прав на объекты интеллектуальной собственности, принцип согласованности международных и национальных программ научно-технических исследований [19, с. 15–18].

Одними из ведущих принципов правового регулирования международного научно-технического сотрудничества выступают специальные принципы: принцип развития науки, техники и технологии в мирных целях и на благо человечества, принцип безопасного научно-технологического развития, принцип оказания научно-технической помощи развивающимся государствам, свободы научных исследований и другие принципы, который глубоко и детально рассмотрены в работах М.В. Шугурова и Л.П. Ануфриевой [20, с. 160–169; 21, с. 17–21; 22, с. 45–53; 23, с. 10–13].

Каждый уровень принципов выступает основой для следующего уровня. Так, принцип сотрудничества государств ШОС реализуется путем детализации в

виде отраслевого принципа предоставления национального режима для субъектов совместных научно-технических проектов и принципа согласованности международных и национальных программ научных исследований. При этом принципы нижестоящего уровня должны соответствовать принципам более высокого уровня юридической силы и обобщения.

В Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации установлены принципы политики России в данной сфере:

открытость, предполагающая свободный обмен знаниями и технологиями с учетом соблюдения прав на интеллектуальную собственность;

деполитизированность, т.е. недопустимость ограничений для ведения научно-технического сотрудничества и вмешательства в науку по политическим и идеологическим мотивам;

взаимовыгодность, т.е. баланс интересов и симметричность при распределении ресурсов, равный доступ в инфраструктуре, программам исследований, информационным ресурсам;

ответственность, которая выражается в соответствии научно-технической политики нормам международного права, этическим и гуманистическим принципам¹.

Данные принципы в полной мере могут быть применены в отношении сотрудничества России и государств ШОС. Очевидно, что они могут найти формальное отражение в документах ШОС относительно научно-технического сотрудничества. Так, требует формализации подходы к обмену знаниями и технологиями, симметричности при распределении ресурсов, программ исследований, доступа к инфраструктуре, что может найти отражение в двухсторонних и многосторонних соглашениях участников ШОС.

Следует отметить, что в отношении ШОС принципы правового регулирования международного научно-технического сотрудничества нуждаются в дальнейшем доктринальном обосновании и нормативном закреплении.

Режим правового регулирования МНТС и ШОС подразумевает определенный набор и соотношение правовых средств воздействия на общественные отношения [24, с. 30]. Режим правового регулирования (исходя из целей и задач) предопределяет направленность в механизме правового регулирования, формируя необходимые стимулы правового поведения: обеспечение автономии и свободы воли, стимулирование правовой активности или нейтрализации социально опасных форм поведения. С учетом необходимости более тесного и результативного научно-технического сотрудничества в рамках ШОС ведущую роль должен играть такой режим, который стимулирует активность субъектов научно-технической деятельности, национальных государств и наднациональных институтов.

Набор средств правового регулирования МНТС предопределяется следующими факторами:

научная и научно-техническая деятельность является разновидностью интеллектуального творчества, а значит не терпит прямого властного вмешательства в процесс получения нового знания. Роль государства и международных организаций в этой сфере может быть позитивной с точки зрения организации

¹ См.: Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. № ТТ-П8-952). URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (дата обращения: 16.05.2021).

научных исследований, финансирования научных проектов и охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности;

поскольку основным предметом международного научного права выступают межгосударственные отношения, то с учетом принципа суверенного равенства правовое регулирование с непреклонностью строится на основе диспозитивных начал и доброй воли государств-участников ШОС;

поскольку очевиден неиспользованный потенциал в научно-техническом сотрудничестве государств ШОС, то необходима активизация политических институтов для интенсификации и наращивания научно-технических контактов, проектов и программ исследований. Данная задача была определена в Соглашении между правительствами государств-членов ШОС о научно-техническом сотрудничестве в преамбуле документа: правительства признают важное значение необходимости совершенствования сотрудничества в научно-технической сфере между государствами-членами ШОС¹;

научно-техническое сотрудничество должно учитывать необходимость защиты национальных интересов государств-участников ШОС в части безопасности, обороны, стратегически значимых научных разработок и технологий.

Названные факторы предопределяют следующий набор типов, методов и способов правового регулирования:

диспозитивный метод регулирования, позволяющий использовать (как государствам, так и субъектам научно-технического сотрудничества) право выбора форм сотрудничества, а также договорные начала в практике сотрудничества;

дозволения как способ выражения воли государств, так и свободы научных исследований субъектов научного права. С одной стороны, реализация МНТС предполагает наличие интереса и воли публичной власти к сближению с другими государствами в сфере науки и техники. Поскольку само международное право основывается на координации и договорных началах, то свободная воля государства на установление и развитие взаимных научно-технических связей выступает решающим фактором. С другой стороны, дозволения выражают саму природу научной деятельности как формы интеллектуального творчества, которому чужды бюрократизация и формализм;

использование обязываний для активизации усилий государства по налаживанию взаимовыгодного научно-технического сотрудничества в части разработки совместных программ исследований, выделения финансовых и материальных ресурсов, создания координирующих научное сотрудничество национальных и международных институтов и т.п.;

применение запретов в отношении тех случаев, когда необходимо защитить права на интеллектуальную собственность, либо речь идет о защите интересов национальной безопасности (сфера ВПК, передача военно-технической техники и технологий и пр.);

использование национального режима, а при необходимости режима наибольшего благоприятствования в отношении иностранных субъектов научно-технической деятельности, представляющих критически важное значение для сотрудничества и развития собственного научно-технического потенциала (начиная с уменьшения административных барьеров для ведения научной деятель-

¹Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве от 13 сентября 2013 г. // Бюллетень международных договоров. № 3. 2016.

ности, трудоустройства и заканчивая приобретением гражданства в упрощенном порядке и льготным налогообложением);

Для формирования должного механизма правового регулирования серьезное значение играет учет правовых и внеправовых препятствий на пути МНТС. Своевременное их выявление и купирование, учет таких препятствий позволит минимизировать негативные эффекты в правовом регулировании. В юридической науке предлагается выделить следующие правовые препятствия в регулировании международного научно-технического сотрудничества:

различия в качестве правового регулирования научно-технической деятельности, в том числе в разрезе международного сотрудничества;

слабое развитие двухсторонних отношений в сфере науки и техники между государствами-членами ШОС;

декларативный характер Соглашения ШОС о научно-техническом сотрудничестве 2013 г. и, как следствие, отсутствие единых правовых подходов к отдельным аспектам сотрудничества в сфере науки и технологий [25, с. 90].

К неправовым препятствиям в механизме регулирования научно-технического сотрудничества участников ШОС относятся следующие:

экономические препятствия (состояние экономики, уровень финансирования науки, состояние лабораторной и приборной базы, уровень инновационной культуры и т.п.);

политические препятствия (санкционная политика, торговые войны, военно-политическая напряженность);

образовательные препятствия (различные подходы к образованию, академической мобильности, признанию квалификации и т.п.) [26];

коммуникативные препятствия (язык переговоров и сложности межкультурной коммуникации).

В науке международного права и практике научно-технического сотрудничества выработано несколько подходов к формам такого сотрудничества. Наиболее обоснованной представляется классификация форм МНТС в зависимости от содержания, что обуславливает целесообразность ее использования в рассматриваемой правовой модели. С этих позиций различаются следующие формы МНТС:

обмен научно-технической информацией;

проведение совместных научных мероприятий;

обмен технологиями;

совместные программы исследований;

совместное создание и использование лабораторий, научных установок;

исследовательская мобильность, включая программы обмена;

привлечение зарубежных ученых;

создание союзов, ассоциаций, партнерств;

создание совместных инновационных предприятий;

формирование совместных научных и инновационно-технологических территорий (парков).

Одним из направлений активизации международного научно-технического сотрудничества в рамках ШОС может быть создание особой комиссии или отдельного совета при ШОС по международному научно-техническому сотрудничеству. Существующая рабочая группа не является постоянно действующим институтом и не может проводить системную и постоянную линию в сфере научно-технических контактов. Рабочая группа проводит совещания раз в год. Для реализации

Соглашения ШОС о научно-техническом сотрудничестве утвержден «План мероприятий по реализации Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о научно-техническом сотрудничестве на период с 2016 по 2020 годы». Но приходится констатировать, что ощутимых результатов деятельность рабочей группы ШОС пока не принесла. В компетенцию такой комиссии ШОС могли быть отнесены такие вопросы как:

- координация международного научно-технического сотрудничества государств ШОС;

- разработка документов ШОС и модельных правовых актов в сфере науки и техники: экспорта научно-технической продукции, охраны интеллектуальной собственности, создания научных коллабораций, особых научно-технических и инновационных зон и др.;

- подготовка совещаний министров образования и науки стран ШОС;

- определение на основе консультаций с научным сообществом актуальной научной тематики фундаментальных и прикладных исследований для стран ШОС;

- инициация конкурсов на финансирование научных исследований и проектов;

- проведение аналитических исследований для принятия решений органов управления ШОС.

Подобные постоянно действующие советы и комиссии созданы при других международных организациях: ЕвразЭС, СНГ, ЕС, БРИКС и др. Так, в рамках ЕвразЭС в 2009 г. создан центр высоких технологий¹. С 2012 г. функционирует Национальный комитет по исследованиям БРИКС².

В институциональном плане такая комиссия ШОС могла бы работать в тесном контакте с экспертным советом из представителей академического сообщества государств ШОС. Экспертный совет мог бы стать экспертно-аналитическим институтом, который бы в целом сопровождал работу органов ШОС по всем направлениям международного сотрудничества.

Формирование эффективной системы развития международного научно-технического сотрудничества России и стран ШОС возможно не только за счет правовых, организационных и институциональных средств, но и за счет финансовой и материально-технической поддержки научно-технической сферы.

Значительную роль в активизации международного научно-технического сотрудничества государств-участниц ШОС могло бы сыграть создание специального фонда поддержки научных исследований и инноваций или проведение совместных международных научных конкурсов национальными фондами государств ШОС. Независимо от организационной формы поддержка научного и технического сотрудничества стран ШОС может проводиться в следующих формах:

- предоставление грантов на научные исследования международным коллаборациям;

- финансирование проектов «мегасайенс»;

- финансирование научных конференций для обмена результатами научно-технической деятельности;

¹См.: Центр высоких технологий ЕвразЭС. URL: http://www.evrazes.com/about/sp_cvt (дата обращения: ...)

²См.: Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС). URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/about> (дата обращения: 16.05.2021).

инвестиции частного и государственного сектора в научные исследования и инновации;

поддержка академической мобильности ученых и студентов в рамках ШОС для обмена опытом и развития научных контактов.

К нормативным мерам для реализации предложенной модели правового регулирования МНТС России и других государств ШОС можно отнести:

1) разработку полноценной по содержанию конвенции государств ШОС о научно-техническом сотрудничестве, которая бы вобрала в себя цели, задачи, принципы, правовые формы, режимы, институциональное и финансовое обеспечение такого сотрудничества;

2) разработку модельного закона о международном научно-техническом сотрудничестве и на его основе обновление российского законодательства и национального законодательства других стран ШОС в сфере науки и инноваций;

3) развитие двусторонних правовых связей между государствами ШОС в сфере научно-технического сотрудничества;

4) разработку концепции международного научно-технического сотрудничества России со странами ШОС.

К иным мерам реализации модели правового регулирования можно отнести информационное сопровождение сотрудничества и выделение должного объема средств из бюджетов России и иных стран ШОС.

Анализ различных правовых взглядов на правовое регулирование МНТС в России и иных странах ШОС, а также соответствующих правовых актов позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, на сегодня создание модели правового регулирования МНТС стран ШОС сталкивается с проблемами недостаточности нормативного регулирования и институционального обеспечения, а также наличием препятствий и дефектов в правовом обеспечении надлежащей научно-технической интеграции.

Во-вторых, модель правового регулирования позволяет создать сценарий правовой политики, оценить все риски, ограничения в правовом регулировании и эффективность уже внедренного правового регулирования, а также исключить различного рода эксперименты в реальной политической и социальной практике.

В-третьих, модель правового регулирования МНТС в рамках ШОС включает в себя 8 необходимых элементов, начиная от базовых положений, определяющих цели и задачи, и заканчивая конкретным перечнем актов, необходимых для принятия на соответствующем уровне.

В-четвертых, в качестве задач правового регулирования МНТС необходимо выделить поиск баланса между унификацией правовых основ МНТС и учетом особенностей государств ШОС; модернизацию существующих и создание новых международных и национальных организационных структур по вопросам научно-технического сотрудничества; преодоление дефектов национального законодательства и его совершенствование.

В-пятых, качественное наполнение принципами отрасли международного научного права непосредственно сказывается на эффективности правового воздействия на научно-техническое сотрудничество государств ШОС. В качестве принципов МНТС в рамках ШОС следует закрепить принципы, аналогичные тем, которые закрепляют основные положения политики России в данной сфере: открытость, деполитизированность, взаимовыгодность и ответственность.

В-шестых, конкретные средства, типы, методы и способы правового регулирования МНТС должны обеспечить возможность создания такого режима, который стимулирует активность субъектов научно-технической деятельности, национальных государств и наднациональных институтов.

В-седьмых, создание оптимального механизма правового регулирования МНТС сталкивается с правовыми и внеправовыми преградами в данной сфере. В качестве правовых препятствий можно обозначить качественное отличие правового регулирования в странах ШОС; слабое развитие двусторонних соглашений в сфере науки и технологий между государствами ШОС. Внеправовые препятствия охватывают широкие сферы жизнедеятельности человека: экономическую, политическую, образовательную, коммуникативную.

В-восьмых, одним из направлений активизации МНТС в рамках ШОС может быть создание особой комиссии или отдельного совета при ШОС по международному научно-техническому сотрудничеству, в компетенцию которого будут входить полномочия не только по разработке документов и модельных правовых актов, но и организационные и аналитические компоненты функционала.

В-девятых, значительную роль в активизации международного научно-технического сотрудничества государств-участниц ШОС могло бы сыграть создание специального фонда поддержки научных исследований и инноваций или проведение совместных международных научных конкурсов национальными фондами государств ШОС.

В-десятых, для того, чтобы рассматриваемая система правового регулирования могла реально оказать влияние на исследуемую сферу, необходимо принять ряд важных актов, в частности, разработать полноценную по содержанию конвенцию государств ШОС о научно-техническом сотрудничестве, модельный закон о международном научно-техническом сотрудничестве и т.д.

Библиографический список

1. *Василенко В.И., Василенко В.В., Потеев А.Г.* Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). М.: Проспект, 2018. С. 93–114.
2. *Плетников В.С.* Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 121–135.
3. *Правовые модели и реальность / О.А. Акопян, Н.В. Власова, С.А. Грачева и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева.* М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. XIV, 280 с.
4. *Дежина И.Г.* Международное научное сотрудничество России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2010. № 2. С. 28–37.
5. *Дежина И.Г.* Меняющиеся приоритеты международного научно-технологического сотрудничества России // *Экономическая политика.* 2010. № 5. С. 143–155.
6. *Крутских А.В., Бирюков А.В.* Новая геополитика международных научно-технологических отношений // *Международные процессы.* 2017. № 2 (49). С. 6–26.
7. *Шугуров М.В.* Перспективы международного научно-технического сотрудничества и передачи технологий в повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2017. № 5 (118). С. 42–55.

8. *Шугуров М.В.* Роль ЮНКТАД в международной передаче технологий и инновационном развитии в контексте стратегии устойчивого развития // *Диалог*. 2018. № 3 (12). С. 62–76.

9. *Шугуров М.В.* ЮНИДО и передача технологий: содействие всеохватной индустриализации в контексте достижения целей устойчивого развития // *Право. Законодательство. Личность*. 2018. № 1 (26). С. 58–72.

10. *Шугуров М.В.* Деятельность ВОИС в сфере международной передачи технологий: направления и приоритеты // *Международное право и международные организации*. 2016. № 2. С. 144–165.

11. *Шугуров М.В.* Политико-правовые основы и организационные механизмы научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в рамках БРИКС в контексте стратегии устойчивого развития // *Российское право онлайн*. 2019. № 3–4. С. 31–49.

12. *Шугуров М.В.* СНГ: перспективы межгосударственного научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в контексте целей устойчивого развития // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник*. Ответственный редактор В.И. Герасимов. 2018. С. 352–358.

13. *Шугуров М.В.* Вопросы стратегического регулирования научно-технологической интеграции в рамках Евразийского Экономического Союза // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник; ответ. ред. В.И. Герасимов. М., 2021*. С. 287–293.

14. *Шугуров М.В.* Вопросы содействия глобальному распространению научных знаний и передаче технологий в стратегии устойчивого развития Европейского Союза // *Правовая парадигма*. 2019. № 2. С. 139–146.

15. *Шугуров М.В.* ШОС: правовые основы научно-технологического обмена в контексте стратегии устойчивого развития // *Проблемы и перспективы в международном трансфере инновационных технологий: сборник статей Международной научно-практической конференции*. 2018. С. 62–72.

16. *Нечаева Е.К.* Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций: на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 33 с.

17. *Казарина Н.В.* Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества // *Беларусь в современном мире: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 96-летию образования Белорусского государственного университета*. Издательство: Издательский центр БГУ. 2017. С. 169–171.

18. *Куликов Е.А.* Цели и задачи научного и научно-технического сотрудничества в рамках ШОС // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2019. № 2. С. 67–70.

19. *Аничкин Е.С., Серебряков А.А.* Система принципов международного научного и научно-технического сотрудничества в Шанхайской организации сотрудничества // *Алтайский юридический вестник*. 2019. № 2. С. 13–19.

20. *Шугуров М.В.* Международно-правовые обязательства государств в сфере международного научно-технологического сотрудничества // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2012. № 1. С. 160–169.

21. *Шугуров М.В.* Международно-правовой принцип свободы научных исследований и глобализация научно-технологического прогресса // *Российская юстиция*. 2012. № 2. С. 17–21.

22. *Ануфриева Л.П.* Международно-правовые принципы научно-технического сотрудничества государств // *Международно-правовые основы межгосударственного сотрудничества; ответ. ред. Н.А. Ушаков. М., 1983*. С. 45–53.

23. *Ануфриева Л.П.* Принципы международного экономического права в рамках регулирования международной экономической системы // *Правовое регулирование*

экономической деятельности: сборник научных трудов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 17 апреля 2008 г.); под ред. Э.В. Семеновой, С.Н. Туманова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». 2008. С. 10–13.

24. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1966. 188 с.

25. *Аничкин Е.С.* Препятствия к развитию научного и научно-технического сотрудничества в рамках шанхайской организации сотрудничества // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 89–92.

26. *Аничкин Е.С., Серебряков А.А.* Коммуникативные и образовательные факторы, препятствующие развитию международного научного и научно-технического сотрудничества между странами Шанхайской организации сотрудничества // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 2. С. 54–68.

References

1. *Vasilenko V.I., Vasilenko V. V., Poteenko A. G.* Shanghai Cooperation Organization in the Regional Security System (political and legal aspect). М.: Prospectus, 2018. P. 93–114.

2. *Pletnikov V.S.* The Concept and Types of Models in Modern Domestic Jurisprudence: Theoretical and Legal Research // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2016. Volume 16. Issue. 2. P. 121–135.

3. Legal Models and Reality: monograph / O.A. Akopyan, N.V. Vlasova, S.A. Gracheva and others; ed. Yu.A. Tikhomirov, E.E. Rafalyuk, N.I. Khludenev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2014. XIV, 280 p.

4. *Dezhina I.G.* International Scientific Cooperation of Russia // World economy and international relations. 2010. No. 2. P. 28–37.

5. *Dezhina I.G.* Changing Priorities of International Scientific and Technological Cooperation of Russia // Economic policy. 2010. No. 5. P. 143–155.

6. *Krutsikikh A.V., Biryukov A.V.* The New Geopolitics of International Scientific and Technological Relations // International processes. 2017. No. 2 (49). P. 6–26.

7. *Shugurov M.V.* Prospects for International Scientific and Technical Cooperation and Technology Transfer in the Agenda for Sustainable Development Until 2030 // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 5 (118). P. 42–55.

8. *Shugurov M.V.* The Role of UNCTAD in International Technology Transfer and Innovative Development in the Context of a Sustainable Development Strategy // Dialogue. 2018. No. 3 (12). P. 62–76.

9. *Shugurov M.V.* UNIDO and Technology Transfer: Promoting Inclusive Industrialization in the Context of Achieving Sustainable Development Goals // Law. Legislation. Personality. 2018. No. 1 (26). P. 58–72.

10. *Shugurov M.V.* WIPO's Activities in the Field of International Technology Transfer: Directions and Priorities // International law and international organizations. 2016. No. 2. P. 144–165.

11. *Shugurov M.V.* Political and Legal Foundations and Organizational Mechanisms of Scientific and Technological Cooperation and Technology Transfer Within the BRICS in the Context of a Sustainable Development Strategy // Russian law online. 2019. No. 3–4. P. 31–49.

12. *Shugurov M.V.* CIS: Prospects for Interstate Scientific and Technological Cooperation and Technology Transfer in the Context of Sustainable Development Goals // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Yearbook. Executive editor V.I. Gerasimov. 2018. P. 352–358.

13. *Shugurov M.V.* Issues of Strategic Regulation of Scientific and Technological Integration Within the Eurasian Economic Union // *Greater Eurasia: development, security, cooperation: Yearbook.* Executive editor V.I. Gerasimov. Moscow, 2021. P. 287–293.
14. *Shugurov M.V.* Issues of Promoting the Global Dissemination of Scientific Knowledge and Technology Transfer in the Sustainable Development Strategy of the European Union // *Legal paradigm.* 2019. No. 2. P. 139–146.
15. *Shugurov M.V.* SCO: Legal Basis of Scientific and Technological Exchange in the Context of Sustainable Development Strategy // *Problems and Prospects in the International Transfer of Innovative Technologies: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference.* 2018. P. 62–72.
16. *Nechaeva E.K.* Legal Regulation of Scientific Research and Technological Development Within the Framework of Regional Integration Organizations: the case of the European Union and the Eurasian Economic Union: extended abstract dis. ... cand. of law. M., 2017. 33 p.
17. *Kazarina N.V.* Legal Regulation of International scientific and Technical Cooperation // *Belarus in the Modern World: materials of the XVI International scientific conference dedicated to the 96th anniversary of the formation of the Belarusian State University.* Publisher: BSU Publishing Center. 2017. P. 169–171.
18. *Kulikov E.A.* Goals and Objectives of Scientific and Scientific and Technical Cooperation Within the SCO // *Russian-Asian Legal Journal.* 2019. No. 2. P. 67–70.
19. *Anichkin E.S., Serebryakov A.A.* The System of Principles of International Scientific and Scientific-Technical Cooperation in the Shanghai Cooperation Organization // *Altai legal bulletin.* 2019. No. 2. P. 13–19.
20. *Shugurov M.V.* International Legal Obligations of States in the Field of International Scientific and Technological Cooperation // *Bulletin of the Saratov State Law Academy.* 2012. No. 1. P. 160–169.
21. *Shugurov M.V.* International Legal Principle of Freedom of Scientific Research and Globalization of Scientific and Technological Progress // *Russian justice.* 2012. No. 2. P. 17–21.
22. *Anufrieva L.P.* International Legal Principles of Scientific and Technical Cooperation Between States // *International legal foundations of interstate cooperation / Executive editor Ushakov N.A.* M. 1983. P. 45–53.
24. *Alekseev S.S.* The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist Society. M.: Legal literature, 1966. 188 p.
25. *Anichkin E.S.* Obstacles to the Development of Scientific and Scientific-Technical Cooperation in the Framework of the Shanghai Cooperation Organization // *Russian-Asian Legal Journal.* 2020. No. 2. P. 89–92.
26. *Anichkin E.S., Serebryakov A.A.* Communicative and Educational Factors Hindering the Development of International Scientific and Scientific-Technical Cooperation Between the Countries of the Shanghai Cooperation Organization // *International Law and International Organizations.* 2020. No. 2. P. 54–68.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-223-237

УДК 341.116

М.В. Шугуров

**ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕАЭС
В АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ СФЕРЕ***

Введение: повышение глобальной конкурентоспособности Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) в сфере АПК определяется уровнем правового регулирования интеграционных процессов в сфере науки, технологий и инноваций не только на национальном, но и на интеграционном уровне. Соответственно повышается роль коррелятивных связей между различными правовыми инструментами, входящими в право ЕАЭС и регулирующие сотрудничество в сфере АПК. Их структурная комплексность представляет собой объективно существующую модель отраслевого правового регулирования научно-технологической кооперации и интеграции государств-членов ЕАЭС. **Цель:** проведение анализа правовой модели научно-технологической интеграции государств — членов Союза в сфере АПК и определение ее региональной специфики. **Методологическая основа:** общенаучные методы (системный, структурно-функциональный), частнонаучные методы (сравнительно-правовой, догматико-правовой). **Результаты:** установлена содержательная связь между правовой моделью научно-технологического сотрудничества в рамках ЕАЭС в сфере АПК и общей правовой моделью интеграционных процессов в Союзе. **Выводы:** к существенному фактору, который будет оказывать воздействие на совершенствование анализируемой правовой модели, относятся цифровые трансформации в АПК в условиях Четвертой промышленной революции. Важным вектором совершенствования данной модели может стать использование программного метода правового регулирования.

Ключевые слова: право ЕАЭС, региональное научно-технологическое сотрудничество, агропромышленные технологии, агропромышленная политика, технологические платформы.

M.V. Shugurov

**LEGAL MODEL OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL
COOPERATION OF THE EAEU MEMBER STATES
IN THE AGRO-INDUSTRIAL SPHERE**

Background: the increase in the global competitiveness of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU) in the field of agro-industrial complex is determined by the level of legal regulation of integration processes in the field of science,

© Шугуров Марк Владимирович, 2021

Доктор философских наук, профессор кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: shugurovs@mail.ru

© Shugurov Mark Vladimirovich, 2021

Doctor of philosophical sciences, Professor, Department of International law (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00780 («Модель правового регулирования научно-технологической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС и вызовы Четвертой промышленной революции»).

technology and innovation not only at the national, but also at the integration level. Accordingly, the role of correlative links between various legal instruments included in the law of the EAEU and regulating cooperation in the field of agro-industrial complex is increasing. Their structural complexity represents an objectively existing model of sectoral legal regulation of scientific and technological cooperation and integration of the EAEU member States. Objective: analysis of the legal model of scientific and technological integration of the Union member states in the field of agro-industrial complex and determination of its regional specifics. Methodology: general scientific methods (systemic, structural methods) and methods of legal research (comparative and formal-legal ones). Results: a meaningful connection has been established between the legal model of scientific and technological cooperation within the framework of the EAEU in the field of agriculture and the general legal model of integration processes in the Union. Conclusions: a significant factor that will have an impact on the improvement of the analyzed legal model is digital transformations in the agro-industrial complex in the context of the Fourth Industrial Revolution. An important vector for improving this model can be the use of a software method of legal regulation.

Key-words: *EAEU law, regional scientific and technological cooperation, agro-industrial technologies, agro-industrial policy, technological platforms.*

В настоящее время к одному из наиболее динамичных направлений интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) относится научно-технологическое и инновационное сотрудничество в сфере АПК, испытывающее на себе логику больших вызовов [1]. Это означает, что назрела необходимость достижения нового качества совместных НИОКР, а также повышения эффективности коммерциализации их результатов на уровне совместных высокотехнологичных проектов агроиндустриального характера. Одновременно с этим продиктованная большими вызовами потребность в ускорении и научно-технологической интенсификации экономического союза в перспективе может привести не только к общему пространству науки, технологий и инноваций, но и, как указывается в литературе, к единому рынку агротехнологий [2, с. 187].

Большие вызовы, к одному из которых относится смена технологических укладов в условиях Четвертой промышленной революции, предполагают повышение глобальной конкурентоспособности АПК ЕАЭС. Не вызывает сомнений, что во многом это определяется характером правового регулирования отраслевых интеграционных процессов в научно-технологической сфере. С нашей точки зрения, интерес вызывает не просто перечень правовых инструментов интеграционного характера, входящих в право Союза, а их структурная комплексность, которую вполне можно рассматривать как модель правового регулирования научно-технологической интеграции ЕАЭС в сфере АПК. В настоящее время данная модель существует не только на уровне правосознания, но и в рамках урегулированных правом отношений государств — членов ЕАЭС.

Итак, в данной работе предпринят анализ функционирующей на практике правовой модели научно-технологического сотрудничества государств — членов Союза в сфере агропромышленного комплекса, развивающегося в двух основных формах — кооперации и интеграции. Актуальность представленного научного исследования заключается не только в концептуализации данной модели, но и в оценке ее полноты и эффективности, а также в выработке предложений по ее

совершенствованию. Одновременно с этим значимость исследования заключается в том, что оно существенным образом восполняет немногочисленные исследования правовых основ научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС, имеющиеся в литературе, совокупностью представлений о модели отраслевого сотрудничества применительно к АПК.

Рассматривая интересующую нас структурную комплексность источников права в качестве правовой модели, отметим, что она отражает правовую модель ЕАЭС в целом, характеризующуюся в литературе в качестве международно-правовой [3; 4]. Это означает, что главным источником правового обеспечения направленной на формирование общего сельскохозяйственного рынка интеграции в АПК в целом и интеграции в научно-технологической сфере в частности выступают договорно-правовые положения. Однако в силу незначительного количества таких положений и их весьма общего характера усиливается значение положений других источников права ЕАЭС, генерируемых органами Союза. В интересующей нас сфере в полной мере реализуется тенденция к повышению роли актов «мягкого» права, а именно рекомендаций Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК), гибким образом реагирующей на потребности координации деятельности государств — членов ЕАЭС, а также на потребности научно-исследовательских организаций и предприятий в сложении и дальнейшем совместном развитии научно-технологического и производственно-технологического потенциала.

Анализ правовой модели интересующего нас отраслевого сотрудничества следует начать с краткого описания общей картины состояния развития агропромышленного комплекса в рамках ЕАЭС, так как научно-технологическая кооперация и интеграция как формы международного научно-технологического сотрудничества и развития предназначены именно для решения существующих здесь проблем, а также для открытия новых перспектив. Несмотря на достигнутый прогресс, выражающийся в росте сельскохозяйственного производства, налицо импортозависимость от материально-технических ресурсов и генетического материала. В аналитических исследованиях подчеркивается, что в сфере АПК государств — членов ЕАЭС существуют комплексные экономические, технологические и социальные проблемы, в том числе низкие объемы производства и экспорта агропродовольственной продукции с высокой добавленной стоимостью, слабое развитие рыночной инфраструктуры и т.д. [5, с. 17–18]. Следует отметить, что смысл интеграции государств-членов ЕАЭС в сфере АПК как раз и состоит в совместном решении данных проблем посредством объединения национальных ресурсов на синергетической основе. В одном из специальных аналитических докладов указано, что «объединением научно-исследовательских и производственно-технологических ресурсов обеспечивается решение прикладных задач в сельском хозяйстве стран ЕАЭС, стимулируется трансфер технологий, разработка инновационных продуктов» [6, с. 64].

При рассмотрении правовой модели обеспечения агроиндустриального научно-технологического сотрудничества в рамках ЕАЭС следует принимать во внимание не только многообразие источников первичного и вторичного права ЕАЭС, но и его программно-стратегическую основу, задающую цели и направления правового регулирования. Данную основу следует рассматривать как особый — целевой — компонент интересующей нас модели. Одновременно с этим с методологической точки зрения региональное отраслевое научно-техно-

логическое сотрудничество государств — членов ЕАЭС следует интерпретировать в качестве составной части производственной кооперации, которая, в свою очередь, прямым и обратным образом связана с формированием и развитием единого рынка. По этой причине, как отмечается в разделе 1 Декларации 2018 года о дальнейшем развитии интеграционных процессов, достижение максимальных эффектов от функционирования единого рынка ЕАЭС предполагает осуществление интеграционных процессов в АПК в целях увеличения производства сельскохозяйственной продукции и обеспечения продовольственной безопасности¹. В разделе 2 «Формирование „территории инноваций” и стимулирование научно-технических прорывов» Декларации в качестве стратегической линии развития АПК указана модернизация на инновационно-технологической основе, включая применение цифровых технологий. Отсюда инновационно-технологическое преобразование должно рассматриваться как один из предметов приложения совместных усилий в рамках развития интеграционных процессов в отрасли. Вполне понятно, что в этом контексте весьма актуальны совместные высокотехнологичные кооперационные проекты и программы с интеграционной составляющей, о чем далее указывается в рассматриваемом разделе Декларации. А такие проекты, безусловно, тесно связаны с проведением совместных НИОКР и далее — с совместной коммерциализацией технологий.

Недавно принятые Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (далее — Стратегические направления)², являющиеся основополагающим документом стратегического планирования, исходят из ключевого значения научно-технологического сотрудничества в различных секторах экономики, в том числе в АПК. В п. 7.8 в очередной раз сельскохозяйственное производство и машиностроение выделено в качестве сферы реализации кооперационных проектов с интеграционной составляющей. Однако в рассматриваемом документе все же заметна сосредоточенность на двух основных направлениях кооперации, имеющих, безусловно, научно-технологический аспект. Во-первых, это семеноводство, а во-вторых — племенное животноводство. Во многом такая тематика стратегического планирования призвана обеспечить реализацию двух тематических международных договоров, а именно в сфере семеноводства и племенного животноводства, о чем мы скажем далее.

Важнейшим достижением правового измерения евразийской интеграции стало формирование нормативной правовой базы регулирования научно-технологического сотрудничества в рамках ЕАЭС в сфере АПК, где вполне прослеживается структурная упорядоченность, что как раз и позволяет говорить о функционировании правовой модели. Научно-технологическому сотрудничеству государств — членов ЕАЭС в составе согласованной агропромышленной политики уделяется повышенное внимание в Разделе XXV «Агропромышленный комплекс» Договора ЕАЭС³. В п. 3.1 ст. 94 «Цели и задачи согласованной

¹ См.: Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г.). URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/> (дата обращения: 11.03.2021).

² См.: Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. (утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 12.05.2021).

³ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (в ред. от 1 октября 2019 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 24.04.2021).

(скоординированной) агропромышленной политики» в качестве одной из задач согласованной (скоординированной) агропромышленной политики выделено сбалансированное развитие производства и рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Отметим, что развитие сельскохозяйственного производства неумолимо требует развития технологической базы на основе сотрудничества государств — членов ЕАЭС.

Данное прочтение отмеченных положений подтверждает анализ содержания ст. 95 «Основные направления согласованной (скоординированной) агропромышленной политики и меры государственной поддержки сельского хозяйства». В п. 1 указанной статьи среди основных механизмов решения главных задач, стоящих перед согласованной политикой государств — членов ЕАЭС в сфере АПК, отмечена необходимость обеспечения научного и инновационного развития агропромышленного комплекса.

Указанные положения Договора представляют собой отражение Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства 2013 г.¹ Несмотря на то, что данный концептуальный документ был разработан и принят до учреждения Союза, тем не менее он продолжает играть роль концептуально-стратегической основы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в сфере АПК. В целом Концепция предусматривает нацеленность сотрудничества стран Союза на существенное повышение конкурентоспособности агропромышленного комплекса, а также указывает меры, направленные на создание общего рынка сельскохозяйственной продукции. Часть 7 «Научное и инновационное развитие агропромышленного комплекса» содержит основные подходы к обеспечению качественного роста АПК на основе расширенного использования технологий. Повышенное внимание уделяется международному научно-технологическому сотрудничеству, которое предполагает, что проведение НИОКР в государствах — членах ЕАЭС должно основываться на координации национальных планов. В Концепции также высказана весьма перспективная идея о необходимости реализации совместных межгосударственных программ. Вполне обоснованно выглядят предлагаемые меры по гармонизации нормативной правовой базы функционирования аграрной науки и по формированию единого информационного пространства. Безусловно, это будет содействовать повышению эффективности использования и наращиванию научно-технологического потенциала государств-членов ЕАЭС. Необходимым направлением сотрудничества, предполагающего развитие имеющего потенциала, выступает подготовка научных кадров, что актуализирует сотрудничество в сфере образования, обмен научными кадрами и признание государствами — членами ЕАЭС документов о высшей квалификации.

Возвращаясь к учредительному Договору, специально подчеркнем, что хотя в нем и предусмотрены весьма перспективные положения о необходимости программного регулирования научно-технологического сотрудничества государств — членов ЕАЭС в сфере АПК (как, впрочем, и в других сферах отраслевого сотрудничества), его положения чрезвычайно «эскизные». Этим во многом объясняется необходимость принятия специальных тематических нормативных

¹ См.: Концепция согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства (одобрена решением Высшего Евразийского Экономического совета от 29 мая 2013 г. № 35). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0023681/scd_31052013_35 (дата обращения: 14.05.2021).

правовых актов различной правовой природы. Отметим, что состояние и тенденции развития нормативной правовой базы, в том числе положений, касающихся научно-технической кооперации в сфере АПК, подлежат детальному осмыслению на уровне систематических аналитических обзоров [7, с. 37–39; 8, с. 21–23].

Несмотря на то, что в праве ЕАЭС, а именно в его международно-договорной подсистеме, отсутствуют специальные договоры, регулирующие научно-технологическое сотрудничество в сфере АПК, определенную правовую базу под него подводят отраслевые соглашения. Укажем на Соглашение о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза 2019 г.¹, которое вступило в силу 6 мая 2021 года. Оно нацеливает на внедрение инновационных технологий в проведение селекционно-племенной работы, в том числе на геномную селекцию. В соответствии со ст. 3 данного Соглашения Коллегия ЕЭК своим решением утвердила Порядок апробации новых пород, а также апробации типов, линий и кроссов сельскохозяйственных животных². Отмеченный Порядок находится в непосредственной связи с Порядком определения породы (породистости) племенных животных³. Добавим также, что в ст. 4 Соглашения предусматривается порядок координации и аналитического обеспечения селекционно-племенной работы в области племенного животноводства. Порядок, утвержденный решением Евразийского межправительственного совета 5 февраля 2021 г.⁴, представляет собой основу для внедрения в племенное животноводство государств-членов ЕАЭС инновационных технологий, в том числе методов геномной селекции, что позволит обеспечить многократное ускорение генетического прогресса за счет сокращения сроков оценки племенной ценности животных. С учетом предмета нашей статьи весьма важно, что Порядок закрепляет основы взаимодействия государственных органов, научно-исследовательских организаций, лабораторий, племенных хозяйств и других субъектов племенного животноводства в целях координации и дальнейшего проведения аналитического сопровождения селекционно-племенной работы в ЕАЭС. К тому же определен перечень организаций, которые будут выполнять аналитическую работу. Это позволит объединить усилия всех заинтересованных субъектов и оперативно решать возникающие вопросы. Интересно отметить, что в качестве основных задач аналитического сопровождения в п. 6 включены разработка и внедрение инновационных технологий, в том числе технологий, использующих метод геномной селекции, что создает дополнительные возможности как для совместных научных исследований, обмена научной информацией и знаниями, так и для разработки и коммерциализации инновационных технологий.

¹ См.: Соглашение о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза (Москва, 25.10.2019). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367428/ (дата обращения: 28.04.2021).

² См.: Порядок апробации новых пород, а также апробация типов, линий и кроссов сельскохозяйственных животных (утв. решением Коллегии ЕЭК от 22 сентября 2020 г. № 113). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01427368/err_24092020_113 (дата обращения: 15.04.2021).

³ См.: Порядок определения породы (породистости) племенных животных (утв. решением Коллегии ЕЭК от 8 сентября 2020 г. № 108). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01427250/err_14092020_108 (дата обращения: 16.04.2021).

⁴ См.: Порядок координации и аналитического обеспечения селекционно-племенной работы в области племенного животноводства, проводимой в государствах — членах ЕАЭС (утвержден решением Евразийского Межправительственного совета от 5 февраля 2021 г. № 2). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228548/err_08022021_2 (дата обращения: 18.04.2021).

Другой документ, а именно «Порядок проведения молекулярно-генетической экспертизы племенного материала», был утвержден в соответствии со ст. 3 указанного Соглашения¹. Согласно этому документу, обязательная экспертиза осуществляется в отношении племенных производителей сельскохозяйственных животных, которые перемещаются между государствами — членами ЕАЭС. Также экспертизе подлежат племенные производители и доноры эмбрионов сельскохозяйственных животных. В основе молекулярной генетической экспертизы находится метод ДНК-тестирования с использованием методик, которые разработаны с учетом рекомендаций ISAG. Данного рода экспертиза позволит не только удостовериться в качестве племенной продукции, но и обнаружить те или иные генетические заболевания на первоначальной стадии.

Рассмотренное Соглашение, а также документы, разработанные для его реализации, формируют правовой механизм, который создает возможность объединения усилий всех заинтересованных сторон с тем, чтобы совместно разрабатывать и далее активно внедрять инновационные технологии, включая геномную селекцию, в сектор племенного животноводства. Формирование в перспективе системы геномной селекции ЕАЭС позволит проводить отбор племенных животных в раннем возрасте, что значительным образом будет содействовать повышению эффективности племенной работы и ускорит развитие животноводства на инновационной основе. В качестве одной из точек инновационного роста станет переход животноводства на использование современных методик оценки и прогнозирования племенной ценности. В результате возникает перспектива повышения конкурентоспособности АПК государств — членов ЕАЭС и снижения уровня импортозависимости.

Целью другого международного договора, а именно Соглашения об обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках ЕАЭС, подписанного главами государств — членов ЕАЭС 7 ноября 2017 г. и вступившего в силу 23 марта 2019 г.², является развитие единого рынка семян. Соглашение предусматривает, что государства — члены ЕАЭС будут применять единые методы определения сортовых и посевных (посадочных) качеств семян, что облегчит взаимное признание документов, удостоверяющих качество семян. Значение Соглашения обусловлено тем, что страны ЕАЭС во многом зависят от импорта семян. По статистике, в 2020 году импорт семян в денежном выражении превысил 1 млрд долларов. Более 80% импорта приходится на семена подсолнечника, кукурузы, сахарной свеклы, овощных культур, а также посадочный материал плодовых культур. В результате обеспечение продовольственной безопасности ЕАЭС в таких условиях осложняется импортозависимостью. Все это требует мер по развитию семеноводческой отрасли, в том числе селекционной деятельности.

К одному из важнейших направлений интеграции в сфере АПК, придающих ему особое качество, относится его информатизация. В рамках интегрированной информационной системы (ИИС) Союза ныне уже сформирована специальная подсистема, которая позволяет обеспечить доступ к единым реестрам и общим

¹См.: Положение о проведении молекулярно-генетической экспертизы племенной продукции государств — членов ЕАЭС (утв. решением Коллегии ЕЭК от 2 июня 2020 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01426076/err_05062020_74 (дата обращения: 17.04.2021).

²См.: Соглашение об обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках Евразийского экономического союза (Москва, 7 ноября 2017 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282650/ (дата обращения: 25.05.2021).

информационным ресурсам. В контексте темы нашей статьи наиболее важно, что согласно п. 1 Раздела I «Общие положения» Требований к подсистеме АПК в рамках интегрированной информационной системы¹ в нее должен быть включен ресурс научно-исследовательских разработок помимо указанной, а также иной информации экономического характера. На наш взгляд, ресурс подобного рода находится в тесной связи с другими ресурсами, так как результаты НИОКР обеспечивают, например, развитие производства в АПК наряду с реализацией тех или иных экономических мер.

Как видим, источников регулирования кооперации, входящих в международно-договорную подсистему права ЕАЭС, чрезвычайно мало. В этих условиях повышается значимость актов вторичного права, которые подводят нормативную правовую и организационно-правовую базу под реализацию положений Договора, закрепляющих не столько обязательства, сколько политико-правовые намерения по осуществлению сотрудничества. Данного рода источники, как мы уже могли убедиться, представлены решениями и рекомендациями ЕЭК, положения которых, в свою очередь, имеют различную юридическую силу. Их предназначение — создать условия для кооперации на уровне совместных высокотехнологичных проектов, выступающих своего рода форматом совместных инициатив по разработке и внедрению инновационных технологий производства и переработки сельскохозяйственного сырья.

Поскольку сотрудничество государств — членов ЕАЭС в сфере АПК предполагает реализацию совместных проектов, в том числе в научно-технической сфере, ключевое значение имеет целый ряд специальных документов. Центральное место здесь занимает «Порядок организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе»². В нем закреплена организационно-правовая механизм взаимодействия, с одной стороны, — государств — членов ЕАЭС, а с другой — ЕЭК в процессе разработки и реализации совместных НИОКР в целях эффективного использования отраслевого научного и инновационного потенциала государств — членов ЕАЭС. Под совместными НИОКР в п. 3 понимаются работы, которые составляют взаимный интерес для государств — членов ЕАЭС и которые осуществляются на основе согласованной тематики. Их цель — обеспечение инновационного развития агроиндустриального производства, что позволит решить множество задач — начиная от обеспечения продовольственной безопасности и заканчивая сохранением биоразнообразия. Особое значение придается перечню совместных НИОКР, которые предполагается формировать на основе предложений государств — членов ЕАЭС с дальнейшим утверждением Комиссией (ЕЭК). Формирование перечня должно учитывать несколько взаимопересекающихся ключевых индикаторов, а именно национальные приоритеты развития АПК, с одной стороны, а также цели и задачи Союза в данной сфере — с другой. Если говорить в целом, то в рассматри-

¹ См.: Требования к подсистеме агропромышленного комплекса государств — членов Евразийского экономического союза в рамках интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза и правилах взаимодействия по ее формированию (утв. решение Коллегии ЕЭК от 31 января 2017 г. № 18). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420071/clcd_09022017_18 (дата обращения: 01.05.2021).

² См.: Решение Евразийского Межправительственного Совета от 26 мая 2017 г. № 1 «О Порядке организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе». Приложение «Порядок организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414053/icd_29052017_1 (дата обращения: 23.05.2021).

ваемом документе повышенное внимание уделено алгоритмам формирования и выполнения совместных НИОКР (п. 8), в которых должно принимать участие не менее двух государств — членов ЕАЭС. В целом Порядок не только в деталях регламентирует функции заказчиков, заказчика-координатора и исполнителей, но и детально устанавливает элементы проекта технико-экономического обоснования совместной НИОКР (п. 16), функции заказчика-координатора (п. 18) и функции заказчика (п. 19) в ходе подготовки проектных материалов. Специальным образом регламентируется взаимодействие исполнителей совместной НИОКР, а также заказчика и заказчика-координатора. Особое внимание в разделе III уделено источникам и схемам финансирования совместных НИОКР, а в разделе IV — ходу их (НИОКР) выполнения и итоговой отчетности.

Особенностью научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС выступает то, что к предварительным условиям совместных НИОКР относится выработка согласованных подходов государств — членов ЕАЭС относительно поддержки наиболее перспективных сельскохозяйственных исследований и технологических разработок. Формой выражения согласованных подходов являются такие документы, как перечни, утверждаемые рекомендациями ЕЭК и в недвусмысленной форме отражающие стратегическое видение перспектив развития агротехнологий. Так, «Перечень перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств-членов ЕАЭС»¹, нацелен на эффективное использование научного потенциала, прогрессивное развитие и всестороннее углубление сотрудничества стран Союза в научной, технологической и инновационных областях. Как таковой, Перечень выполняет ориентирующую роль в подготовке к совместным НИОКР и в процессе разработки механизмов их проведения. В Перечне предусмотрено 14 перспективных тем научно-технической деятельности в АПК, начиная от продуцирования селекционного материала в секторе зерновых и зернобобовых культур с использованием скрининга генетических ресурсов и заканчивая разработкой методов геномной селекции племенных животных с использованием биотехнологических подходов и т.д.

В целях координации действий по реализации ориентиров, содержащихся в указанном Перечне, ЕЭК утвердила «Перечень научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса, проводимых и планируемых к проведению до 2020 г. в государствах — членах ЕАЭС»². Именно благодаря этому документу сформировалась более или менее полная картина проектов в сфере АПК, что во многом позволяет наладить связи между организациями, выполняющими сходные НИОКР, и тем самым избежать дублирования и добиться синергетического эффекта в укреплении научно-технологического и кадрового потенциала. В свою очередь, в Приложении № 2 к рекомендации Коллегии ЕЭК, которой был утвержден указанный выше Перечень, содержится

¹ См.: Рекомендация Коллегии ЕЭК от 8 июля 2015 г. № 14 «О перечне перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств — членов ЕАЭС до 2020 г.». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148046/clco_09072015_14 (дата обращения: 16.05.2021).

² См.: Перечень научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса, проводимых и планируемых к проведению до 2020 г. в государствах — членах ЕАЭС». Приложение № 1 к Рекомендации Коллегии ЕЭК от 13 декабря 2016 г. № 25 «О координации совместной научной и инновационной деятельности государств — членов ЕАЭС в сфере агропромышленного комплекса». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414525/clco_15122016_25 (дата обращения: 30.05.2021).

список тем для НИОКР, выполняющий ориентирующую функцию для формирования взаимной заинтересованности в осуществлении совместных НИОКР¹. Отличие данного списка тем состоит в том, что он содержит темы НИОКР, которые уже осуществляются в Беларуси, Казахстане и России и которые весьма перспективны для совместных научно-исследовательских проектов. Главным образом это темы, касающиеся сферы разработки и совершенствования технологий селекции и семеноводства кормовых, зерновых и зернобобовых культур; технологий биологических средств защиты овощных культур от различных вредителей; технологий глубокой переработки сельскохозяйственного сырья и т.д. Учет позволит избежать дублирования в проведении НИОКР, а также сосредоточиться на сложении научных потенциалов в направлении развития новейших технологий производства и переработки сельскохозяйственного сырья. Примечательно, что по мере дальнейшего развития агропромышленной кооперации проводится курс на уточнение направлений тематики сельскохозяйственных НИОКР, которые имеют перспективу стать основой совместных проектов. В качестве примера укажем на проект Плана мероприятий по реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств — членов ЕАЭС².

В п. 6 данного документа, где специальное внимание посвящено научно-технологическому и инновационному развитию АПК в ЕАЭС, перечисляется достаточно внушительное количество возможных направлений сотрудничества. Например, здесь указано на формирование перечня перспективных совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ государств — членов ЕАЭС в сфере агропромышленного комплекса до 2025 года (п. 16). В том числе это, например, создание селекционного материала зерновых и зернобобовых культур на основе скрининга генетических ресурсов в целях получения высокопродуктивных сортов, адаптивных к абиотическим и биотическим факторам (п. 17.1).

К одному из последних событий в сфере научно-технологической интеграции ЕАЭС следует отнести утверждение нового Перечня совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере АПК на 2021–2025 гг.³ Общая цель исследований по 27 направлениям НИОКР — решение разнообразных задач в сфере развития АПК на основе разработки и коммерциализации инновационных технологий и продуктов. В качестве предмета кооперационных усилий запланировано создание новых адаптивных и высокопродуктивных сортов сельскохозяйственных культур, совершенствование мелиорационных систем, развитие системы точного земледелия и воспроизводства плодородия почв, совершенствование производства кормовых добавок, разработка биотехнологий в растениеводческом и животноводческом секторах и т.д. Тематика возможных

¹ См.: Перечень тем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере АПК для осуществления совместной научной и инновационной деятельности. Приложение № 2 к Рекомендации Коллегии ЕЭК от 13 декабря 2016 г. № 25 «О координации совместной научной и инновационной деятельности государств — членов ЕАЭС в сфере агропромышленного комплекса». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414525/clco_15122016_25 (дата обращения: 20.05.2021).

² См.: Проект Плана мероприятий по реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств — членов ЕАЭС на 2019–2022 гг. (13.09.2018 г.). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/agroprom/Pages/default.aspx (дата обращения: 23.05.2021).

³ См.: Распоряжение Коллегии ЕЭК от 15 декабря 2020 г. № 176 «О перечне совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств — членов ЕАЭС на 2020–2025 гг.». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428145/err_18122020_176 (дата обращения: 11.05.2021).

совместных НИОКР разбита на 5 направлений: растениеводство, животноводство, мелиорация, пищевая промышленность, экономика АПК. Можно видеть, что сугубо технологическое сотрудничество дополняется в перечне сотрудничеством в сфере экономических исследований, таких как, например, выработка предложений по повышению конкурентоспособности малых форм хозяйствования, а также развитию сектора услуг. Но самое главное, на что следует обратить особое внимание, — это определение общих подходов к развитию и использованию цифровых технологий в АПК. Таким образом, ясно дается понять, что открывается новый вектор сотрудничества, а именно — цифровые преобразования АПК. В конечном счете — это важнейшая предпосылка увеличения доли высокотехнологичного производства.

Нельзя не отметить, что принят целый ряд рекомендаций Коллегии, приложения к которым представляют собой перечни мер, специально посвященные развитию сотрудничества государств — членов ЕАЭС в конкретных секторах АПК (обмен опытом, проведение отраслевых исследований в форме совместных проектов по разработке и внедрению инновационных технологий, подготовке и переподготовке кадров). Между тем в набор документов секторального сотрудничества входят рекомендации, непосредственно посвященные развитию научно-технического сотрудничества. Одной из них является Рекомендация Коллегии ЕЭК «О реализации совместной НИОКР по разработке технологий получения модифицированных крахмалов для нужд государств — членов [ЕАЭС]»¹. Цель принятия Рекомендации заключается в поэтапном развитии сотрудничества государств-членов ЕАЭС в области создания эффективных импортозамещающих технологий получения модифицированных крахмалов, а также в стимулировании проведения государствами — членами ЕАЭС совместных комплексных НИОКР, которые должны быть скоординированы по целям, задачам, срокам и планируемым результатам. В итоге это позволит расширить собственное производство крахмалов в условиях всевозрастающего спроса на них и получить отечественную крахмальную продукцию высокого пищевого и технического качества.

Строго говоря, ядром Рекомендации является Перечень мероприятий по проведению совместной НИОКР. В сущности, это ее модель. Разработка собственно технологий производства модифицированных крахмалов различного ботанического происхождения по замыслу Рекомендации должна предваряться исследованиями рынка модифицированных крахмалов (мероприятие № 1). В качестве отдельных поднаправлений работы выделено проведение маркетинговых исследований мирового рынка и рынка ЕАЭС, осуществление патентного поиска в отношении охраняемых технологий производства крахмалов, анализ технических решений, используемых для изготовления собственно технологического оборудования и производственных технологических линий. Мероприятие № 2 касается собственно разработки самих технологий производства крахмалов, что предполагает последовательное осуществление следующих шагов: проведение экспериментальных исследований, направленных на подбор наиболее эффективных и оптимальных режимов получения модифицированных крахмалов;

¹ См.: Рекомендация Коллегии ЕЭК от 15 декабря 2020 г. № 25 «О реализации совместной научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы по разработке технологий получения модифицированных крахмалов для нужд государств — членов [ЕАЭС]». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428181/err_18122020_25 (дата обращения: 19.05.2021).

исследование факторов, которые непосредственно воздействуют на свойства уже готовых крахмалов. Далее следует разработка самих технологий производственных процессов и получение опытных образцов с их дальнейшим исследованием.

Осуществляя анализ правовой модели научно-технологической интеграции стран Союза в интересующем нас отраслевом направлении, специальным образом отметим, что подсистема нормативных правовых положений дополняется положениями организационно-правового характера, на основе которых учреждается институционально-инфраструктурная основа сотрудничества. В ее состав входит учреждение консультативного механизма, позволяющего осуществлять согласование основных направлений агропромышленной политики в сфере научного и инновационного обеспечения АПК. Площадкой проведения консультаций по данным вопросам стала ЕЭК. Из подп. 11 п. 7 ст. 95 Договора о ЕАЭС следует, что к компетенции Комиссии отнесена координация действий государств — членов ЕАЭС при осуществлении совместной научно-инновационной деятельности в сфере агропромышленного комплекса, в том числе в рамках межгосударственных программ. Вместе с тем, как отмечается в специальном докладе, предстоящая работа Комиссии по координации совместных НИОКР и формированию системы горизонтального обмена знаниями и технологиями в сфере АПК будет предполагать осуществление сотрудничества с другими странами [7, с. 64].

Проблематика развития научно-технологического сотрудничества в рамках производственного сотрудничества в сфере АПК с заметной периодичностью поднимается на заседаниях Консультативного комитета по агропромышленному комплексу¹. Консультативный комитет создан на основе п. 7 и п. 44 Положения о ЕЭК² и функционирует на основе специального положения³. С точки зрения предметного поля нашей работы выделим те из его функций, которые направлены на решение не только отмеченных основных, но и непосредственно относящихся к вопросам научно-технологической интеграции задач. Эти задачи указаны в п. 4 (а) Положения о Комитете. В частности, к ним относится содействие развитию производственно-технической кооперации и рыночных форм производственной интеграции в сфере АПК; содействие развитию научно-технического сотрудничества в целях повышения конкурентоспособности АПК и его инновационного и экспортного потенциала. Организационным инструментом для реализации данных функций стала Рабочая группа по направлению «Научно-техническое сотрудничество»⁴.

Как таковая, научно-технологическая интеграция в ЕАЭС опирается на объекты инновационной инфраструктуры, позволяющие объединить ведущие национальные научные и производственные организации, отраслевые союзы и бизнес-структуры, которые интегрируют свои усилия в направлении реализации

¹ См.: Консультативный комитет по агропромышленному комплексу. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/KK/Pages/default.aspx (дата обращения: 23.05.2021).

² См.: Положение о Евразийской экономической комиссии // Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/8e3543f8dc9861d6acfa6a0c6678b972da1d07d0/ (дата обращения: 25.05.2021).

³ См.: Положение о Консультативном комитете по АПК. Приложение к Решению от 19 мая 2015 г. «О Положении о Консультационном комитете по АПК». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147801/clcd_22052015_58 (дата обращения: 24.03.2021).

⁴ См.: Состав Рабочей группы по направлению «Научно-техническое сотрудничество». URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/KK/Documents/Научно-тех.%20сотр.pdf (дата обращения: 25.05.2021).

региональных инновационных проектов. Ключевую роль по технологической трансформации АПК призвана сыграть Евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа¹, деятельность которой вызывает повышенный интерес в научной среде [9]. Одна из ее целей — развитие научного потенциала государств-членов ЕАЭС, мыслимого как основа для совместного решения практических задач в данном секторе. В качестве прикладной цели выступает разработка инновационных продуктов и их коммерциализация. Разнообразие задач коррелируется с разнообразием направлений деятельности. Это не только те или иные сегменты АПК (животноводство, растениеводство, земледелие, ветеринария, машиностроение), но и кросс-отраслевые направления: развитие малого бизнеса, трансфер технологий, подготовка и обмен кадрами.

Следует учитывать, что развитие АПК в рамках ЕАЭС происходит сегодня в условиях Четвертой промышленной революции. Поэтому одним из показателей интегрированности АПК в происходящие изменения, конечно же, выступают цифровые преобразования отрасли. Как показывает опыт ЕС, в настоящее время реализуются многообразные проекты по цифровой трансформации сельского хозяйства².

Дело определяется тем, что цифровые преобразования АПК — это результат широкого использования цифровых технологий, которые позволяют улучшить работу других технологий, например энергетических и технических систем, обеспечивая так или иначе условия для повышения производительности сельского хозяйства. Несмотря на то, что сельское хозяйство и в целом АПК выступают традиционной отраслью экономики, внедрение платформенных решений позволяет ей стать составной частью цифровой экономики. Разумеется, платформизация и внедрение цифровых технологий не могут заменить собой дальнейшее развитие традиционных ресурсов сельского хозяйства, а именно — новых сортов растений и пород животных, поскольку они (новые сорта и породы) являются специфическими объектами прав интеллектуальной собственности. Но цифровые технологии позволяют, во-первых, совершенствовать процесс НИОКР, во-вторых, улучшить процесс отслеживания эффективности полученных результатов и, наконец, в-третьих, повысить данную результативность. В свою очередь, цифровые трансформации АПК предполагают небывалое расширение объема данных, которые необходимо анализировать. Сбор и анализ данных — это составная часть автоматизированной системы ведения сельского хозяйства, позволяющей на основе данных контролировать работу теплиц, техники, полей, стад животных, земельных угодий. В качестве источников информации используются данные дистанционного зондирования Земли, получаемые со спутников или дронов. Причем это информация не только о посевах, вредителях, урожаях, увлажненности почвы, но и о работе сельскохозяйственной техники.

Значительной видится роль Интернета вещей. Все это имеет небывалое значение также и для развития органического сельского хозяйства.

¹ См.: Паспорт евразийской технологической платформы «Евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа». Приложение № 11 к Распоряжению Совета ЕЭК от 18 октября 2016 г. № 32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414433/cnco_06032017_32 (дата обращения: 31.05.2021).

² See.: Digital transformation in agriculture. URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/research-area/agriculture-forestry-and-rural-areas/digital-transformation-agriculture-and-rural-areas_en (дата обращения: 31.05.2021).

Цифровые преобразования сельского хозяйства связаны не только с тем, что цифровые платформы становятся узлами цифрового рынка, но и с тем, что выстраиваются новые кросс-отраслевые взаимодействия. Цифровые трансформации сельского хозяйства теснейшим образом связаны с общим переходом к новому технологическому укладу в данной отрасли, предполагая применение новых биотехнологий и методов геномной инженерии. Так, в новом Перечне совместных НИОКР на 2021–2025 гг. запланировано развитие сектора услуг и цифровых технологий в сельском хозяйстве (п. 27). Это говорит о состыковке сферы АПК как одного из интеграционных направлений с Цифровой повесткой ЕАЭС.

Таким образом, изложены веские аргументы в пользу того, что в рамках ЕАЭС может и должно быть сформировано новое направление научно-технологического сотрудничества организаций и предприятий по разработке и внедрению цифровых технологий, а также по коммерциализации инноваций, функционирующих на их основе. Пока ЕАЭС отстает от ЕС не только по совместным разработкам в сфере цифровых преобразований в сельском хозяйстве (они еще только намечаются на уровне НИОКР), но и по формированию совместных цифровых платформ, что, в свою очередь, сдерживает формирование не только общего, но и цифрового рынка сельхозпродукции, как, впрочем, и рынка соответствующих технологий и прав на них.

Переходя к выводам проведенного исследования, резюмируем, что в настоящее время в рамках ЕАЭС сложился чрезвычайно разветвленный правовой комплекс инструментов права ЕАЭС, выступающих правовой основой научно-технологической интеграции государств — членов ЕАЭС в сфере АПК. В силу отчетливо выраженной структурной композиции данных инструментов, относящихся к разным подсистемам права ЕАЭС, следует констатировать функционирование соответствующей правовой модели. Последняя создает все условия для оптимального сочетания вертикальной и горизонтальной интеграции в сфере агроиндустриальных исследований и технологий. Тем не менее в прогностическом аспекте можно сформулировать предположение, что большой перспективностью могло бы характеризоваться содержательное наполнение данной модели новыми международно-договорными положениями, предусматривающими не только намерения, но и обязательства государств — членов ЕАЭС по осуществлению научно-технологического сотрудничества в сфере АПК. В качестве направления совершенствования данной модели весьма перспективными представляются разработка и принятие тематической стратегии в сфере агроиндустриальных исследований и технологических проектов, а также разработка специальной межгосударственной программы. В последнем случае это смогло бы обогатить существующую правовую модель программным инструментом регулирования научно-технологической кооперации и интеграции в АПК.

Библиографический список

1. *Шарапова Н.В.* «Большие вызовы» глобализации как стимул к развитию агронауки и агропромышленного комплекса России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2018. № 11. С. 19–25.
2. *Кандакова Г.В., Чиркова М.Б., Малицкая В.Б., Плужникова Н.В.* Развитие международного научно-технического сотрудничества в аграрной сфере России: проблемы и перспективы // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2016. № 4. С. 187–196.

3. *Ануфриева Л.П.* О некоторых теоретических подходах к праву евразийской интеграции и ее институционализации // *Lex Russica*. 2017. № 9. С. 116–126.

4. *Пименова О.И.* Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // *Вестник международных организаций*. 2019. № 1. С. 76–93.

5. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи России. Доклад НИУ ВШЭ / отв. ред. Т.А. Мешков. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.

6. Три года интеграции: Согласованная агропромышленная политика ЕАЭС. М.: ЕЭК, 2018. 76 с.

7. Обзор государственной политики в сфере агропромышленного комплекса государств — членов ЕАЭС за 2012–2018 гг. (одобрен на заседании Коллегии ЕАЭС 19 марта 2019 г.). М.: Департамент агропромышленной политики ЕЭК, 2018. 104 с.

8. Обзор по актуальным и проблемным вопросам реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики. М.: Департамент агропромышленной политики ЕЭК, 2017. 128 с.

9. *Колязина Е.В., Цыпленкова Н.В.* Совершенствование ресурсного обеспечения Евразийской сельскохозяйственной технологической платформы // *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2018. № 11. С. 40–46.

References

1. *Sharapova N.V.* «Big Challenges» of Globalization as an Incentive to the Development of Agro-Science and the Agro-Industrial Complex of Russia // *Economics, Labor, Management in Agriculture*. 2018. No. 11. P. 19–25.

2. *Kandakova G.V., Chirkova M.B., Malitskaya V.B., Pluzhnikova N.V.* Development of International Scientific and Technical Cooperation in the Agrarian Sector of Russia: Problems and Prospects // *Bulletin of the Voronezh State Agrarian University*. 2016. No. 4. P. 187–196.

3. *Anufrieva L.P.* On Some Theoretical Approaches to the Law of Eurasian Integration and Its Institutionalization // *Lex Russica*. 2017. No. 9. P. 116–126.

4. *Pimenova O.I.* Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis // *Bulletin of international organizations*. 2019. No. 1. P. 76–93.

5. Eurasian Economic Integration: Development Prospects and Strategic Objectives of Russia. HSE report / ed. by T.A. Meshkov. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2019. 123 p.

6. Three Years of Integration: Agreed Agro-Industrial Policy of the EAEU. Moscow: ЕЭК, 2018. 76 p.

7. Review of State Policy in the Field of the Agro-Industrial Complex of the EAEU Member States for 2012–2018 (approved at the meeting of the EAEU Board on March 19, 2019). Moscow: EEC Department of Agro-industrial Policy, 2018. 104 p.

8. Review of Topical and Problematic Issues of the Implementation of an Agreed (Coordinated) Agro-Industrial Policy. Moscow: EEC Department of Agroindustrial Policy, 2017. 128 p.

9. *Kolyazina E.V., Tsyplenkova N.V.* Improving the Resource Provision of the Eurasian Agricultural Technological Platform // *Economy, Labor, Management in Agriculture*. 2018. No. 11. P. 40–46.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-238-245

УДК 341.1/8

Н.Н. Липкина

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ КОНТРОЛЯ КАК КРИТЕРИЯ ПРИСВОЕНИЯ ГОСУДАРСТВУ ПОВЕДЕНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ*

Введение: присвоение поведения — ключевая юридическая конструкция права международной ответственности. Исследование особенностей ее применения в сфере привлечения государства к международной ответственности за деятельность в киберпространстве отвечает потребностям современного этапа развития международного права. **Цель:** проанализировать предлагаемые в науке международного права ключевые подходы к развитию критерия контроля в рамках теста на присвоение государству поведения негосударственных субъектов в киберпространстве на предмет их эффективности и достаточности. **Методологическая основа:** в основу исследования положены методы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** проанализированы подходы к адаптации общего критерия присвоения государству поведения негосударственных субъектов, относящегося к контролю такого поведения со стороны государства, к особенностям общественных отношений в киберпространстве. **Выводы:** несмотря на то, что общая необходимость определения особенностей реализации в сфере общественных отношений в киберпространстве действующих норм права международной ответственности не вызывает сомнений, предлагаемые изменения юридического стандарта присвоения пока не находят подтверждения в международной практике в виде сформированного *opinion juris* государств. Кроме того, снижение установленного в общем международном праве стандарта присвоения требует всесторонней оценки на предмет его соразмерности и пригодности для целей обеспечения международной стабильности и суверенитета государств, с одной стороны, и обеспечения кибербезопасности — с другой.

Ключевые слова: международная ответственность, присвоение поведения, киберпространство, критерий эффективного контроля, критерий общего контроля.

N.N. Lipkina

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF CONTROL AS A CRITERION FOR ATTRIBUTING TO A STATE CONDUCT IN CYBERSPACE

Background: attribution of conduct is a key legal construct of the law of international responsibility. The study of the peculiarities of its application in the sphere of bringing a state to international responsibility for activities in cyberspace meets the needs of

© Липкина Надежда Николаевна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: n_lipkina@list.ru

© Lipkina Nadezhda Nikolaevna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor, Department of International law (Saratov State Law Academy)

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00806 «Теоретико-практическая модель утверждения территориального суверенитета и делимитации юрисдикций государств в киберпространстве».

the modern stage of development of international law. Objective: to analyze proposed in the science of international law key approaches to the development of the control criterion as part of the test for attributing to a state conduct of non-state actors in cyberspace for their effectiveness and sufficiency. Methodology: of the work amounted to analysis and synthesis methods, formal legal and comparative legal methods. Results: approaches to adapting the general criterion of attributing to a state conduct of non-state actors, related to the control of such conduct by a state, to the peculiarities of social relations in cyberspace are analyzed. Conclusions: despite the fact that the general need to determine the peculiarities of the implementation of the current rules of law of international responsibility in the field of public relations in cyberspace is beyond doubt, the proposed changes to the legal standard of attribution have not yet been confirmed in international practice in the form of a formed opinion juris of states. In addition, the reduction of the standard of attribution established in general international law requires a comprehensive assessment for its proportionality and suitability for the purposes of ensuring international stability and sovereignty of states, on the one hand, and ensuring cybersecurity, on the other.

Key-words: *international responsibility, attribution of conduct, cyberspace, test of effective control, test of overall control.*

В статье 2 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. (далее — Проект статей) определены два элемента международно-противоправного деяния государства — присвоение государству соответствующего поведения (состоящего в действии или бездействии) и нарушение международно-правового обязательства данного государства¹. Как отмечается в комментарии к Проекту статей, «общее правило состоит в том, что государству на международном уровне присваивается лишь поведение его органов управления или других субъектов, действующих по указанию, под руководством или под контролем таких органов, то есть агентов государства»². Данная идея в науке и на практике отражена в концепции «эффективного контроля» [1, р. 96].

Как подчеркнула Комиссия международного права ООН, нормы главы II Проекта статей о присвоении поведения «действуют в своей совокупности, но при этом носят ограничительный характер», и в отсутствие конкретного обязательства или гарантии, носящих характер *lex specialis*, государство не несет ответственности за поведение лиц или образований в обстоятельствах, не оговоренных в данной главе³. Несмотря на широкое признание на международном уровне применимости сложившихся в общем международном праве норм о международной ответственности государств к общественным отношениям в киберпространстве [1, р. 80; 2], особенности соответствующих отношений и трудности присвоения государствам поведения в киберпространстве (обусловленные, в частности, трансграничным характером деяний и сложностями сбора необходимых доказательств) предопределяют потребность в дальнейших дискуссиях и исследованиях, направленных

¹ См.: Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния: Доклад Комиссии международного права (Пятьдесят третья сессия (23 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2001 года)). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

² См.: Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния с комментариями к ним. С. 42. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 01.05.2021).

³ См.: Там же. С. 43.

на обсуждение целесообразности выработки специальных критериев присвоения поведения государству в киберпространстве, а также содержания таких критериев. Применим ли стандартный критерий «эффективного контроля» в данной сфере? Действительно ли выработка нового специального критерия присвоения государству поведения негосударственного субъекта в киберпространстве может способствовать обеспечению международного правопорядка?

Со ссылкой на принцип эффективности Комиссия международного права ООН подчеркнула необходимость наличия реальной связи между лицом или группой, совершающей то или иное деяние, и аппаратом государства для присвоения поведения в соответствии с критерием эффективного контроля¹. Данный критерий был разработан в практике Международного Суда ООН в решении по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*, в котором установлено, что лицо можно рассматривать в качестве действующего от имени государства в тех случаях, когда последнее фактически осуществляет определенную степень контроля над таким поведением, при этом общая зависимость и поддержка актора от государства не являются достаточными основаниями для присвоения его поведения государству². Эксперты, участвующие в подготовке Таллинского руководства 2.0 о международном праве, применимом к кибероперациям, подчеркнули, что применительно к общественным отношениям в киберпространстве «эффективный контроль» над конкретной кибероперацией негосударственного субъекта означает, что именно государство определяет выполнение и ход конкретной операции, неотъемлемой частью которой является киберактивность негосударственного субъекта, включая возможность инициировать выполнение составляющих операцию действий и возможность отдать приказ об их прекращении [1, р. 96].

Критерий эффективного контроля является достаточно строгим. Высказываемые в науке предложения по выработке специальных критериев присвоения государству поведения негосударственных субъектов в сравнении с критерием эффективного контроля направлены на снижение стандарта, заложенного в нем.

Во-первых, в комментариях к Проекту статей упоминается критерий общего контроля (*overall control*), предложенный в практике ряда международных органов. Например, в решении Международного трибунала для бывшей Югославии по делу *Tadić* отмечено, что степень контроля со стороны государства, необходимая для присвоения ему по международному праву деяний частных лиц, зависит от фактических обстоятельств каждого дела³. В практике Европейского суда по правам человека также прослеживается тенденция к снижению порога достаточной степени контроля: Суд неоднократно отмечал, например, что если факт господства над территорией установлен, нет необходимости определять, осуществляет ли государство обстоятельный контроль над политикой и действиями подчиненной местной администрации, и тот факт, что местная администрация выживает благодаря военной и иной поддержке государства, влечет за собой ответственность контролирующего государства за обеспечение

¹ См.: Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния с комментариями к ним. С. 53. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 01.05.2021).

² See.: ICJ. *Military and Paramilitary Activities in und against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*: Judgment of 27 June 1986, § 109, 115.

³ See.: ICTY. *Prosecutor v. Duško Tadić (case no.: IT-94-1-A)* : judgement of 15 July 1999, § 117.

в пределах территории, находящейся под его контролем, всего диапазона основных прав, изложенных в Конвенции, и оно будет нести ответственность за любые нарушения этих прав¹.

Во-вторых, разновидностью адаптации критерия эффективного контроля применительно к общественным отношениям в киберпространстве является критерий виртуального контроля [3, р. 19]. Предполагается, что тест будет шире, чем вышеупомянутые подходы [4, р. 82]. Если тест общего контроля требует наличия общего уровня контроля, выходящего за рамки простой поддержки или предоставления средств [4, р. 82], то в соответствии с тестом виртуального контроля простое предоставление финансов или поддержки со стороны государства будет означать достаточный контроль над негосударственными субъектами для целей привлечения данного государства к международной ответственности [3, р. 23].

В-третьих, например, П.З. Стокбургер на основе анализа межгосударственной практики предложил критерий «контроля и возможностей» (*control and capabilities test*), согласно которому для привлечения государства к международной ответственности возможно присвоить ему незаконные кибероперации негосударственных субъектов, которые ни де-юре, ни де-факто не являются государственными органами, без строгого соблюдения критерия эффективного контроля, используя вместо него целую группу факторов (мотивацию, географическое положение, технические показатели и отношения между негосударственным субъектом и государством) [5, р. 162].

Поиск способов разрешения затруднений в присвоении поведения государству в киберпространстве необходим, однако указанные варианты адаптации такого, нашедшего закрепление в общем международном праве, критерия присвоения государству поведения негосударственных субъектов, как критерий эффективного контроля, не лишены недостатков.

Прежде всего, следует отметить, что все три предлагаемых критерия пока не находят подтверждения в общем международном праве. Лишь один из них — критерий общего контроля — применяется в практике международных органов. Вместе с тем при исследовании обозначенных правовых позиций, сформулированных Международным трибуналом для бывшей Югославии и Европейским судом по правам человека, нельзя не учитывать контекст их применения, специфику тех сфер общественных отношений, в рамках которых данные правовые позиции были выработаны. Например, сама Комиссия международного права ООН подчеркнула, что и с юридической, и с фактической стороны дело *Tadić* отличалось от дела *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*, поскольку мандат Международного трибунала для бывшей Югославии связан с уголовной ответственностью физических лиц, а не с ответственностью государств, и речь в данном случае шла не об ответственности, а о применимых нормах международного гуманитарного права². В свою очередь, приведенная выше правовая позиция Европейского суда по правам человека была высказана им без конкретизации с точки зрения ее соотношения с правом международной ответственности, что по-разному было воспринято в науке и практике. Сам Ев-

¹ See.: ECtHR. *Al-Skeini and Others v. The United Kingdom* (GC) (appl. no. 55721/07), § 138, 7 July 2011.

² См.: Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния с комментариями к ним. С. 54. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 01.05.2021).

ропейский суд по правам человека подчеркивает, что рассматриваемый критерий установления наличия «юрисдикции» в соответствии со ст. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) никогда не приравнивался к критерию установления ответственности государства за международно-противоправное деяние согласно международному праву¹. Вместе с тем вопрос о соотношении критериев установления юрисдикции и сформулированных в общем международном праве критериев присвоения поведения государству для целей привлечения его к международной ответственности остается дискуссионным. Вынесение соответствующих постановлений Европейского суда по правам человека сопровождается представлением отдельными судьями особых мнений. Показательным можно считать постановление Европейского суда по правам человека по делу *Chiragov and Others v. Armenia*, в особых мнениях к которому как раз развернулась дискуссия о применимости критерия эффективного контроля, закрепленного в Проекте статей, и критерия «эффективного общего контроля», используемого Европейским судом по правам человека при рассмотрении вопроса установления юрисдикции для целей ст. 1 Конвенции.

Например, отметив, что в данном постановлении Суд, установив наличие «высокой степени» интеграции между Республикой Нагорный Карабах и Арменией, повысил порог эффективного контроля, судья Европейского суда по правам человека Ю. Моток подчеркнула, что Суд не рассматривал вопрос о присвоении действий, в результате которых заявители были лишены своего имущества². Судья И. Зимеле также поставила вопрос о том, должен ли Европейский суд по правам человека применять иной стандарт присвоения, чем тот, который установлен в международном праве, и должен ли в той или иной степени схожий стандарт определять юрисдикцию³.

Наконец, наиболее подробно вопросы соотношения юрисдикции и присвоения поднимает в своем особом мнении судья Европейского суда по правам человека А. Гюлумян, которая подчеркнула, что концепция «эффективного общего контроля» используется Судом для проверки наличия юрисдикции и определения уровня контроля, осуществляемого государством над территориями за пределами его признанных границ, в то время как понятия «эффективный контроль» или «общий контроль» являются критериями присвоения и относятся к контролю государства над отдельными лицами, группами или организациями⁴, и признала, что ссылка на тест «общего контроля» неуместна⁵.

Кроме того, в решении по делу *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* Международный суд ООН применил критерий эффективного контроля, указав, что критерий общего контроля непригоден, поскольку он чрезмерно расширяет сферу ответственности государства далеко за пределы основополагающего принципа, регулирующего право международной ответственности, согласно которому государство несет ответственность

¹ See.: ECtHR. *Catan and Others v. Moldova and Russia* (GC) (appl. nos. 43370/04, 8252/05 and 18454/06), § 115, 19 October 2012.

² See.: ECtHR. *Chiragov and Others v. Armenia* (GC) (appl. no. 13216/05): Concurring opinion of Judge Motoc, 16 June 2015. P. 84.

³ See.: ECtHR. *Chiragov and Others v. Armenia* (GC) (appl. no. 13216/05): Partly concurring, partly dissenting opinion of Judge Ziemele, 16 June 2015. P. 90–91.

⁴ See.: ECtHR. *Chiragov and Others v. Armenia* (GC) (appl. no. 13216/05): Dissenting opinion of Judge Gyulumyan 16 June 2015, § 57.

⁵ See.: *Ibid.* § 94.

только за свое собственное поведение, то есть поведение лиц, действующих на каком бы то ни было основании от его имени¹.

В свою очередь, критерий виртуального контроля и критерий «контроля и возможностей», очевидно, также еще не стали частью общего международного права и не получили признания в международной судебной практике. Авторы Таллинского руководства 2.0 подчеркнули, что в качестве *lex generalis* в сфере ответственности государства в киберпространстве выступает именно критерий эффективного контроля, закрепленный в ст. 8 Проекта статей [1, р. 96]. Государства также придерживаются общего критерия присвоения применительно к киберпространству. Например, согласно позиции Нидерландов порог для установления эффективного контроля высок и наличия лишь финансового вклада в деятельность негосударственного субъекта недостаточно для присвоения его поведения государству².

В качестве существенного критического замечания в отношении предлагаемых критериев можно отметить тот факт, что сама цель их разработки вызывает вопросы. Как было отмечено, каждый из трех критериев направлен на снижение юридического стандарта присвоения таким образом, чтобы даже в отсутствие доказательств соблюдения критерия эффективного контроля все равно иметь возможность применять к соответствующему государству юридические меры в целях привлечения его к юридической ответственности. Учитывая, что принимаемые потерпевшим государством контрмеры представляют собой неисполнение им международно-правовых обязательств, лежащие в основе решения о принятии таких мер основания, не позволяющие с достаточной определенностью сделать вывод о присвоении поведения, потенциально могут служить поводом для эскалации конфликта [6].

Критерий виртуального контроля также воспринимается как конструкция, противоречащая общей идее ответственности государства. Как подчеркивает Комиссия международного права ООН, цель присвоения — определить для целей ответственности, что речь идет о деянии государства³. Эксперты Таллинского руководства 2.0, комментируя правило № 15 о присвоении киберопераций, осуществляемых государственными органами, отмечают, что присвоение не распространяется на случаи исключительно частных действий или бездействий, например связанных с использованием доступа к киберинфраструктуре для целей осуществления преступной деятельности, ведущей к получению личной выгоды [1, р. 89]. Таким образом, если даже поведение лица, облеченного властными полномочиями, но при этом действующего в личных целях — с целью получения выгоды от соответствующего противоправного деяния, не присваивается государству, то столь широкий критерий как критерий виртуального контроля, предполагающий возможность присвоения государству поведения

¹ See.: ICJ. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro): Judgment of 26 February 2007, § 406.

² See.: Letter of 5 July 2019 from the Minister of Foreign Affairs of the Netherlands to the President of the House of Representatives of the Netherlands on the international legal order in cyberspace. P. 6. URL: <https://www.government.nl/documents/parliamentary-documents/2019/09/26/letter-to-the-parliament-on-the-international-legal-order-in-cyberspace> (date of viewing: 30.04.2021).

³ См.: Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, с комментариями к ним. С. 42. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 01.05.2021).

негосударственных субъектов в случае простой их поддержки или предоставления им средств, видится неоправданным.

Наконец, критерий «контроля и возможностей» вызывает сомнения в его пригодности для целей устранения проблем присвоения. Данный критерий предполагает учет таких факторов, подлежащих оценке при решении вопроса о присвоении поведения негосударственного субъекта государству, как географическое положение и технические показатели, установить которые может быть как раз затруднительно.

Таким образом, хотя общая необходимость определения особенностей реализации в сфере общественных отношений в киберпространстве действующих норм права международной ответственности не вызывает сомнений, тем не менее предлагаемые изменения юридического стандарта присвоения пока не находят подтверждения в международной практике в виде сформированного *opinion juris* государств. Кроме того, снижение установленного в общем международном праве стандарта присвоения требует всесторонней оценки на предмет его соразмерности и пригодности для целей обеспечения международной стабильности и суверенитета государств, с одной стороны, и обеспечения кибербезопасности — с другой.

Библиографический список

1. Tallinn manual 2.0 on international law applicable to cyber operations / ed. by M.N. Schmitt, L. Vihul. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 638 p.
2. Красиков Д.В. Международно-правовая ответственность государств в киберпространстве // Государство и право в новой информационной реальности: сборник научных трудов. Сер.: «Правоведение» / отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. С. 235–247.
3. Margulies P. Sovereignty and Cyber Attacks: Technology's Challenge to the Law of State Responsibility // Melbourne Journal of International Law. 2013. No. 14. P. 1–24.
4. Węgliński K. Cyberwarfare and Responsibility of States // Torun International Studies. 2016. No. 1 (9). P. 79–86.
5. Stockburger P.Z. Control and capabilities test: Toward a new lex specialis governing state responsibility for third party cyber incidents // 9th International Conference on Cyber Conflict : Defending the Core / H. Rõigas, R. Jakschis, L. Lindström, T. Minárik (Eds.). Tallinn : NATO CCD COE, 2017. 149–162.
6. Jensen E.T., Watts S. A cyber duty of due diligence: gentle civilizer or crude destabilizer? // Texas law review. 2017. Vol. 95. Issue 7. P. 1555–1577.

References

1. Tallinn Manual 2.0 on International Law Applicable to Cyber Operations / ed. by M.N. Schmitt, L. Vihul. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 638 p.
2. Krasikov D.V. International Legal Responsibility of States in Cyberspace // State and Law in the New Information Reality: collection of scientific works. Ser.: “Jurisprudence” / ed. by E. V. Alferova, D. A. Lovtsov. M.: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2018. P. 235–247.
3. Margulies P. Sovereignty and Cyber Attacks: Technology's Challenge to the Law of State Responsibility // Melbourne Journal of International Law. 2013. No. 14. P. 1–24.
4. Węgliński K. Cyberwarfare and Responsibility of States // Torun International Studies. 2016. No. 1 (9). P. 79–86.

5. *Stockburger P.Z.* Control and capabilities test: Toward a new *lex specialis* governing state responsibility for third party cyber incidents // 9th International Conference on Cyber Conflict : Defending the Core / H. Rõigas, R. Jakschis, L. Lindström, T. Minárik (Eds.). Tallinn : NATO CCD COE, 2017. 149–162.

6. *Jensen E.T., Watts S.* A cyber duty of due diligence: gentle civilizer or crude destabilizer? // *Texas law review*. 2017. Vol. 95. Issue 7. P. 1555–1577.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-246-252

УДК: 342.72/.73.

О.Ю. Ситкова

ПРЕВЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВозащитных МЕР, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ*

Введение: актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа имеющихся в российской практике приёмов и способов, позволяющих обеспечить информационную безопасность несовершеннолетних в сети Интернет, а также необходимостью определения их эффективности. **Цель:** определить функциональную направленность мер, предусмотренных профильным законодательством РФ и направленных на защиту детей от вредной информации, поступающей из сети Интернет. **Методологическая основа:** общенаучный диалектический метод познания, а также методы индуктивной и дедуктивной логики. **Результаты:** на основе анализа положений Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 5 апреля 2021 г.) сделан вывод о том, что меры, применяемые в защиту прав детей на безопасное информационное пространство, реализуются в рамках профилактики и направлены на предотвращение поступления вредной информации в детско-подростковую среду через сеть Интернет и другие медиа. Одним из механизмов реализации профилактики названо четкое формулирование обязанностей, которые побуждают субъекта к правомерному поведению. Ясное понимание лицом предъявляемых ему требований и факт существования норм служат гарантией предупреждения правонарушений. **Выводы:** в качестве превентивных мер, используемых для обеспечения безопасного для детей информационного пространства, обозначены технические, правовые и социальные меры. Обоснована их комплексная реализация в качестве эффективной меры обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних.

Ключевые слова: информация, дети, защита, механизм, функции правозащитных мер, профилактика, информационная безопасность, правовое регулирование.

O.Yu. Sitkova

PREVENTION IN THE SYSTEM OF HUMAN RIGHTS MEASURES TO ENSURE THE SAFETY OF MINORS ON THE INTERNET

Background: the relevance of the study is due to the need to analyze the techniques and methods available in Russian practice to ensure information security of minors on the Internet, as well as the need to determine their effectiveness. **Objective:** to determine the functional orientation of the measures provided for by the relevant legislation of the

© Ситкова Ольга Юрьевна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olga.sitkova@mail.ru

© Sitkova Olga Yurievna, 2021

Candidate of law, Associate professor, Professor, Department of the International law (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00570\20.

*Russian Federation and aimed at protecting children from harmful information coming from the Internet. **Methodology:** general scientific dialectical method of cognition, as well as methods of inductive and deductive logic. **Results:** based on the analysis of the provisions of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FL (as amended on 05.04.2021) “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”, it was concluded that the measures taken to protect children’s rights to a safe information space, are implemented within the framework of prevention, and are aimed at preventing the flow of harmful information into children and adolescents through the Internet and other media. One of the mechanisms for the implementation of prevention is called a clear formulation of responsibilities that induce the subject to lawful behavior. A clear understanding by a person of the requirements presented to him and the fact of the existence of norms serves as a guarantee of the prevention of offenses. **Conclusions:** technical, legal and social measures are identified as preventive measures used to ensure a secure information space. Their complex implementation is substantiated as an effective measure to ensure information security of minors.*

Key-words: information, child, protection, mechanism, functions of human rights measures, prevention, right to information, legal regulation.

Противодействие распространению незаконного интернет-контента, защита несовершеннолетних от интернет-угроз — одна из наиболее актуальных проблем международного сообщества. Современные дети сталкиваются в сети Интернет со многими рисками — начиная с нарушения конфиденциальности, похищения личных данных, кибер-мошенничества и заканчивая размещением незаконного контента, грумингом и буллингом в интернет-пространстве, сексуальным насилием и эксплуатацией. Для обеспечения безопасного интернет-пространства, государство вырабатывает различные правозащитные меры. При этом последние исследования, проводимые в рамках проекта EU Kids Online II¹, показали, что риски кибер-угроз не уменьшаются. В связи с этим видится необходимым определить, эффективны ли меры, установленные государством в целях обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних, оправдывают ли они свое назначение. Прежде всего, важно выявить цели правозащитных мер в исследуемой сфере отношений и их функциональную направленность.

Представленные в отечественном законодательстве меры могут выполнять разные функции, но, являясь частью охранительных отношений, они должны отвечать целям и принципам правового регулирования, указанным во вводных положениях соответствующего законодательства, программных документах, совпадать с нормами, направленными на охрану детства в целом и обеспечение безопасной информационной среды для детей в частности. При этом следует отметить, что цели правового регулирования не обозначаются в профильном Законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 5 апреля 2021 г.)² (далее — ФЗ РФ № 436-ФЗ) и их необходимо выводить путем толкования имеющихся в законодательстве норм.

¹ См.: Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/book/edd/bd8/8799799/RussianKidsOnline_Final_ReportRussian.pdf (дата обращения: 14.05.2021).

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 48.

Слово «цель» определяется в словаре как «то, к чему нужно стремиться, что надо осуществить» [1, с. 859]. Цель понимается как один из элементов «поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определённых средств. Цель выступает как способ интеграции различных действий человека в некоторую последовательность или систему. Анализ деятельности в качестве целенаправленной предполагает выявление несоответствия между наличной жизненной ситуацией и целью, осуществление цели является процессом преодоления этого несоответствия» [2].

Цель понимается как «конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором (совместно с желанием его достигнуть) предопределяет выбор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению» [3].

К.В. Шундиков под юридической целью понимает идеально предполагаемую и гарантированную государством модель социального состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализаторской деятельности [4, с. 11].

Таким образом, цель — идеальная модель общественных отношений, к которой стремится законодатель, формулируя так или иначе правовые нормы. Основное назначение целенаправленных действий — стремление к изменению наличного положения вещей и приведение его в соответствие с той моделью, которую государство установило в качестве «идеальной». «Идеальная модель» зафиксирована в ст. 2 ФЗ РФ № 436-ФЗ: информационная безопасность детей — состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Соответственно цель применения правозащитных мер состоит в достижении того правового результата, который установлен во вводных положениях ФЗ РФ № 436-ФЗ и иных нормативных актах, регулирующих вопросы информационной безопасности несовершеннолетних, а именно в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних, обеспечении состояния защищенности детей в информационном пространстве.

В.В. Лазарев указывает, что правомерное поведение является одной из целей права. Та модель, которая закреплена в ФЗ РФ № 436-ФЗ, и есть правомерное поведение, то есть желательное для законодателя и в конечном итоге для государства. Следует отметить, что эта идеальная модель не формулируется спонтанно, а является результатом выявления интересов современного общества, существующих в нем недостатков, а также определяется задачами, которые перед ним ставятся. Эти задачи в итоге обуславливаются интересами государства. Цели правового регулирования, а следовательно и цели применения правозащитных мер являются выражением воли государства, которая направлена на создание отношений «удобных», «правильных» с позиции государства.

Реализация функций правозащитных мер возникает в момент формирования у человека умысла на совершение противоправного действия. С этого момента начинается реализация превентивной функции мер воздействия, которая направлена на недопущение нарушения существующих правоотношений, прав и законных интересов несовершеннолетних. Таким образом, существование и применение правозащитных мер должно предотвращать правонарушения в сфере информационной безопасности несовершеннолетних в будущем. Стоит со-

гласиться с мнением А.А. Данченко в том, что превентивная функция является важнейшей, так как главной задачей правового регулирования должно быть не наказание виновных, а создание таких условий, при которых правонарушители откажутся от совершения проступков.

Одним из механизмов реализации превенции следует назвать четкое формулирование обязанностей, которые и побуждают субъекта к правомерному поведению. В литературе указывается, что ясное понимание лицом предъявляемых ему требований и факт существования норм служат гарантией предупреждения правонарушений [5, с. 329].

Обязанности по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних участников онлайн-отношений возложены на организации, предоставляющие площадки для соответствующей информации в сети Интернет. Так, в частности, на интернет-провайдеров и хостинг-провайдеров возложена обязанность по обнаружению и блокировке вредной информации, которая передается через их собственные серверы. Эта мера работает лишь при официальном заявлении о блокировании сайта с размещенной вредной информацией. При этом премодерация и поиск вредной информации по ключевым словам не реализовываются, поскольку это связано с большой дополнительной нагрузкой на сервис-провайдеров и хостинг-провайдеров, что может сказаться на повышении абонентской платы для пользователя услуг [6, с. 72]. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 9 марта 2021 г.)¹, в ст. 15.1 предусмотрено, что в целях ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создается единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». В реестр включаются:

доменные имена и (или) указатели страниц сайтов в сети Интернет, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено;

сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (в ред. от 18 мая 2020 г.)² на принятие решений об ограничении доступа к запрещенной информации уполномочены МВД РФ, Роскомнадзор, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, Федеральное агентство по делам молодежи и др.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, . I, т. 3448.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации 2012. № 44, ст. 6044.

Таким образом, отечественное законодательство устанавливает внесудебный порядок блокировки сайтов, содержащих информацию, причиняющую вред физическому и психическому развитию детей.

Особый статус занимают органы прокуратуры, которые не обладают самостоятельными полномочиями для внесения сайтов в реестр, но проводят мониторинг для выявления ресурсов, распространяющих информацию, за которую предусмотрена уголовная или административная ответственность и которая признается запрещенной на территории РФ (п. 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации»).

В качестве еще одной превентивной меры признается обязанность администрации образовательных учреждений дополнительно фильтровать трафик на предмет вредной для детей информации. Контроль за реализацией данной меры возложен на органы прокуратуры. Так, прокуратурой в медицинском колледже федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дагестанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ проведена проверка соблюдения законодательства о защите несовершеннолетних от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, и законодательства о противодействии экстремистской деятельности. В ходе прокурорской проверки обнаружено, что при помощи компьютеров, расположенных в кабинете информатики колледжа, у несовершеннолетних учащихся имеется доступ к материалам, занесенным в федеральный список экстремистских материалов. Администрация образовательного учреждения возражала против этого факта на том основании, что материалы, занесенные в федеральный список экстремистских материалов, в отношении которых, как указывала прокуратура, образовательная организация должна устанавливать фильтры, не приведены в перечне видов информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей в ФЗ № 436-ФЗ, а также не соответствующей задачам образования. Свое несогласие администрация учреждения мотивировала вдобавок тем, что закон распространяется только на вузы, а не на колледжи.

Возражения ответчика не были приняты во внимание, и требования прокурора были удовлетворены.

Суд пояснил, что доводы ответчика несостоятельны, поскольку указанная информация (в том числе экстремистские материалы) подпадает под п. 3 вида информации, запрещенной для распространения среди детей согласно ч. 2 ст. 5 ФЗ № 436-ФЗ, то есть является информацией, обосновывающей или оправдывающей допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающей осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным¹. Таким образом, суд прибегает к расширительному толкованию норм Закона ФЗ № 436-ФЗ, что, с одной стороны, оправданно, так как перечень вредной информации в указанном законе закрытый, но, с другой стороны, расширительное толкование судом норм законодательства не допускается.

По другому делу по результатам проверки установлено, что в Лянторском нефтяном техникуме не приняты административные и организационные меры, а

¹ См.: Решение Советского районного суда г. Махачкалы по делу № 2-3868/2019 от 17 июля 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bkld3V8BpFv/> (дата обращения: 21.05.2021).

также не предусмотрены технические, программно-аппаратные средства защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Был проведен осмотр персонального компьютера в кабинете информатики; на данном ПК через браузер Яндекс был получен свободный доступ к информации, размещенной в сети Интернет, в том числе к экстремистскому материалу. Беспрепятственный доступ к указанной информации получен и на других компьютерах. По этому адресу размещена и доступна для скачивания и чтения книга, которая решением Солнцевского районного суда города Москвы от 18 сентября 2012 года признана экстремистским материалом и включена в федеральный список экстремистских материалов.

Кроме того, на компьютере в кабинете информатики был получен свободный доступ к информации, размещенной в сети Интернет, в том числе к файлам порнографического характера. Доступ к указанной информации не защищен контентфилтратией, для получение пароля с целью доступа в сеть Интернет и для подтверждения лицом, желающим получить пароль для доступа, достижения возраста 18 лет не требуется¹. Понятно, что и в этом случае требования прокурора были также удовлетворены.

В качестве еще одного метода профилактики информационной безопасности несовершеннолетних предлагается осуществление контроля со стороны родителей за поведением детей в Интернете [7]. В качестве технических мер для обеспечения информационной безопасности детей родителям предлагается использовать интернет-фильтры — программы, которые блокируют вредный контент (блокируются либо определенная информация, либо определенные веб-сайты).

Также в рамках превентивных мер необходима работа по обучению несовершеннолетних пользователей компьютерной грамотности, особенно это необходимо в условиях большой вовлеченности детей в общение в социальных сетях. Полагаем, что важной задачей государства должно явиться обеспечение комплексной и совместной помощи детям, родителям и учителям в получении качественного интернет-образования.

Таким образом, среди необходимых мер, применяемых с целью защиты детей от вредной информации, поступающей из сети Интернет и других медиа, следует выделять технические, правовые и социальные меры. При этом становится очевидным, что использование этих мер обособленно друг от друга не принесет ожидаемых результатов, в связи с чем видится необходимым комплексное воздействие на сферу использования информационного пространства несовершеннолетними гражданами. Для этого важны не только технические средства ограничения доступа детей к вредной информации, но и обеспечение безопасного медиaproстранства, а также воспитательные, культурно-просветительские меры, которые позволили бы сформировать у юных пользователей Интернета навыки самостоятельного позитивного использования медиаресурсов.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1964. 900 с.
2. Советский философский словарь. М.: Политиздат, 1974 г.
3. Философия науки: словарь основных терминов. М.: Академ. проект, 2004.

¹См.: Постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа по делу № 4А-633/2019 от 9 июля 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e706HL6Mh8rR/> (дата обращения: 25.05.2021)..

4. *Шундигов К.В.* Цели и средства в праве (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 24 с.
5. *Липинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2004. 407 с.
6. *Бородин К.В.* Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 68–73.
7. *Ситкова О.Ю., Шварц Л.В.* Современное состояние зарубежных научных исследований о безопасности детей в информационно-коммуникационной среде // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2 (79). С. 76–88.

References

1. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. Ed. 6th, erased. M.: Publishing house «Soviet Encyclopedia», 1964. 900 p.
2. Soviet Philosophical Dictionary. Moscow: Politizdat, 1974.
3. Philosophy of Science: Dictionary of Basic Terms. M.: Academ. project, 2004.
4. *Shundikov K.V.* Aims and Means in Law (general theoretical aspect): extended abstract of diss. cand. of law. Saratov, 1999. 24 p.
5. *Lipinsky D.A.* Legal Responsibility Problems / Ed. R.L. Khachaturov. 2nd ed., rev. and add. SPb., 2004. 407 p.
6. *Borodin K.V.* Legal Protection of Minors from Information that is Harmful to Their Health and Development, Disseminated on the Internet // Actual problems of Russian law. 2016. No. 7 (68). P. 68–73.
7. *Sitkova O.Yu., Schwartz L.V.* The Current State of Foreign Scientific Research About Child Safety in the Information and Communication Environment // Legal policy and legal life. 2020. No. 2 (79). P. 76–88.

ПЕРСОНАЛИИ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ХАЙДУКОВА

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PROFESSOR NIKOLAI PETROVICH HAIDUKOV

В феврале 2021 г. исполнилось 80 лет со Дня рождения профессора кафедры правовой психологии и судебной экспертизы Саратовской государственной академии права (с 2011 г. — Саратовская государственная юридическая академия, СГЮА) Н.П. Хайдукова (01.02.1941–22.09.2000), основоположника психолого-юридического направления развития саратовской региональной психологической научной школы.

Николай Петрович родился в крестьянской семье в пос. Рожновка Ладского района Мордовской АССР. Когда в 1941 г. началась Великая Отечественная война, его отец ушел на фронт и не вернулся. Николая воспитывала мать Хайдукова Екатерина Алексеевна (1910–2001). В 1948 г. он поступил в первый класс Голубцовской семилетней школы Ромадановского района Мордовской АССР, которую окончил в 1955 г. В том же году он поступил в 8 класс Курмачкасской средней школы Ромадановского района Мордовской АССР, окончив ее в 1958 г. По его рассказам, учеником он примерным не был, рос озорником.

После окончания школы Николай Петрович год работал в колхозе. Затем (01.09.1959–10.07.1961) учился в железнодорожное училище № 1 г. Рузаевка Мордовской АССР. Закончив училище, получил направление на работу электромонтера на дистанцию контактной сети Рузаевского участка энергоснабжения ЭЧ-2 Куйбышевской железной дороги. В то время Николай Петрович активно участвовал в художественной самодеятельности, за что, как записано в трудовой книжке, получил благодарность и денежную премию. Однако 28 ноября 1962 г. он был призван в ряды Вооруженных сил СССР. Во время службы в армии, в октябре 1963 г., Николай Петрович вступил в члены КПСС (партбилет № 11993307).

Вся дальнейшая биография Николая Петровича была связана с Саратовским юридическим институтом им. Д.И. Курского (СЮИ; с 1994 г. — Саратовская государственная академия права, СГАП).

После окончания армейской службы в 1965 г. Н.П. Хайдуков поступил, а в 1969 г. окончил СЮИ по специальности Правоведение (квалификация Юрист). Во время обучения в институте Николай Петрович с 29 октября 1967 г. по 17 октября 1969 г. был освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ юридического института. С этой должности он был освобожден в связи с переходом на работу на кафедру криминалистики СЮИ.

Согласно сведениям из трудовой книжки Н.П. Хайдукова, с 17.10.1969 он начал работать преподавателем кафедры криминалистики, а с 06.12.1973 был старшим преподавателем той же кафедры.

В сентябре 1975 г. из состава кафедры криминалистики выделилась кафедра правовой психологии и судебной экспертизы, на которой преподавались дисциплины: судебная медицина и психиатрия, судебная психология и статистика. Заведующим кафедрой стал доктор медицинских наук, профессор В.В. Козлов (1930–2010), возглавлявший ее до 1995 г. Таким образом, именно в Саратовском юридическом институте впервые в регионе была сформирована психологическая кафедра, на которой продолжилось (после кафедры криминалистики) преподавание судебной психологии и впервые в регионе начались научные исследования психолого-юридической направленности. Сначала некоторое время в СЮИ преподавал судебную психологию доцент, кандидат юридических наук Николай Петрович Иваник, а затем (до конца своей жизни) — Н.П. Хайдуков.

14 декабря 1978 г., Хайдуков был переизбран с кафедры криминалистики на должность старшего преподавателя кафедры правовой психологии и судебной экспертизы. С 30 июня 1982 г. он был избран на должность и.о. доцента, а 30 июня 1987 г. он уже доцент кафедры правовой психологии и судебной экспертизы. С первого сентября 1995 г. Николай Петрович Хайдуков был назначен на должность и. о. заведующего кафедрой правовой психологии и судебной экспертизы, а 18 января 1996 г. — избран на должность заведующего этой кафедрой. В 1999 г., 29 ноября, он был переведен с должности доцента на должность профессора кафедры правовой психологии и судебной экспертизы СГАП. Но 22 сентября 2000 г. он скоропостижно скончался. Для всего научного мира это невосполнимая урата.

Вести курс общей и судебной психологии на всех факультетах и отделениях СЮИ Н.П. Хайдуков начал с сентября 1970 г., будучи преподавателем кафедры криминалистики. Он читал лекции и вел семинарские занятия. С 1990-х гг. Хайдуков преподавал юридическую психологию, создав концептуальную основу учебной программы, которая актуальна и по настоящее время, а также руководил подготовкой курсовых и дипломных работ по данной дисциплине. За время работы на кафедре правовой психологии и судебной экспертизы он повышал свою квалификацию в научных и учебных центрах Москвы, Ленинграда, Саратова.

В 1979 г. в ученом Совете Всесоюзного института прокуратуры СССР Н.П. Хайдуковым была успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Тактические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц», подготовленная под руководством доктора юридических наук А.Р. Ратинова (1920–2007), возглавлявшего сектор юридической психологии во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР. В издательстве СГУ в 1984 г. Н.П. Хайдуковым была опубликована одноименная с диссертацией книга «Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц», которая явилась первым в нашей стране монографическим исследованием по проблемам психического воздействия, применяемого следователями, которая сохраняет свою актуальности и поныне. Всего Н.П. Хайдуковым было опубликовано более 25 научных трудов.

В работах Н.П. Хайдукова были заложены основы психолого-юридических исследований, разрабатываемые и поныне на кафедре правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики СГЮА. Одно из научных направлений начатых

Николаем Петровичем в 1970–1980-е гг., было связано с изучением психолого-юридических основ психического воздействия, оказываемого следователем на участвующих в деле лиц. По смежной тематике позднее были выполнены исследования Е.В. Стрельцовой («Тактические и психологические основы допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых», 2007 г.) и Е.А. Вертягиной («Профессиональная адаптация молодых следователей прокуратуры», 2006 г.), сотрудниц и учениц Николая Петровича.

В рамках данного направления в 1997 г. при кафедре правовой психологии и судебной экспертизы была организована научная лаборатория психодиагностики и экспертных исследований, работу которой курировали первоначально Н.П. Хайдуков, затем — С.В. Утехин, А.Л. Южанинова. Научно-практическая работа в течение нескольких лет в лаборатории состояла преимущественно в научном обеспечении, организации и проведении психодиагностического обследования абитуриентов института прокуратуры СГАП и проведения судебно-психологических экспертиз.

Изучение возможностей судебной психологической экспертизы стало вторым научным направлением, у истоков которого на кафедре также был Н.П. Хайдуков. Выделение этого вектора научных изысканий было продиктовано запросами практики. Выполняя судебно-психологические экспертизы по уголовным и гражданским делам ученые: Н.П. Хайдуков, Л.Г. Петрова, А.Л. Южанинова, В.М. Лисовцева обобщали опыт и публиковали монографии, научные статьи, учебные пособия.

В настоящее время сотрудники кафедры: заведующий, доцент, кандидат медицинских наук Г.Р. Колоколов; доценты Л.Г. Петрова, А.Л. Южанинова, Е.В. Стрельцова, Е.А. Вертягина; старшие преподаватели В.М. Лисовцева, Н.В. Купцова и др. продолжают его дело, основы которого были заложены Н.П. Хайдуковым, создателем саратовской региональной психолого-юридической школы.

В памяти коллег и учеников Н.П. Хайдуков остался как творческий руководитель, особое внимание уделявший развитию потенциала кафедры правовой психологии и судебной экспертизы СГАП. Он искренне любил дело, которым занимался, верил в него и поддерживал тех, с кем работал и кого учил.

Г.Р. Колоколов, А.Л. Южанинова, Т.М. Бареев

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10). Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>